

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр этносоциологических исследований

**ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ
В ТАТАРСТАНЕ:
ОПЫТ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник статей к юбилею
Леонаиды Михайловны Дробижевой**

ББК 63.5(2)

Э 91

Редакционная коллегия:

Р.Н. Мусина (составитель и ответственный редактор),

Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова

Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований.
Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / Редакторы: Р.Н. Мусина,
Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 316 с. + 8 с. цв. вкл.

Сборник статей татарстанских ученых приурочен к юбилею Леокадии Михайловны Дробижевой. Она является одним из основателей этносоциологии в отечественной науке. Неоспорим ее вклад в изучение этносоциальных проблем советского и постсоветского российского общества, в том числе и Республики Татарстан. Тесная связь Л.М. Дробижевой с Татарстаном, ее сотрудничество с татарстанскими учеными способствовали формированию и развитию этносоциологии в республике.

В статьях представлены преимущественно результаты этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан. В них рассматриваются проблемы этнонациональной политики, межэтнических отношений, анализируются идентификационные процессы, ценностные ориентации и культурные потребности этнических групп.

Книга предназначена для широкого круга ученых-обществоведов, политиков, преподавателей, студентов и всех интересующихся развитием современных этносоциальных и этнокультурных процессов.

На обложке: фото А.Г. Титова 2012 г.

ISBN 978-5-94981-168-9

© Авторы публикаций, 2013
© Институт истории АН РТ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Сагитова Л.В.</i> Леокадия Дробижева. Черты профессиональной биографии: взгляд из Татарстана	7
<i>Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н.</i> Становление и развитие этносоциологии в Республике Татарстан	16

ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

<i>Мухарямов Н.М.</i> Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов	35
<i>Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н.</i> Этнонациональная политика Республики Татарстан: модельные основания и проблемы	57
<i>Мухарямова Л.М., Андреева А.Р.</i> Институционализация национальной школы в постсоветской России	87
<i>Сагитова Л.В.</i> Дом Дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана	116

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

<i>Хакимов Р.С.</i> Дихотомия иерархии идентичностей	137
<i>Макарова Г.И.</i> Российская и региональная идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики	149
<i>Низамова Л.Р.</i> Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе	171
<i>Махматов З.А.</i> Компоненты этнической идентичности татар Казахстана	184

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ

<i>Столярова Г.Р.</i> Межэтнические отношения в Казани: традиции взаимодействия и тенденции развития	194
<i>Зинурова Р.И.</i> Экстремизм и идеологический дискурс экстремизма: структурные особенности и региональная специфика	207
<i>Титова Т.А., Козлов В.Е., Кушаев Р.Р.</i> «Свои – чужие»: этнические мигранты в восприятии представителей принимающего населения Республики Татарстан	225

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

<i>Титова Т.А., Козлов В.Е.</i> Современное русское сельское население Татарстана: этнокультурные потребности и социально-психологическое самочувствие	241
<i>Иванова Э.А.</i> Провинциальный город в полиэтничном социокультурном пространстве	259
<i>Гарипов Я.З.</i> Язык как этнокультурная ценность и фактор формирования идентичности	278
<i>Ходжаева Е.А.</i> Религиозность мусульманской молодежи в перспективе количественного и качественного исследования	293
Сведения об авторах	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание этой книги, подготовленной татарстанскими учеными – этносоциологами и этнополитологами – приурочено к юбилею доктора исторических наук, профессора *Леокадии Михайловны Дробижевой*.

Леокадию Михайловну многое связывает с Республикой Татарстан. Прежде всего – это профессиональные связи. Наша республика стала первой исследовательской площадкой для формирующегося в СССР в середине 1960-х гг. нового научного направления – этнической социологии. Ю.В. Бромлей, выступая на Всесоюзной конференции по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, проводившейся в 1984 г. в г. Черновцы, назвал ТАССР колыбелью этносоциологии. Здесь в далеком 1967 году было проведено первое в нашей стране масштабное комплексное исследование, направленное на изучение влияния этнического фактора на социальные процессы и явления. Именно здесь формировались и апробировались первые теоретические и методические подходы к изучению этносоциальных процессов, а подготовленная по результатам исследования монография «Социальное и национальное. Этносоциологическое исследование по материалам Татарской АССР» (М.: Наука, 1973) явилась первой в СССР книгой по этнической социологии. Л.М. Дробижева была в числе редакторов этой книги, ее перу принадлежит одна из глав монографии, посвященная психологическим аспектам национальных отношений в ТАССР. В этом разделе впервые в советской науке была поставлена проблема проявления этнических установок в конкретных социальных ситуациях и влияния на них типологических особенностей личности.

В 1990–2000-х гг. Республика Татарстана неоднократно, в числе других российских регионов, становилась исследовательским полем для реализации крупных международных и российских проектов под руководством Л.М. Дробижевой. Леокадия Михайловна является инициатором, организатором и вдохновителем этих исследований, автором теоретических и методических подходов к исследовательским задачам. Она принимает самое активное участие в разработке инструментария исследований, в контроле массовых опросов и непосредственно в сборе полевых материалов. Ею в эти годы проведена серия интервью с политической, культурной элитой Республики Татарстан,

с лидерами национальных движений, с творческой и научной интеллигенцией. В числе интервьюируемых Леокадией Михайловной лиц были Президент РТ М.Ш. Шаймиев и лидер национальной оппозиции Ф.Байрамова, режиссер татарского театра М. Салимжанов и заместитель муфтия ДУМ РТ В.Якупов и многие другие. Леокадия Михайловна стремится быть в курсе текущих событий республики. Ее принцип исследователя – держать руку на пульсе времени – требует непосредственной включенности в ткань происходящих в Татарстане событий. Она бывает на митингах татарских и русских активистов, на религиозных праздниках, на значимых событиях культурной жизни народов РТ. Она постоянный читатель республиканских СМИ и Интернет ресурсов.

Неоценим вклад Л.М. Дробижевой в подготовку кадров ученых-этносоциологов Республики Татарстан. Некоторым из нас посчастливилось быть ее аспирантами, другие ощутили ее помощь и поддержку в профессиональном росте, при подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций. Своей позицией она подтверждает известный афоризм «Учительство рассчитано на вечность». Ее книги и другие публикации стали настольными как для состоявшихся, так и для начинающих ученых. Многие слушали ее лекции, доклады, принимали участие в инициированных Леокадией Михайловной дискуссиях, участвовали в совместных исследовательских проектах, заражаясь ее неиссякаемой энергией творческого поиска, ее нацеленностью на социальный эффект исследовательского труда. Не только ученики Леокадии Михайловны, но и ученики учеников относят себя к «Школе Дробижевой».

При составлении сборника мы стремились, прежде всего, отразить проблематику, входящую в круг научных интересов Леокадии Михайловны, а также показать применение ее подходов к изучению этнической сферы Татарстана. Мотивом создания книги стали и теплые чувства, испытываемые к юбиляру всеми авторами настоящего проекта. Книга является подарком и своеобразным знаком признательности нашему Учителю.

Редакционная коллегия

Л.В. Сагитова

ЛЕОКАДИЯ ДРОБИЖЕВА.

ЧЕРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ:

ВЗГЛЯД ИЗ ТАТАРСТАНА

Слом эпох приносит не только разрушения. Для личности рефлексивной, стремящейся понять и осмыслить пути общественного развития такое время плодотворно, поскольку динамика происходящего, революционность перемен дают возможность держать руку на пульсе времени, включаться в ход событий, пытаться влиять на них, наблюдать и фиксировать современность во всей ее быстротечности. Масштабность задач требует не только незаурядного ума, огромного профессионального багажа, энергии, но и определенного склада души, гражданской позиции. Далекое шестидесятие способствовало формированию целой плеяды выдающихся ученых, для которых история страны, ощущение ответственности за ее развитие, как и за развитие отечественной гуманитарной науки – неразделимые понятия.

Одной из ярких личностей российской когорты интеллектуалов является та, кому посвящена эта книга. Имя Л.М. Дробижевой сегодня стало брэндом отечественной этносоциологии, наряду с именем ее коллеги и соратника Ю.В. Арутюняна. Не умаляя вклада Юрика Вартановича в становление целого научного направления (его по праву нарекли «отцом российской этносоциологии»), можно сказать, что Леокадия Михайловна придала новый стимул ее развитию. Это выражается, прежде всего, в том, что она сформировала авторскую, апробированную в ходе почти пяти десятков лет постоянных полевых крупномасштабных исследований, методологию изучения этнической сферы России в условиях общественной трансформации. Наряду с нормативными требованиями к исследовательской работе – разносторонний подход к этничности (с позиций демографии, политологии, экономики, социальной психологии и других наук), постоянный поиск и сомнение, Леокадия Михайловна во главу угла профессионального кодекса этносоциолога поставила и ценность социальных отношений исследователей в рамках этносоциологической лаборатории – умение работать в команде, принципы дружеского участия, взаимовыручки и поддержки.

Персона Л.М. Дробижевой сама по себе может стать объектом исследования и анализа, поскольку является показательным примером того, как эпоха формирует Личность и как полученный импульс реализуется в ее биографии и в социальном творчестве. Наш взгляд не претендует на всеохватность богатейшей биографии Леокадии Михайловны. Но время, проведенное с ней в работе над многочисленными проектами, написанием коллективных монографий, изучением ее работ и просто в дружеском общении, позволило предпринять попытку реконструкции ее профессионального пути.

Профессиональное и личностное становление Л.М. Дробижевой пришлось на поздние пятидесятые и шестидесятые годы. Дух свободы, обновления, гражданского энтузиазма стимулировал к поиску себя, своего места в обществе и профессиональной среде. Профессура Московского университета и активная студенческая молодежь ставили высочайшую планку не только в овладении профессией, но и в понимании тесной связи гуманитарной науки и гражданской позиции. Референтной группой для молодой Леокадии Михайловны были ученые, преподаватели и студенческая молодежь новой демократической волны. В своих воспоминаниях она делилась, что студенты старших курсов, такие как Э.В. Клопов, Л.А. Гордон были для нее эталоном. По ее словам, «они собственным примером показывали, что такое поступать честно и нравственно, как надо думать; что нужно не просто воспринимать события в том виде, в каком они “плывут”, а надо сравнивать, сопоставлять»¹.

Приобретенная жизненная и исследовательская призма способствовала формированию концептуальной матрицы, на которой впоследствии строилось все ее научное творчество. Именно это помогло молодой аспирантке, работающей над темой «экономических совещаний», как одной из форм регионализма в формировании институтов управления народным хозяйством, увидеть значение региональной специфики, роль человеческого фактора – разных по возрасту, опыту, профессии и идеологиям людей². Как оказалось, все это влияло на формы и методы работы, вопреки универсалистскому подходу пар-

¹ «Я всегда находилась в процессе самообучения». Интервью Г.С. Батыгина с Л.М. Дробижевой, 2001 г. – С. 2. – URL: <http://www.nir.ru/sj/sj4-01drob.html> (дата обращения 23.11. 2012 г.).

² Там же. – С. 4.

тийных функционеров. Эта небольшая деталь профессиональной биографии объясняет приверженность уже зрелой исследовательницы «теореме Томаса», которая акцентирует определяющую роль человеческих представлений и ориентаций в поведенческой структуре личности, что, в конечном счете, влияет на формирование исторического контекста каждой эпохи.

Способность видеть разрывы между декларацией и реальностью стимулировали Л.М. Дробижеву обратиться к реабилитированной в 1960-е гг. социологии. Ее исследовательская деятельность на этом поприще давала возможность наблюдать повседневность людей в разных регионах страны и из первых уст узнавать о реальных проблемах; понимать значение культурной составляющей в жизни многочисленных народов страны.

С середины шестидесятых годов, после выделения этносоциологии в качестве самостоятельного научного направления, уже в стенах Института этнографии АН СССР стали проводиться масштабные межреспубликанские исследования, целью которых была оптимизация условий для развития наций. Л.М. Дробижева проводила много времени в экспедициях, что позволило собрать богатейший материал о жизни народов СССР и РСФСР³. Татарстан в этой географии занимает почетное место: именно в нашем регионе, в 1967–1968 гг. было проведено первое в стране крупномасштабное этносоциологическое исследование⁴.

Выявленные в ходе исследований проблемы не всегда могли получить адекватное отражение в публичном пространстве советского государства, декларировавшего межнациональный мир и согласие. Многое приходилось прятать между строк, или недоговаривать. Однако огромный багаж полевых исследований в Грузии, Эстонии, Молдавии, Узбекистане оказался бесценным ресурсом в годы постсоветской трансформации, когда начался «парад суверенитетов», сопровождавшийся в отдельных регионах межэтническими конфликтами. Динамизм и драматичность событий требовали напряженной исследовательской работы и объективного анализа.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Итоги исследования опубликованы в коллективной монографии «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». – М.: Наука, 1973.

С начала 1990-х гг. для Л.М. Дробижевой начинается новый этап исследования и осмысления этничности. Сложность того периода заключалась в том, что нужно было успевать отслеживать динамику событий как на уровне национальных элит, так и на уровне массового сознания в самых разных регионах Российской Федерации. Все научные проекты этого периода включали активную работу исследовательницы с политическими и культурными элитами республик. Это было важно для понимания места и степени влияния разных групп региональных элит на фоне активной массовой этномобилизации населения в национальных республиках РФ. Позже эти материалы были обобщены и изданы отдельной книгой⁵, которая, несомненно, представляет большую ценность для понимания новейшей истории России.

Огромный исследовательский материал требовал своего осмысления и интерпретации. Теоретический фрейм советской гуманитарной науки был недостаточен для адекватного анализа этнокультурных и этнополитических процессов, происходящих на всем постсоветском пространстве. Нужно было искать новый язык для понимания и объяснения происходящего. Профессиональная стратегия Л.М. Дробижевой в этих условиях может послужить примером для многих из нас. Сохраняющаяся прививка шестидесятников – подвергать сомнению и анализу очевидное и устоявшееся – стимулирует ее включиться в новый процесс самообразования уже в рамках общемировой науки. Исследовательница ищет новые научные подходы, как в области теоретической, так и в области прикладной социологии и этнологии. Однако использование современных зарубежных концепций не означало механического принятия: теории подвергались критическому переосмыслению с точки зрения их использования в цивилизационно ином социальном контексте.

В условиях теоретического апгрейда, когда догматизм советской науки был подорван ворвавшимся плюрализмом мировой науки, исследовательский и жизненный опыт Леокадии Михайловны способствовал выбору своего пути в жестком споре «конструктивистов» и «примордиалистов» в отечественной постсоветской науке. Понимание роли устоявшихся явлений, укорененности сложившихся представлений в массовом сознании, стимулировало ее отказаться от позиции

⁵ Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. – М., 1996.

жесткого конструктивизма в анализе этнокультурных и этнополитических процессов и придерживаться полипарадигмального подхода, при котором учитывается как конструктивистская деятельность элит, так и инерционность коллективных представлений на обыденном уровне.

Проводимые Л.М. Дробижевой сравнительные исследования национализма в республиках РФ ставили своей целью анализ структуры этнического самосознания, идеологий национального самоопределения, роли политической и культурной элиты в этнической мобилизации; влияния факторов разного порядка на актуализацию и политизацию этничности⁶. Каждый из реализуемых Л.М. Дробижевой и ее командой проектов являл собой значимые вехи на пути понимания этого феномена. В условиях «бунтующей этничности» начала 1990-х гг. был осуществлен масштабный межрегиональный проект «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996 гг.). Реальность демонстрировала самые разные сценарии самоопределения бывших советских автономий. Поэтому было важно выявить факторы, формирующие эту отличительность. Значимым итогом проекта, стала коллективная монография «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов»⁷. Л.М. Дробижева и ее соавторы сумели выстроить типологию национализмов в постсоветской России, а также убедительно продемонстрировать широкий спектр факторов стимулирующих, или, наоборот, нейтрализующих этнические конфликты. Авторы показали, что одним из самых сложных и актуальных вопросов в период демократических преобразований является проблема соотношения демократии и национализма. Глубокий анализ исторического опыта разных

⁶ Духовная культура и этническое самосознание / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Вып. 1. – М.: ИЭА РАН, 1990; Духовная культура и этническое самосознание / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Вып. 2. – М.: ИЭА РАН, 1991; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. – М.: ИЭА РАН, 1994; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / Ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева. – М.: ИЭА РАН, 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты / Ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, Е.М. Галкина. – М.: ИЭА РАН, 1994.

⁷ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Изд-во «Мысль», 1996.

стран в соотношении с опытом трансформирующейся России до сих пор сохраняет большую практическую ценность, как для научного сообщества, так и для политиков высокого уровня, поскольку многие проблемы, связанные с этничностью, пока не решены.

Еще одной вехой стало исследование этничности в рамках проекта «Этнические и административные границы в Российской Федерации» (1997–1998 гг.). Используя концепцию культурных границ Ф.Барта, Л.М. Дробижева и работающая в проекте группа этносоциологов, показали, что административные и этнические границы находятся в сложном взаимодействии и зачастую не совпадают, что этническая граница не является раз и навсегда данной и неподвижной. Важным результатом проведенного исследования стал вывод о том, что наряду с разделяющими народами факторами, существуют зоны согласия и совпадения потребностей этнических групп. Ситуативно возникающие зоны разногласий и зоны согласий зависят от социальной конъюнктуры, а культурные маркеры, включающие представления об этничности, языке, культуре и историческом прошлом народа актуализируются в зависимости от структуры потребностей контактирующих этнических групп. При этом, влиятельную роль в названном контексте выполняют и осознаваемые ими групповые интересы⁸.

Второе десятилетие постсоветской трансформации характеризовалось сменой вектора: от центробежных – к центростремительным тенденциям. Новый этап развития российского общества требовал решения новых задач, и стимулировал к поиску основ для интеграции граждан России. В связи с этим, важно было понять, какие факторы и условия способствуют интеграции, а какие – несут в себе дезинтеграционный потенциал. Новый масштабный проект «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ» (1999–2000 гг.) позволил понять, как социальная структура и социальные изменения в этнических группах связаны с интеграцией полиэтничного российского общества. Важным аспектом исследования стало социальное неравенство этнических групп, их реальные и мнимые представления о нем. На основе сопоставительного анализа был сделан вывод: если члены контактирующих этнических групп по-

⁸ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 364–372.

разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта⁹. Детальный анализ социально-экономических аспектов в их связи с этническим фактором в полиэтничных регионах Российской Федерации позволил исследовательнице проследить их действие в сфере межэтнических отношений. На большом сравнительном материале было выявлено общее и специфическое как для этнических групп, так и для регионов России. Результаты сопоставительного анализа получили отражение в авторской монографии Л.М. Дробижевой «Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России», вышедшей в свет в 2003 г.

Недавний по времени проект Леокадии Михайловны и ее команды «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011–2012 гг.), скоординированный с рядом региональных проектов (в республиках Саха (Якутия), Татарстан, Башкортостан)¹⁰ был направлен на исследование факторов формирования общероссийской гражданской нации. Понимание неразделимости государственных, общественных интересов и интересов народов, населяющих Россию, определило интерпретацию понятия национально-гражданской идентичности. По мнению Л.М. Дробижевой, формирование идентичности, «которая включает в себя не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность и ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми»¹¹, является условием объединения граждан современной России. При этом подчеркивается: что «...сплочение российской нации должно происходить на базе

⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – С. 15.

¹⁰ На основе материалов этих исследований были подготовлены Информационно-аналитические бюллетени Института социологии РАН: «Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия)» (http://www.isras.ru/inab_2012_04.html), «Социологический ответ на “национальный вопрос”: пример Республики Башкортостан» (http://www.isras.ru/inab_2012_05.html); «Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане» (http://www.isras.ru/inab_2012_06.html).

¹¹ Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 121.

гражданской культуры, интегрирующей не только русскоязычный культурный базис, но и элементы этнических культур народов России»¹². Такая позиция находит широкую поддержку в национальных регионах Российской Федерации.

Стремление найти основы для интеграции и взаимодействия этнических групп прочитывается и в разработке Л.М. Дробижевой понятия «толерантности», которая трактуется не как позиция самоограничения и намеренного невмешательства, а «готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия»¹³. Интерпретация Л.М. Дробижевой ближе к пониманию значимости социального взаимодействия. Введение ею термина «согласие» в определение толерантности означает признание важности акта согласования, урегулирования конфликтных проблем противостоящими сторонами. Пожалуй, эту интерпретацию можно рассмотреть как в личном, так и в гендерном измерениях: здесь прочитывается характер ученой, стремящейся во всех ситуациях выйти на уровень взаимопонимания, согласования интересов; и женщины, стремящейся к гармонии, миру, объединению.

Ее способность объединять способствовала формированию региональных этносоциологических сообществ. Многолетняя исследовательская работа в ее проектах объединила ученых Татарстана, Тувы, Саха (Якутии), Башкортостана, Северной Осетии, Оренбургской, Магаданской областей и других регионов. Высокий уровень поставленных задач, блестящие организаторские способности Леокадии Михайловны и культивируемый ею дух коллективизма и взаимной поддержки способствовали формированию команды единомышленников. Профессиональный опыт участников проектов, приобретенный ими еще в начале 1990-х гг., стал стартовой площадкой и для новых поколений этносоциологов 2000-х гг.

Активная исследовательская работа, научный обмен в ходе организуемых Л.М. Дробижевой научных семинаров, конференций, симпозиумов с участием широкого круга региональных, столичных и зарубежных ученых долгие годы поддерживают профессиональные и межличностные связи.

¹² Там же. – С. 125.

¹³ См.: Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие. – М., 1997. – С. 63.

Плоды деятельности Л.М. Дробижевой нашли отражение в научной литературе широчайшего охвата. В конце 1990-х гг. ею, вместе с Ю.В. Арутюняном и А.А. Сусоколовым выпущен учебник по этносоциологии¹⁴, который является базовым для студентов, обучающихся на гуманитарных факультетах ВУЗов. Работая в академических учреждениях – Институте этнологии и антропологии РАН, Институте социологии РАН – Леокадия Михайловна стремится к максимальному практическому воплощению результатов накопленного профессионального опыта. Участие Л.М. Дробижевой в экспертной деятельности трудно переоценить: ее приглашают к обсуждению актуальнейших проблем межнациональных отношений в государственных структурах самого разного уровня, она является членом Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации; при ее участии разрабатывался Проект Стратегии национальной политики РФ; ее консультации ждут в российских регионах.

Обозревая научную биографию Леокадии Михайловны, ее общественную деятельность, профессиональное и дружеское общение с ней, можно сказать, что плодотворная деятельность юбиляра стимулировалась как замечательными качествами личности, так и тем зарядом, который она получила в годы оттепели. Ее восприятие жизни, как общественно значимой, осознание своей гражданской ответственности и роли науки в жизни общества, в государственном строительстве – стало основной направляющей и ее профессиональной карьеры, и ее личной жизни как в табуированное партийными догматами советское время, так и в сложный период постсоветской трансформации. Длительные, тесные контакты с коллегами из разных регионов России, из бывших союзных республик и зарубежья, с учеными самых разных научных направлений свидетельствует о высокой оценке научным сообществом ее вклада в развитие российской этносоциологии. Но наряду с этим, отмечаются человеческие качества Леокадии Михайловны: ее целеустремленность, феноменальная работоспособность, мобильность, нацеленность на успех, способность сочувствовать и помогать всем, кто бы к ней не обратился, доброта, наряду с требовательностью и... вечная молодость – в сердце, в глазах, в делах.

¹⁴ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1999.

Г.Ф. Габдрахманова, Р.Н. Мусина

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Судьба любой науки во многом зависит от объективных и субъективных факторов. Конъюнктура, сложившаяся на определенный момент, может либо дать мощный импульс для развития науки, либо навсегда оставить ее в забвении. Этнической социологии в Татарстане выпал счастливый билет. Это связано не только с особенностями республики, как региона с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, что диктует необходимость его научного осмысления и государственного регулирования, но и с тем, что республика стала полигоном для апробации методики и инструментария массовых этносоциологических исследований. В 1967–1968 гг. в Татарской АССР под руководством Ю.В. Арутюняна был реализован первый в СССР масштабный этносоциологический исследовательский проект «Оптимизация социально-культурного развития наций» («ОРН»). Исследование было осуществлено сотрудниками сектора конкретных социальных исследований Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (ИЭ АН СССР). Задачами проекта стало изучение проблем социальной структуры и социальных перемещений, культуры и семейного быта, языковых процессов и национальных отношений основных этнических групп ТАССР – русских и татар. По результатам исследования издана монография¹. С организации в ИЭ АН СССР (сейчас – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) сектора конкретных социальных исследований и реализации первого масштабного этносоциологического исследования в ТАССР в нашей стране начинается институциализация этносоциологии как нового научного направления, изучающего социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. Главным методологическим принципом этносоциологических исследований стал «системный подход во всей совокупности взаимосвязан-

¹ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. – М.: Наука, 1972.

ных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности»².

Другим важным фактором становления этносоциологии в Татарстане стала специальная подготовка республиканских научных кадров. Так, в конце 1970-начале 1980-х гг. прошла обучение в аспирантуре ИЭ АН СССР Р.Н. Мусина, которая под руководством Л.М. Дробижевой подготовила диссертационную работу. Позднее на рубеже 1980–1990-х гг. Л.М.Дробижева и Ю.В. Арутюнян стали соруководителями диссертационных исследований и других татарстанских этносоциологов – Л.В. Сагитовой и Р.М. Ахметова. Еще позднее в 2011–2012 гг. Л.М. Дробижева оказала огромную помощь и при подготовке диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук сотрудникам Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан Г.Ф. Габдрахмановой и Г.И. Макаровой. Методология и методика этносоциологических исследований, разработанная Л.М. Дробижевой и Ю.В. Арутюняном, стали ключевыми при разработке татарстанскими учеными целого ряда этносоциальных проблем, решение которых осуществлялось как самими республиканскими исследователями, так и по инициативе и под руководством основателей отечественной этносоциологии. Таким образом, Л.М. Дробижева и Ю.В. Арутюнян сыграли важнейшую роль в становлении нескольких поколений этносоциологов Татарстана и всей этносоциологии в республике.

В развитии этносоциологии в Татарстане можно выделить три этапа. *Первый* – советский, с конца 1960-х по 1980-ые гг. Большое внимание этносоциологи уделяют изучению *социальной структуры* русских и татар Татарской АССР и сравнительному анализу их развития. В отечественной этносоциологии пионерами изучения этносоциальной структуры стали крупные специалисты, изучавшие ее особенности в сельской (Ю.В. Арутюнян) и городской (О.И. Шкаратан) средах. В ТАССР, помимо вышеупомянутого проекта «ОРН», для изучения этносоциальной структуры были успешно реализованы еще два проекта под руководством О.И. Шкаратана. Первый был проведен в 1974–1975 гг. Институтом социологических исследований АН СССР, второй в 1983 г.

² Губогло М.Н. Предвестник социальных перемен (о вкладе Ю.В. Арутюняна в развитие социологии села и этносоциологии) // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / Отв. ред. М.Н. Губогло. – М.: Наука, 2005. С. 8.

– ИЭ АН СССР. Изучением специфики социально-профессиональной структуры татарского и русского населения республики занимались и республиканские специалисты. Я.З. Гарипов в 1980-х гг. провел исследование в г. Н.Челны на Камском автомобильном заводе (КамАЗе), исследуя особенности воздействия НТР на социальное развитие населения региона и обозначив проблему необходимости совершенствования социально-профессиональной структуры разных этнических групп.

В нашей стране этносоциологические исследования с самого начала носили междисциплинарный характер. Наряду с приемами и методами социологии, использовались подходы разных научных направлений: истории, психологии, социальной лингвистики, демографии, этнографии. Собственно отечественная этносоциология и сформировалась на стыке этнографии и социологии.

В этнографии при изучении традиционных культур доминирующей является сельская тематика. Именно сельское население, точнее сельская *семья*, в этносоциологическом плане и стали объектом научных направлений этнографических подразделений Института истории, языка, литературы Казанского филиала АН СССР (ИЯЛИ КФАН СССР) и Казанского государственного университета (КГУ) на рубеже 1970–1980-х гг. В КГУ была подготовлена диссертационная работа З.З. Мухиной «Изменение положения татарской сельской женщины в семье и обществе в Татарской АССР за годы Советской власти» (1981 г.). Позднее на материалах этого исследования была издана монография «Сельская женщина в семейной и общественной жизни». В 1984 г. была защищена диссертационная работа Р.Н. Мусиной «Общее и этнически-особенное в современной семье сельских татар». В обеих работах рассматривались проблемы демографического, этносоциального и этнокультурного развития татарской сельской семьи. В то время как З.З. Мухина исследовала семью, главным образом, в историко-этнографическом плане выявления тенденций изменения структурно-социальных ролей женщины-татарки, Р.Н. Мусина, помимо историко-компаративного анализа семьи и семейно-брачных отношений у татар, проводит сравнительный анализ татарской семьи с семьей у других народов СССР. В ее работе впервые при анализе этносоциологического материала была выделена группа татар-кряшен.

Практически параллельно с середины 1970-х гг. исследователи КГУ обратились к изучению *межнациональных браков* – теме, ставшей на многие годы ключевой в рамках их исследований. Логическим отражением научного интереса к этой проблеме стала кандидатская

диссертация Г.Р. Столяровой «Национально-смешанные семьи в сельских районах Татарской АССР (современные этнокультурные тенденции)» (1985 г.). В работе рассматривались основные закономерности современного межэтнического взаимодействия в семейно-брачной сфере среди сельского населения республики и результаты этого взаимодействия в культурно-бытовом и лингвистическом отношениях. Позднее материалы исследований межнациональной брачности по данным архивов ЗАГС республик Среднего Поволжья, вошли в монографию, подготовленную коллективом авторов³.

Другим важным направлением этносоциологических исследований в республике становится изучение *этноязыковых процессов*. Эту тему в регионе в 1967–1968 гг. инициировал М.Н. Губогло. Позже в 1980-х гг. внимание республиканских исследователей З.А. Исхаковой и Н.Х. Шарыповой привлекла проблема функционирования национальных языков, речевого поведения рабочих-татар.

И, наконец, еще одним направлением этого периода стали исследования *религии*. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в этносоциологическом плане религия стала предметом анализа казанских ученых Р.Г. Балтанова и Р.Б. Тагирова, которые, несмотря на идеологические рамки того времени, попытались выявить религиозную ситуацию в г. Казани и юго-восточных районах республики и определить социальные критерии типологии верующих.

Основные результаты первого этапа развития этносоциологии в Татарстане заключались в том, что этносоциологи зафиксировали процесс довольно быстрого роста социального потенциала у татар ТАССР. Исследования показали, что многие резкие, диссонирующие различия в социально-культурном облике численно доминирующих народов республики – русских и татар, к началу перестройки в той или иной мере были сглажены, однако, в условиях сближения образовательной, социально-профессиональной структуры татар и русских нередко происходило усиление состязательных отношений между ними и обострение конкурентной ситуации.

Изучение семьи татарстанскими исследователями, выполненные в рамках примордиальной парадигмы, раскрыли роль института семьи в этнической социализации и воспроизводстве этнокультурных ценностей. Такой подход использовался в последующих этносоциологиче-

³ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Столярова Г.Р. Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье. – Казань: Изд-во КГУ, 1961.

ских исследованиях, проведенных в постсоветском Татарстане, подтвердивших роль семьи в этносоциальных процессах и правомочность использования традиционной методологии при изучении отдельных сфер этносоциальной реальности.

И, наконец, была подготовлена база для осмысления позитивного характера межэтнических отношений в Татарстане. Длительный опыт добрососедского проживания и относительно высокий уровень межнациональной брачности в ТАССР позволял прогнозировать сценарий безконфликтного взаимодействия русских и татар. В то же время татарстанские этносоциологи прогнозировали очаги межэтнического напряжения в республике. Изучая миграционные процессы, они пришли к выводу о том, что население г. Н.Челны, состоящее из бывших сельчан у татар и приехавших из разных регионов СССР русских, представляет собой маргинальное население, не имевшее опыта межэтнического взаимодействия. Маргинализованная среда могла оказаться благоприятной почвой для возникновения радикальных национальных движений и противостояний на этнической основе. Начало 1990-х гг. подтвердило опасения ученых.

Второй этап татарстанской этносоциологии – постсоветский (1990-е гг.). В этот период в Татарстане, как и во многих национальных субъектах РФ, актуализировался этнический фактор. Появился целый ряд национальных партий и движений, обострились межэтнические отношения, Татарстан приобрел статус суверенной республики, была принята серия республиканских законов, регулирующих этносоциальную сферу. Изменяющаяся этносоциальность меняла содержание татарстанской этносоциологии, предметная область которой в этот период существенно расширилась.

Тематически можно выделить несколько направлений этносоциологических исследований в Татарстане этого периода. Прежде всего, изучение *этнополитических процессов*. Их исследование в 1990-е гг. как самостоятельной проблемы и во взаимодействии с этнокультурными параметрами развития общества становится одной из ведущих направлений в российской этносоциологии, включая и татарстанскую. Практически во всех коллективных проектах, осуществленных в Татарстане, закладывались задачи изучения идеологии и практики суверенизации, специфики взаимоотношений республики и федерального Центра, этнополитических ориентаций населения. Именно результаты этносоциологических исследований показали, что идеи сецессии поддерживались в Татарстане очень узким кругом людей. Даже в крайне кон-

фликтных ситуациях такой ориентации придерживалось не более одной пятой части респондентов. Большое значение для осмысления этнополитических процессов для этносоциологов имели работы республиканских этнополитологов – Р.Ф. Абдрахманова, Г.А. Исаева, Д.М. Исхакова, Н.М. Мухарямова, Л.М. Мухарямовой, Л.В. Сагитовой, М.Х. Фарушкина, Р.С. Хакимова, И.Ямалнеева и других исследователей⁴.

Значительное внимание в своих исследованиях этносоциологи Татарстана стали уделять изучению *национального, или этнического самосознания*. Впервые проблема изучения национального самосознания в Татарстане как самостоятельной темы, наряду с вопросами этнодемографического, этнокультурного развития, изменений в этносоциальной структуре населения, межэтнических отношений в республике, была сформулирована в крупномасштабном этносоциологическом исследовании «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» («СЭПТ», рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина)⁵. Этот проект был реализован в 1989–1990 гг. в отделе этнологии ИЯЛИ КНЦ АН СССР. Он был дополнен исследованиями творческой интеллигенции республики – научной (рук. Д.М. Исхаков, Я.З. Гарипов) и художественно-творческой (рук. Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина). На основе проекта подготовлено шесть тематических сборников, из которых три опубликованы⁶.

Особая ценность этого исследования заключалась в том, что оно явилось по ряду параметров повторным, проведенным спустя более двух десятилетий после аналогичного исследования «ОРН». Это позволило изучить не только состояние культуры, быта, всей социальной сферы жизнедеятельности численно доминирующих этнических групп

⁴ Этнополитические исследования требуют специального анализа, что не входит в задачу данной статьи.

⁵ Исследование проведено на излете советского периода, однако осуществленные в его рамках подходы к изучению этносоциальных проблем, обострившихся и получивших более глубокое осознание в период перестройки, позволяют отнести его к постсоветскому периоду. В рамках проекта было опрошено 4000 респондентов – по 1000 человек среди татар и русских республики, проживающих в городской и сельской среде.

⁶ Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий. – Казань: Татполиграф, 1991; Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. – Казань: Татполиграф, 1992; Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. – Казань: Татполиграф, 1994.

Татарстана на рубеже 1989–1990-х гг., но и проследить динамику этносоциальных, этнокультурных процессов и межэтнических отношений в республике за 1970–1980-е гг.

Этносоциологическое исследование «СЭПТ» объединило специалистов разной тематики и дало импульс научного творчества для нового поколения исследователей. Так, Л.В. Сагитова начала разработку темы «Татарская интеллигенция в этносоциальных процессах в Татарстане (конец 1980-х – середина 1990-х гг.)». Тема, привлекавшая внимание Р.М. Ахметова – «Социальная структура татарского общества в XX в.», при разработке которой он первым в республике проблематизировал тему татарской элиты, главным образом, политической. Появляются исследования этнического самосознания в национально-смешанных семьях (Т.А. Титова).

1990-е гг. в республике отмечены всплеском научных исследований в области *этнолингвистики*. Принятие Конституции РТ, провозгласившей два государственных языка в республике, Закона «О языках народов Республики Татарстан» способствовали изменению статуса татарского языка, что, в свою очередь, стимулировало научно-исследовательский интерес. Проблемы реализации языковых законов, особенности формирования двуязычия и многоязычия в республике, становление и развитие национального образования, роль языка в сохранении межнациональной стабильности – вот неполный перечень вопросов, затронутых исследователями в этот период. Большой блок вопросов по этноязыковым процессам у татар и русских был заложен в исследовании «СЭПТ», по результатам которого опубликован ряд работ Я.З. Гарипова и З.А. Исхаковой. Этноязыковое поведение молодежи, наряду с религиозным и этническим самосознанием, изучалось также в рамках республиканского проекта «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» (1999–2000 гг., «СЭМТ», рук. Р.Н. Мусина)⁷.

С начала 1990-х гг. активизируются исследования *религии*. Значительный вклад в развитие этого направления на втором этапе внесла Р.Н. Мусина. Ее исследовательский интерес был направлен на выявление религиозного сознания, проявления религиозного фактора в этнической культуре и межэтнических отношениях. В 1993–1994 гг.

⁷ Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Р.Н. Мусина, Я.З. Гарипов, Р.И. Зинурова, Р.М. Мухаметшин, Л.В. Сагитова. — Казань: РИЦ «Школа», 2000.

Р.Н. Мусиной был реализован авторский проект «Ислам и проблемы этноконфессиональной толерантности» (1993–1994 гг.).

Значительное внимание в 1990-ые гг. уделялось проблемам *межэтнических отношений*. Эта тема изучалась в рамках совместных исследований и авторских проектов ученых Татарстана. Под руководством М.Н. Губогло сотрудниками кафедры этнографии и археологии КГУ проведены исследования «Межэтническая толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России», «Предвыборная ситуация в России» (1995 г.), «Межнациональные отношения в республиках Поволжья» (совместно с Берлинским университетом, 1994 г.), «Межэтнические отношения в Республике Татарстан» (совместно с Центром социологических исследований МГУ, 1998 г.). Т.А. Титова и В.Е. Козлов провели исследование «Межэтническая толерантность и психологическая напряженность в условиях крупного полиэтничного города». По результатам последнего проекта исследователями опубликован ряд работ, а В.Е. Козловым в 2000 г. подготовлена кандидатская диссертация «Межэтническая толерантность и этническое самосознание в условиях крупного полиэтничного города».

Исследования межэтнического взаимодействия проводились и в Институте истории Академии наук Республики Татарстан (ИИ АН РТ). Г.И. Макаровой был реализован проект «Роль культурной политики в сохранении социальной стабильности полиэтничного общества (пример Республики Татарстан)». Интерес к этой теме начинают проявлять и государственные структуры: исследовательская группа Г.А. Исаева при Государственном совете РТ с начала 1990-х гг. стала вести мониторинг межэтнической ситуации в Республике Татарстан.

В качестве самостоятельной темы формируется проблема конструктивистского *влияния СМИ* на этнические чувства населения. Основоположником этой темы в РТ является Л.В. Сагитова. В 1996–1998 гг. она провела исследование «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане». Задачей проекта стало изучение по материалам печатных СМИ процесса трансформации татарстанского общества, сопровождающегося изменениями в системе ценностей. По результатам исследования ею выпущена монография⁸ и защищена кандидатская диссертация.

⁸ Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. – Казань: Издательство «Татполиграф», 1998.

Продолжались исследования *этнодемографических процессов и миграции*. Дезинтеграция СССР, взрыв национализма, экономические перемены изменили природу миграций, все более приобретающих этническую окраску. В 1997–2000 гг. социологами Института социально-экономических и политических проблем АН РТ было осуществлено исследование «Проблемы диаспоры и миграционного обмена национальных республик России: реальность и перспективы» (рук. Я.З. Гарипов). Основным объектом исследования стали потоки недобровольных мигрантов – репатриантов, беженцев и вынужденных переселенцев, а также факторы, вызывающие эти потоки. В 1997 г. в ИИ АН РТ Г.Ф. Габдрахмановой было проведено авторское исследование «Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан», на материалах которого защищена диссертационная работа, а в 2003 г. выпущена одноименная монография⁹.

1990-е гг. в истории татарстанской этносоциологии отмечены укреплением межрегиональных и международных связей. Целый ряд проектов был реализован совместно с московскими этносоциологами и коллегами из других регионов России. Татарстанские ученые приняли активное участие в разработке и осуществлении международных научно-исследовательских проектов, инициированных и руководимых Л.Н. Дробижевой: «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996 гг.) и «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997–1998 гг.). Целью первого проекта было проведение компаративных исследований в районах межэтнического напряжения разного типа с последующим выявлением связи конфликтов в институциональной сфере с состоянием отношений в социальной и психологической сфере. Второй проект был нацелен на изучение этнических границ и их соотношение с административными границами на территории современной России. Результаты исследований отражены в коллективных монографиях, подготовленных при участии татарстанских этносоциологов¹⁰.

⁹ Габдрахманова Г.Ф. Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. Монография. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003.

¹⁰ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной

1990-е гг. для татарстанской этносоциологии, как и для российской социологии в целом, стали периодом «открытия» мировой социологической науки: в Татарстан приезжают зарубежные исследователи, начинает формироваться сотрудничество с крупными западными учеными и зарубежными исследовательскими центрами. Все это придало мощный импульс для новых научных изысканий татарстанских этносоциологов.

Что внес второй этап развития этносоциологии в республике в познание татарстанского сообщества?

На основе проведенных исследований этносоциологи выявили, что этничность в период парада суверенитетов в РТ, как и в других регионах, проявляла себя на двух уровнях: институциональном и групповом. Был собран уникальный материал, связанный с ролью национальных элит в этносоциальной истории постсоветского Татарстана. Этносоциологи фиксировали актуализацию этнических чувств татарстанцев, хотя было выявлено, что число людей с гиперэтническими установками в этот период оставалось незначительным. Этносоциологи, работающие в Татарстане, вместе с учеными из других регионов России, направляя усилия на выявление факторов, способствующих предупреждению перерастания межэтнической напряженности в межгрупповые конфликты, внесли определенный вклад в сохранение позитивных межэтнических отношений в республике.

Третий этап – современный, первое и начало второго десятилетия 2000-х гг. Этот этап характеризуется, прежде всего, осмыслением региональным этносоциологическим сообществом динамики этничности 1990-х – начала 2000-х гг. в Татарстане¹¹. Начинают формироваться новые научные направления. Продолжается процесс институционализации этносоциологии в РТ: в 2006 г. на базе отдела этнологии ИИ АН РТ был сформирован Центр этносоциологических исследований (ЦЭСИ).

Анализу результатов десятилетней *этноязыковой политики* Татарстана посвящена специальная монография, подготовленная в ЦЭСИ¹². Данная работа представляет попытку эмпирического изуче-

России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

¹¹ Этносоциологические исследования в Республике Татарстан / Сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

¹² Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Магариф, 2002.

ния феномена языка в различных сферах жизнедеятельности татарстанского сообщества, определения его современного состояния и доминирующих тенденций развития. С целью выявления содержания и причинно-следственных связей этносоциальных проблем, связанных с реализацией языковой политики в Татарстане в сфере образования были предприняты два исследовательских проекта: «Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан» (рук. Р.Н. Мусина) и «Нерусский язык обучения в школе как дифференцирующий фактор в сфере доступности высшего образования» (рук. Л.М. Мухарямова). Результаты представлены в коллективных монографиях¹³.

Одним из важных направлений исследований этносоциологов Татарстана стало изучение проблем *культуры и культурной политики*. Этим активно занимается Г.И. Макарова, выстраивающая свою научную работу на пересечении социологии культуры и этносоциологии. На основе изучения программ, концепций национально-культурного развития, Законов о культуре, статистических данных, оценок респондентами осуществляемой РФ и РТ языково-культурной политики, ею анализируются некоторые этнические аспекты культурной политики Республики Татарстан, ее соотношение с культурной политикой федерального Центра. В основе ряда работ по данной проблематике лежат результаты авторских проектов Г.И. Макаровой, в том числе «Русский язык и культура в языково-культурной политике национальных республик России (на примере Республики Татарстан)», «Оптимизация национально-культурной политики центра и регионов России как условие сохранения стабильности полиэтнического общества (на примере Республики Татарстан)». Итоги ее исследований изложены в статье и монографии¹⁴.

¹³ Государственные языки в школьном образовании: информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г.Казани / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006; Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008; Языки в системе образования Республики Татарстан: по материалам этносоциологического исследования. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011; Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). – Астана: Кангана-пресс, 2011.

¹⁴ Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.

Продолжается изучение проблем *национальной идеологии, этнического самосознания и российской идентичности*. Эта тема на базе вторичного анализа проведенных в Татарстане этносоциологических исследований, представлена в работах, выполненных на кафедре социологии КГУ. Это кандидатские диссертации Л.Э. Иликовой «Национальная государственность: конструирование, сущность и содержание» и Ж.В. Султановой (Кузнецовой) «Этноцентризм в современном мире: истоки, сущность, практики» и ряд публикаций. Идентичность – этническая, республиканская, региональная, стала предметом научной работы и других этносоциологов Татарстана. В ЦЭСИ в 2008 г. был реализован проект «Этнические и религиозные идентичности у татар и русских» (рук. С. Каплан). Г.И. Макарова разрабатывает эту тему в рамках проекта «Многообразие в интеграции: динамика соотношения и развития этнокультурных, региональных и общероссийской идентичностей (на примере Республики Татарстан)» (2010–2011 гг.). По итогам работы ею издана монография¹⁵. Проблемы идентичностей – этнических, религиозных и гражданских изучались в рамках совместных проектов этносоциологов Татарстана (Центр этносоциологических исследований ИИ АН РТ) и Института социологии РАН (Центр исследования межнациональных отношений) – «Конфессиональный фактор идентификационных процессов в Республике Татарстан» (2011/2012 гг., рук. Р.Н. Мусина), «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011/2012 гг., рук. Л.М. Дробужева, рук. в РТ Р.Н. Мусина). Анализ результатов представлен в специальном бюллетене¹⁶.

Проблемы *религии* изучались в целом ряде коллективных исследовательских проектов: «Процесс исламизации в Татарстане: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (рук. Г.М. Мансурова), «Формирование новых идентичностей татарской молодежи под влиянием процессов исламизации в Республике Татарстан» (рук. Е.А. Бондаренко), «Влияние процессов возрождения ислама на установки молодежи в межэтническом взаи-

¹⁵ Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Казан. ун-т, 2010.

¹⁶ Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. – М.: Институт социологии РАН, 2012. 149 с. 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН. – URL: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html.

модействии» (рук. Е.А. Бондаренко), «Ислам и православие в контексте этноконфессионального взаимодействия в трансформирующейся России» (Р.Н. Мусина). Все эти исследования базировались на сочетании качественно-количественной методологии сбора и анализа данных. Помимо массовых опросов были проведены глубинные интервью, в том числе с молодыми мусульманами, получающими религиозное образование, а также с преподавателями исламских образовательных учреждений. Кроме того, были собраны экспертные интервью с учеными-религиоведами и государственными служащими, чья деятельность так или иначе связана с развитием различных конфессий в республике. Роли конфессионального фактора идентичности татар и межэтнических отношений посвящен ряд статей и коллективная монография¹⁷.

Этнические конфликты в республиках бывшего СССР и проявляющееся напряжение по оси «старое – новое» в самых разных сферах социальной жизни – от политической до культурной, подвели российское общество к осознанию необходимости формирования толерантного мышления. Проблема *толерантности/интолерантности* в Татарстане изучалась с разных точек зрения. Межэтническая ситуация в республике исследовалась Г.Р. Столяровой в рамках проекта «Межэтнические отношения в РТ», результаты которого легли в основу ее монографии¹⁸ и докторской диссертации. В 2007 г. исследователями Центра аналитических исследований и разработок и ЦЭСИ ИИ АН РТ был осуществлен совместный проект «Изучение межнациональных отношений в Республике Татарстан» (рук. А.Л. Салагаев, Р.Н. Мусина), приуроченный к съезду народов Татарстана¹⁹. Межэтнические отношения в студенческой среде с позиций влияния образов «свой – чужой» исследовались Р.Р. Сафиним. По материалам исследования им была защищена кандидатская диссертация.

¹⁷ Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

¹⁸ Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Казанский государственный университет, 2004.

¹⁹ Результаты социологического исследования «Изучение межнациональных отношений в Республике Татарстан» / Кол. авторов // Материалы съезда народов Татарстана (г.Казань, 3 ноября 2007 г.) / Редкол. Ф.Х.Мухаметшин, А.М.Терентьев, В.В.Никифоров. – Казань: Идель Пресс, 2008. С.159–177.

Другой подход – изучение инструментальной роли средств массовой информации в формировании толерантности/интолерантности был осуществлен в ходе реализации межрегионального проекта «Разработка методики и организационных механизмов мониторинга содержания продукции средств массовой информации» (рук. Ю.В. Казаков) в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)». Группа исследователей из г. Казани (Л.В. Сагитова, Е.А. Ходжаева, С.К. Шайхитдинова) наряду с исследователями из г. Екатеринбурга, Москвы и Санкт-Петербурга, приняла участие в разработке методики анализов текстов СМИ на проявление интолерантности. Методика опубликована²⁰. Л.В. Сагитовой также был проведен анализ характера подачи этнической информации в печатных СМИ Татарстана в ходе реализации межрегионального проекта «Разработка методов диагностики толерантности в средствах массовой информации» (2001–2002 гг., рук. В.К. Малькова), осуществлявшегося в рамках вышеназванной Федеральной целевой программы. Эта тема получила дальнейшее развитие в рамках проекта «Толерантность и интолерантность в постсоветских СМИ» (рук. Д.Ховард, 2005–2007 гг.).

В 2002 г. в рамках этой же Федеральной целевой программы было подготовлено и проведено молодежное этносоциологическое исследование «Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания: на примере регионов Приволжского Федерального округа: Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Удмуртия» (рук. А.М. Зинуров). Исследование было направлено на компоративное изучение социально-психологической и социальной функции этнических стереотипов в молодежной среде у русских, татар, удмуртов и межэтнических отношений в полиэтнической среде ряда субъектов ПФО.

Продолжалось изучение проблем *миграций* в этносоциологическом плане. Л.А. Шатрова в рамках международного исследования «Домашнее насилие в семьях этнических мигрантов, проживающих в регионах России» изучала специфику внутрисемейных взаимоотношений в среде этнических мигрантов. Этносоциологи ИИ АН РТ совместно с Центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ участвовали в реализации исследовательского проекта «Новая миграционная политика России и права мигрантов» (рук. Ж.А. Зайончков-

²⁰ Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. – Краснодар, 2003. №4.

ская), одной из задач которого стало изучение отношения местного населения к мигрантам. В условиях актуализации в последние годы проблемы трудовых мигрантов начинающий этносоциолог Э.А. Сагдиева обратилась к проблеме социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов в Республике Татарстан. По этой теме ею защищена диссертация и подготовлена в соавторстве монография²¹. Важным выводом исследовательницы стало то, что этничность, рекрутируемая мигрантами и лидерами этнических общин, может играть позитивную роль в реализации экономических целей миграции и придании прозрачности нелегальным миграционным потокам. Проблемы трансформации идентичности трудовых мигрантов изучались в рамках проекта «Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей (Санкт-Петербург – Узбекистан – Казахстан – Татарстан)» (рук. С.Абашин, Е.Чикадзе), в реализации которого приняли участие Л.В. Сагитова (рук. по РТ) и Э.А. Сагдиева.

Новый импульс развития в начале нового столетия получил *гендерный подход* в исследовании этносоциологических проблем. Р.И. Зинурова в рамках проекта «Этнокультурные и конфессиональные особенности репродуктивного поведения женщин регионов Российской Федерации (на примере Республики Татарстан, Республики Удмуртия и Нижегородской области)» изучала проблему репродуктивного поведения, статуса материнства, распределения семейно-бытовых ролей и обязанностей с учетом этнической и конфессиональной культуры через призму их репродуктивных прав. В 2003–2004 гг. Л.А. Шатрова исследовала этногендерные стереотипы мужских и женских моделей поведения на рынке труда, оказывающих влияние на выбор жизненных и трудовых стратегий. Эта проблема изучалась ею в рамках проекта «Мужские и женские стратегии занятости сквозь призму этногендерных стереотипов».

Формирование и реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» инициировал татарстанских исследователей к новым исследованиям *семьи*, ее этносоциальных аспектов. В Академии наук РТ организован Центр семьи и демографии, под эгидой которого подготовлена монография «Татарская семья: этнодемографические осо-

²¹ Сагдиева Э.А., Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

бенности»²². Г.И. Галиевой защищена диссертация «Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект)».

В последние годы в татарстанской этносоциологии появились новые или относительно новые *объекты исследований*. Более пристальное внимание стало уделяться русскому населению Татарстана. В этом плане активно работают В.Е. Козлов, Л.В. Лучшева, А.Л. Салагаев, Г.Р. Столярова. Проведены первые исследования численного меньшинства республики. Данная проблематика, развиваемая Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Т.А. Титовой, Е.В. Фроловой, включает в себя изучение правовой регламентации и практики реализации прав национальных меньшинств в РТ, особенностей их демографического и экономического поведения, этнического самосознания, уровня межэтнической толерантности этнического большинства по отношению к меньшинству. В 2002 г. в рамках проекта «Адаптация этнических меньшинств в трансформирующемся обществе: пример городов РТ» (рук. Т.А. Титова) был проведен массовый опрос армянского, немецкого, украинского, чувашского населения республики. На материалах исследования Т.А. Титовой подготовлена монография²³ и защищена докторская диссертация. Актуализировался интерес к диаспорным группам татар. Исследование Л.Р. Низамовой среди татар Америки и диссертационное исследование З.А. Махмутова среди татар северного Казахстана направлено на изучение этнического самосознания этнических групп, живущих в «другом, неродном» этносоциальном поле²⁴.

В 2000-х гг. продолжается сотрудничество этносоциологов Татарстана с учеными из регионов России. В рамках научно-исследовательского проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001 гг., рук. Л.М. Дробижева), наряду с учеными из Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области, участвовали исследователи Татарстана. Эт-

²² Татарская семья: этнодемографические особенности. Компендиум / науч. ред. М.З. Закиев, Ф.А. Ильдарханова. – Казань: ГУ «НИЦ семьи и демографии АН РТ», 2008.

²³ Титова Т.А. Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2007.

²⁴ Низамова Л.Р. Множественные идентичности татарского сообщества г. Нью-Йорка (опыт полевого исследования за рубежом) // Социология. 2006. № 1. – С. 165–177; Махмутов З.А. Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность. – Казань: Издательство «Иман», 2011.

носоциологи стремились ответить на вопросы: насколько обоснованы представления об этническом неравенстве; почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как проявление этнического неравенства. Результаты исследования опубликованы в коллективной монографии, подготовленной при участии татарстанских этносоциологов²⁵.

Важным направлением деятельности татарстанских этносоциологов стало участие в разработке *государственных программ*, оказание помощи и участие в работе общественных советов при органах государственной власти и управления. Была проведена работа по разработке Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, утвержденной Указом первого Президента РТ М.Ш. Шаймиевым 3 июля 2008 г. Содержание Концепции и аналитический материал, послуживший основанием для ее разработки, представлены отдельным изданием²⁶. В 2012 г. творческой группой, состоявшей преимущественно из специалистов в области этнической социологии (ЦЭСИ ИИ АН РТ), была разработана Концепция сохранения этнической идентичности татарского народа», которая была принята на V Всемирном съезде татар²⁷.

Сегодня в этносоциологии Татарстана формируются новые направления исследований. Одно из них – это глобализационные процессы и адаптация к ним этнических культур (Л.В. Сагитова). Г.Ф. Габдрахманова исследует влияние этнокультурных ресурсов на социально-экономическое развитие российского общества²⁸.

Помимо столичной Казани – признанного центра этносоциологии в Татарстане, исследование этнической специфики социальной жизни проводятся и в других городах республики. Так, в работе Р.М. Гибадуллина представлен этнокультурный и этнополитический облик татарского населения города Н.Челны начала 1990-х гг. Э.А. Иванова, опираясь на материалы собственных исследований, выявляет провин-

²⁵ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002.

²⁶ Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан / Рук. проекта и отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

²⁷ URL: <http://www.tataroved.ru/news/2012/12/12/118/>

²⁸ Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурные ресурсы экономического развития. Казань: – Казан. ун-т, 2010.

циальную специфику возрождения этнических ценностей, формирования новых идентичностей этнических групп г. Альметьевска.

С актуализацией в обществе проблемы этничности возрастает значимость этносоциологии в системе научного знания, в том числе при подготовке специалистов-социологов и представителей других гуманитарных наук. В ВУЗах Татарстана подготовлены программы и читаются курсы по этносоциологии, этнопсихологии, оригинальные авторские спецкурсы. В К(П)ФУ на отделении социологии читается спецкурс «Социология наций и национальных отношений (Л.Р. Низамова), курс «Этносоциология» (Г.Р. Столярова). Л.В. Сагитова разработала спецкурсы для студентов факультета журналистики «Этничность и глобализация в отражении СМИ» и «Этнические проблемы в журналистике», а также курс лекций «Этносоциология и национальная политика» в Институте госслужбы при Президенте РФ. В К(П)ФУ Т.А. Титовой и В.Е. Козловым разработана программа курса «Этническая психология», читаемая для студентов исторического факультета. На факультете «Социальная работа» Казанской государственной медицинской академии введен курс «Социальная этнография» (Л.М. Мухарямова). В течение ряда лет студентам Казанского технологического университета читается курс «Этносоциология и проблемы национальной политики» на основе разработанного на кафедре государственного и муниципального управления и социологии программы-практикума (С.А. Сергеев, З.Х. Сергеева).

Перспективы. Современная этносоциология в нашей стране и в Татарстане, в частности, переживает новый этап своего развития. Современная этничность в отличие от периода «лающих национализмов» приобрела латентный характер, но не потеряла своего значения. Сегодня этносоциологи РТ анализируют дискурсы, связанные с переписными кампаниями, изменением национально-регионального компонента в образовательной системе, выявляют ситуации инструментализации русского и татарского языков, изучают процесс формирования общероссийской идентичности как основы гражданской нации, особенности социальных, экономических, политических взглядов этнических групп и др. Массовые этносоциологические исследования фиксируют повседневный шаблон восприятия ряда социальных ситуаций в этнических категориях. Наблюдения показывают ситуации приобретения этнической культурой качества социально-экономического ресурса. Изменяющееся этнополе требует новых методологических и методических подходов к его изучению.

В Татарстане все большее число социологов обращается к этносоциальной проблематике. Она привлекает внимание также политологов, психологов, других специалистов-обществоведов со своими собственными подходами и методами исследования, что, несомненно, дает новый импульс развитию этносоциологической науки. Новый ракурс дает интеграция этносоциологии и этнологии. Большое внимание ученые стали уделять культурной и визуальной антропологии. Формируются новые направления на стыке этнической и экономической социологии, менеджмента: изучается рынок этнических товаров и услуг, а также особенности формирования региональной символической политики (Г.Ф. Габдрахманова), этнический туризм (Л.В. Сагитова), этнические и религиозные особенности потребительских предпочтений (Н.В. Рычкова). Наряду с массовыми опросами начали активно использоваться качественные методы (биографический, свободное интервью, фокус-группы), метод наблюдения.

Этническая социология в Республике Татарстан, сформировавшись в благоприятных условиях, имеет шансы для дальнейшего успешного развития. Проведенная в г. Казани в 2008 г. Международная научно-практическая конференция «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества»²⁹, приуроченная к 40-летию юбилею первого в СССР этносоциологического исследования, проведенного в ТАССР, стала знаковым событием, показавшим состоятельность и перспективность татарстанской этносоциологии.

²⁹ Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.

ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Н.М. Мухарьямов

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ТЕНДЕНЦИИ 2000-х ГОДОВ

Состояние этнического фактора в общественном развитии Республики Татарстан на рубеже двух столетий в целом характеризуется отсутствием конфликтов с мало-мальски значимыми параметрами массового социального вовлечения и, следовательно, публично-политических форм манифестации. Этнический момент как таковой (включая его конфликтогенный потенциал) во второй половине 90-х и на протяжении 2010-х гг., если и не был устранен, то – во всяком случае – демонстрировал определенные тенденции утраты приоритетности как заметной составляющей социальной практики, так и в качестве первостепенного пункта «повестки дня» в республиканском информационном пространстве.

Подтверждение сказанного содержится в результатах многочисленных социологических опросов. В качестве примеров – пусть и произвольно отобранных – можно сослаться на итоги нескольких исследований. В ходе исследования «Стратификация российского общества» (Институт общественного проектирования, 2005 г.) были получены данные относительно мнения граждан России о значимости угрозы межнациональных конфликтов, судя по которым Татарстан никак нельзя было отнести к зонам этнополитической напряженности. Уровень оценки такой угрозы в республике оказался существенно ниже, чем на юге России или, например, в Красноярском крае. Ответы о наличии такой угрозы («существует» и «скорее существует») составили в сумме менее 35 процентов, тогда как – об отсутствии («не существует» и «скорее не существует») – более 60 %¹.

¹ Борисова Е. Русский пессимизм и национальный вопрос // Эксперт. – 2005. – № 19. – С. 37.

Приведенные данные получают подтверждение при сравнении с всероссийским репрезентативным исследованием, которое было проведено Аналитическим центром Юрия Левады в ноябре 2006 года. Жители Поволжья дали тогда наименьшее число ответов в наличии там напряженности в межнациональных отношениях. Имея в виду удельный вес «татарского фактора» в регионе и то, что здесь проживает около 40 % российских мусульман, то полученные результаты отражают ситуацию с межнациональными отношениями в Татарстане и его ближайшем окружении. Разделив положительные и отрицательные ответы на поставленный вопрос, исследователи получили индекс ощущения межнациональной напряженности 1,45 для Москвы и 0,26 для Приволжского округа.

Распределение ответов на вопрос: «Ощущается ли сейчас в том городе, районе, где выживете, межнациональная напряженность?» (%)²

	В среднем по стране	Москва	Поволжье
Определенно да	7	19	5
Скорее да	23	39	15
Скорее нет	40	29	44
Определенно нет	24	11	33
Затрудняюсь ответить	6	2	4

Разумеется, приведенные цифры не могут свидетельствовать в пользу беспроблемности межэтнического взаимодействия во всех его проявлениях и, тем более, об успехах так называемой «гармонизации» в рассматриваемом контексте. Существенное значение приобретает то, что социальные, экономические отношения, весь спектр возникающих проблем не получал в массовом восприятии этнической окраски, тем более – этнополитического преломления.

В ходе республиканского исследования «Изучение межнациональных отношений в Республике Татарстан», которое было проведено в преддверии Съезда народов Татарстана в 2007 году, были получены следующие результаты. Более половины жителей региона (52,8% опрошенных) считают, что межнациональные отношения являются

² Карта надежд и опасений. Политические настроения россиян: региональный разрез // Независимая газета. – 8 дек. 2006.

«нормальными и спокойными», 41,9% опрошенные расценили эти отношения как «хорошие, добрососедские». Противоположные оценочные суждения («напряженные и конфликтные») составили 3,7% от общего количества полученных ответов³.

**Как Вы оцениваете межэтнические отношения
в Республике Татарстан в целом?**

Ответы	Частота	%
Хорошие, добрососедские	457	41,9%
Нормальные, спокойные	575	52,8%
Напряженные	35	3,2%
Конфликтные	5	0,5%
Затрудняюсь ответить	18	1,7%
Всего	1090	100,0%

Еще одна иллюстрация – данные, полученные в ходе проведенных по заказу Минрегиона России социологических исследований и отраженных в докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», который был представлен к заседанию Государственного совета РФ в Уфе в 2011 году. В выводах, содержащихся в докладе, в коннотациях некоторой обеспокоенности приводятся данные относительно склонности идентифицировать себя с представителями своей национальности среди школьников из Казани (40%). Вместе с тем, соотнесение этого показателя с другими дает весьма позитивную картину. Во-первых, на вопрос «Как бы ты ответил сам себе на вопрос «Кто я такой?»» 73% казанских школьников ответили: «Гражданин России», что с точностью до единицы совпадает с результатом, полученным в целом по стране (ответ же «Назвал бы свою национальность» с 40% в Казани лишь ненамного превышает среднероссийский показатель в 35%). Во-вторых, уровень национального варианта самоидентификации школьников из Казани оказался ниже, чем, например, среди их сверстников из Москвы и Владивостока. Наконец, что, вероятно, идет вразрез с известными мифологизирован-

³ См.: Результаты социологического исследования на тему «Изучение межнациональных отношений в Республике Татарстан» // Материалы съезда народов Татарстана (город Казань, 3 ноября 2007 года). – Казань: «Идел-пресс», 2008. – С. 161.

ными штампами в дискурсах масс-медиа и экспертно-аналитических разработок, ситуация в поволжских республиках оказалась наиболее благоприятной с точки зрения межнациональных отношений. В Башкортостане около половины респондентов-русских считают межнациональные отношения позитивными, а в Татарстане, как подчеркивается в докладе, среди русских данной точки зрения придерживаются более двух третей респондентов⁴.

Причины и обстоятельства, благоприятствующие такому положению дел применительно к межнациональным отношениям и этносоциальным процессам в Татарстане – предмет специализированного анализа множества факторов и детерминантов, обладающих как прямым, так и опосредованным способами воздействия. В данном контексте можно ограничиться указанием лишь на некоторые предпосылки, способствующие снижению рисков негативных тенденций или кризисных обострений межэтнической ситуации в республике.

С точки зрения экономического развития (которое, разумеется, нельзя прямо относить к решающим детерминантам состояния этнических реалий) Татарстан надежно утвердился в группе регионов-лидеров России. В сфере материального производства усилия руководства республики сконцентрированы на стратегическом направлении – переходе от экспортно-сырьевого развития к наращиванию доли продукции обрабатывающих производств за счет инновационных механизмов роста. В 2007 году доля нефтехимической, нефтеперерабатывающей промышленности и машиностроения возросла до 62% в, а удельный вес нефтяной промышленности снизился до 30,6%. Перевод экономики на рельсы инновационно-технологического развития, укрепление конкурентных преимуществ послужили основой для выдвижения все более и более амбициозных программных установок. Объем валового регионального продукта в середине 2000-х гг. составлял немногим более полумиллиарда рублей. В 2007 году этот показатель вырос почти в полтора раза, в 2011 году он составил 1,25 трлн. рублей, а к 2016 году планируется, что будет достигнута отметка в 2 триллиона рублей. Вместе с этим повышается кредитный рейтинг республики, который, по данным международных агентств Fitch и

⁴ Доклад «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе». 2001 год. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-448860.html>

Moody's, в последние годы держится на уровне "BBB" – с прогнозом «стабильный»⁵.

Впечатляющими выглядят планы по развитию нефтегазохимического комплекса республики, особенно в связи со строительством нефтеперерабатывающих заводов «ТАНЕКО», перспективы которого предусматривают возрастание объемов переработки высокосернистой татарстанской нефти с 7 млн. тонн в 2010 году до 22 млн. тонн, что составит 70% от общей добычи нефти (30–32 млн. тонн). Все это дает основание для экспертных суждений, смысл которых выходит далеко за пределы собственно производственно-технического или экономического плана. Так, журнал «Эксперт» публикует следующее рассуждение: «...нефтяная отрасль Татарстана станет фактически независимой от российской экспортной трубы. А у нынешних местных бизнес-элит многократно увеличиваются шансы на сохранение контроля над нефтяной и нефтехимической отраслями экономики Татарстана. Так что окно возможностей для входа федеральных гигантов (в лице «Газпрома», «Роснефти» и «Сибура») на территорию республики быстро закрывается»⁶.

Еще одно обобщающее суждение прозвучало на форуме «Россия и мир: 2012–2020» (январь 2012 г.). Предваряя выступление президента республики Р.Н.Минниханова с докладом о направлениях развития Татарстана, модератор дискуссии – ректор Академии народного хозяйства и государственной службы Владимир Мау отметил, что речь идет о регионе, который претендует на звание «экономического чуда»⁷.

Далее, Татарстан неизменно занимает верхние строчки в рейтингах инвестиционного потенциала (климата) российских регионов, не покидая десятку лидеров, а по показателям интегральных инвестиционных рисков (законодательных, социальных, экономических, финансовых, криминальных, экологических, управленческих) во второй половине 90-х – в 2000-е гг. входил в пятерку передовых регионов⁸.

За последние 12 лет произошел трехкратный рост иностранных инвестиций в основной капитал республики. Накопленный объем таких инвестиций к началу 2012 года составил 4,6 млрд. долларов. В Татарстане зарегистрировано 1044 коммерческих организаций с ино-

⁵ Эксперт Волга. – 2008. – № 13. – С. 25; Республика Татарстан. – 19 янв. 2012.

⁶ Лебедев В. Подвиг «Татнефти» // Эксперт. – 1010. – № 43. – С. 27.

⁷ Республика Татарстан. – 19 янв. 2012.

⁸ Эксперт. – 2009. – № 49–50. – С. 90–91.

странными инвестициями (из них 472 – со стопроцентным иностранным капиталом)⁹.

По параметрам конкурентоспособности регионов, рассчитанным компанией «Бауман Инновейшн» и некоммерческим партнерством «Города без границ» по методике Давосского экономического форума, Татарстан занял вторую рейтинговую позицию в группе 4 лидирующих регионов (вместе с Новосибирской, Московской и Самарской областями). Этот показатель эквивалентен 45-й – 50-й позициям по мировой шкале, что характерно для уровня Кипра, Турции и Венгрии¹⁰.

Наконец, показатели качества жизни в Татарстане позволили ему подняться в престижную группу регионов, возглавляющих многочисленные рейтинги. Так, по данным Росстата за 2003 год Татарстан занял третье место по показателям качества жизни (уровень ВВП на душу населения, продолжительность жизни, доля учащихся среди возрастов 6–23 года) после Москвы и Тюменской области. Например, по показателем ВВП на душу населения республика тогда существенно опережала общероссийский показатель и соответствующий уровень Бразилии, Турции, Китая и Индии¹¹. Сводный индекс качества жизни, рассчитываемый Росстатом по показателям доходов населения, миграционной привлекательности региона, выживаемости детей до одного года, безопасности жизни, развитости рынков услуг и доступности рабочих мест, Татарстан поднялся в рейтинге с 15-го места (1 квартал 2006 г.) на 5-е место (1 квартал 2011 г.) среди регионов РФ, уступив первенство Москве, Санкт-Петербургу, Ямало-Ненецкому автономному округу и Московской области¹².

Характер экономического развития Татарстана в свете приведенных данных и высказываний позволяет взглянуть на тот контекст, который присущ общественному развитию в республике, с одной стороны, состоянию этносоциального фактора и межэтнического взаимодействия, с другой. Речь идет не просто о том, насколько благоприятна социально-экономическая среда в регионе, но также о разносторонней взаимообусловленности того и другого. Прежде всего – о том, что сам избранный характер социально-экономической стратегии и научно-технологического развития мыслимы в «спокойных» социаль-

⁹ Эксперт. – 2012. – № 24. – С. 69.

¹⁰ Итоги. – 27 окт. 2008. – С. 27.

¹¹ Эксперт. – 2003. – № 46. – С. 93; Власть. – 2005. – № 48. – С. 37.

¹² URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-448860.html>

но-политических обстоятельствах, при минимизации политических (этнополитических) рисков, грозящих подорвать инвестиционную привлекательность региона. Это же относится к перспективам республики с точки зрения привлечения трудовых ресурсов извне, столь необходимых для реализации известных крупномасштабных проектов – таких, например, как подготовка к 1000-летию Казани или проведение всемирной Универсиады в 2013 году.

Разумеется, какой-либо прямой или линейной взаимной детерминации, автоматически реализуемой корреляции между уровнем социально-экономического развития страны или субнационального региона, с одной стороны, и состоянием этнокультурного многообразия, с другой, не происходит. Об этом можно судить на опыте качественно различающихся общественных систем – социумов, политий, экономик – во всех зонах современного мира. В случае с Республикой Татарстан речь, по-видимому, должна идти в несколько иных смысловых планах.

Прежде всего, достигнутый уровень относительно благополучного положения региона-донора, демонстрирующего высокие темпы производственно-технологического и инфраструктурного роста, видоизменяют фундаментальные парадигмы политической и информационной артикуляции этнического фактора. Этничность – этнокультурное развитие «титульного» народа, межэтнические отношения, качество регионального этнокультурного многообразия и его «режим» («тонус») – все это получает публично-информационную репрезентацию в тех или иных дискурсивных стратегиях и их вариантах. Этнический момент, как известно, может оборачиваться в ипостасях «проблемы», «права», институциональных групповых притязаний, предмета «политики идентичности» или «политики признания» и прочее. Однако он же может становиться инструментальным ресурсом в социально-политических практиках с участием разнородных субъектов и в самых разных взаимодействиях.

Если рассматривать этничность в качестве ресурса самоутверждения региональных элит, конкретнее – республиканских властей, то названные ипостаси оказываются в качественно различающихся соотношениях.

В начале 90-х гг. этнический фактор был инструментальным ресурсом в достаточно остром, конфликтном противостоянии правящих элит Казани с федеральным центром. Это происходило при энергичной роли многочисленных субъектов, не принадлежавших непосредственно к властным сегментам элит – того, что подпадало под обоб-

щающую категорию «национальное движение», а также на фоне довольно экзальтированных проявлений массового сознания как сторонников суверенитета республики, так и его оппонентов. Стратегия этнорегионального самоутверждения была тогда ориентирована на достижение определенного формально зафиксированного статуса республики, который учитывал бы итоги референдума..., учитывал бы нормативный строй принятой конституции Татарстана и т. д.

Во второй половине 1990-х гг. в контексте достигнутого политического компромисса между Москвой и Казанью, после заключения договора 1994 года этнический фактор приобрел иные очертания своей проблематизации. Он стал элементом уже более умеренной и инерционной региональной фронды. В отличие от предыдущей фазы стратегическим ориентиром был уже не столько статус республики (в этой области уже состоялся ситуационный компромисс с Москвой). Цель стала ассоциироваться, скорее, с особым положением Татарстана – *de facto*, если и не *de jure* – среди других субъектов Российской Федерации, включая определенные налоговые преференции, определенные гарантированные права в области распоряжения природными богатствами.

На протяжении 2000-х гг. этнический момент в некотором смысле переместился в сторону ресурса, используемого в интересах самоутверждения республики в плане ее конкурентных преимуществ и привлекательности как зоны инвестирования, надежного партнера в бизнесе, в международном – экономическом, финансовой, культурном – сотрудничестве. Сама идеологема «модели Татарстана» призвана была свидетельствовать: республиканские элиты – это предсказуемый, заслуживающий доверия, уважаемый игрок на общефедеральной и международной сценах. Игрок, который способен держать ситуацию под надежным контролем и не допускать критического нарастания внутренних политических рисков.

Иными словами, этнический момент, начиная с середины 1990-х гг., переместился из дискурсивного пространства и практической плоскости политики «проблемы», «рисков», «вызовов» в качественно иную область – в сферу «ресурса», связанного с достижениями – в государственном строительстве, в практике урегулирования сложных конфликтных ситуаций, в социально-культурном развитии, обеспечении стабильности. Такой ресурс активно использовался в PR-сопровождении всех республиканских начинаний, мероприятий, переговоров с федеральным центром и международными партнерами, продвижении имиджа и «бренда» Татарстана во всех сегментах информа-

ционного поля. Словом, проблематика этничности в Татарстане переместилась в другую политическую повестку, становясь скорее, знаком престижности и репутационных приобретений, нежели источником потенциальных сложностей или препятствий на пути к спокойствию и процветанию.

Среди факторов, способствующих стабильности межнациональных отношений, и, соответственно, включающихся в отношения взаимной обусловленности с другими аспектами общественного развития, следует отметить высокую степень консолидации политической элиты Татарстана и в первую очередь – ее правящего ядра, сплоченность стоящей у власти «команды». В 2000-е гг. никакие внутренние аппаратные разногласия или трения не могли становиться сколь либо серьезным вызовом по отношению к прочным позициям руководства республики, или, во всяком случае, не приобретали публичной значимости, которую можно было бы эксплуатировать в этнополитических категориях. Региональные власти в Татарстане на протяжении всей его новейшей политической истории обладали свойствами надежно интегрированной силы, уверенно держащей в своих руках инструменты разностороннего контроля над ситуацией. Это существенно отличало нынешний региональный режим, современную политическую систему республики от периода первой половины 1990-х гг.. О какой-либо внесистемной субъектности – тем более оппозиционной, способной взять на вооружение националистические дискурсы в качестве эффективного средства реализации собственных амбиций – говорить в этих обстоятельствах было уже нельзя. Те силы и группы, те «игроки», которые до второй половины 1990-х гг., еще как-то могли рассчитывать на собственную политическую капитализацию, на какие-то электоральные перспективы или иные позиции влияния, попросту покинули публично-информационное пространство или, как минимум, были оттеснены на ее далекую периферию. То, что ассоциировалось с категорией «национальное движение» перестало восприниматься в общественном мнении как мало-мальски значимое явление. Естественно, в каких-то сегментах масс-медийного поля межнациональная стабильность получала и получает дискурсивную интерпретацию в терминах стагнации «нациестроительства» или иссякшей энергии этнополитических притязаний. Однако мобилизующие возможности националистического дискурса, потенциал его воздействия на региональные общественно-политические процессы за «нулевые» годы довольно быстрыми темпами шли по нисходящей траектории.

Насколько необратима такая направленность – сложный вопрос, не поддающийся достоверному прогнозированию.

Укрепление положение политической элиты Татарстана – как во внутриреспубликанской жизни, так и во взаимоотношениях с московскими властями позволяло удерживать ситуацию под контролем, не допуская критических обострений этнополитического или националистического толка.

Событийная канва политического процесса прошедшего десятилетия, очевидно, показывает сложный баланс успехов и упущений, достигнутых ярких результатов и неизбежных попятных маневров руководства Татарстана во всех аспектах, связанных с действием этнического фактора, или получающих соответствующую окраску в массовом восприятии. Где-то происходила объяснимая «сдача позиций», но эти движения компенсировались – или даже перевешивались – новыми политическими завоеваниями.

Начало нового столетия для республиканского руководства принесло с собой вынужденный отход от рубежей «модели Татарстана», от того кредо, которое было сформулировано по результатам референдума (март 1992 г.), которое стало фундаментом национально-государственной идентичности. На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?» 1,3 миллионов граждан (61,39 % принявших участие в голосовании) дали положительный ответ. Что и было закреплено в Конституции республики.

Оценивая договор между Москвой и Казанью, заключенный в 1994 году, М.Ш. Шаймиев в 2005 году говорил: «...политическая и социальная стабильность в Татарстане – это результат действия Договора. На его базе мы выработали свою программу приватизации и не дали возможность «олигархам» за бесценок скупить собственность республики. Договор позволил нам реализовать Программу адресной социальной защиты, программы сплошной газификации республики, ликвидации ветхого жилья, развернуть строительство дорог и мостов, развить международные связи и многое другое»¹³. На одном из «круглых столов» летом 2012 года первый президент республики заявлял:

¹³ Республика Татарстан. – 26 марта 2005.

«Первый договор Российской Федерации с Татарстаном спас Российскую Федерацию. Громко сказано или негромко, но так есть. Факт»¹⁴.

Начало президентства В.В. Путина, старт «федеративной реформы» неизбежным образом поставил Татарстан перед новыми задачами по приведению региональной конституционно-правовой системы в соответствие с федеральными требованиями. Вместе с тем, произошедшие изменения никоим образом уже не увязывались с массовой активностью, столь характерной для начала 1990-х гг. Более того, отношения между В.В. Путиным и М.Ш. Шаймиевым с самого начала презентовались – демонстративно – как взаимно доверительные. Станным, казалось бы, сочетанием выглядели две риторические фигуры нового российского президента. «У нас в уставах областей и конституциях республик можно найти все, что угодно: и суверенитет, и международно-правовую субъектность – можно найти все, «от гвоздей до бриллиантов», только нигде не увидишь упоминания, что это субъект Российской Федерации». Совершенно очевидно, что эти слова, сказанные В.В. Путиным в августе 2000 года, были адресованы в первую очередь Татарстану. Вместе с тем, никаких инструментов, которые внешне можно было бы расценить как грубо силовые, Москвой в действие приведено не было. Напротив, в качестве председателя Государственной комиссии по подготовке к празднованию 1000-летия Казани еще в марте 2000 года в столице Татарстана В.В. Путин выразил свое отношение к ельцинской формуле «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Жизнь, как подчеркнул гость из Москвы, показала, что «формула Бориса Ельцина была оправдана. Когда лидеры республики, краев по-настоящему начинают решать свою судьбу, – это вызывает к жизни эффективные формы управления соответствующими территориями. На примере Татарстана мы отчетливо увидели это. ... Я уже говорил и еще раз повторю, что Президент Татарстана – один из основателей современного Российского государства. Он стоял у истоков формирования Федерации»¹⁵. Следует, кроме того, отметить, что изменения в Основном законе республики, внесенные по требованию Конституционного суда и Генеральной прокуратуры Российской Федерации (апрель 2002 года), не означали полного отказа от использования самого термина

¹⁴ Коммерсантъ (Казань). – 29 июня 2012.

¹⁵ См. подробнее: Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Татарстан в условиях рецентрализации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы. – М., 2004. – С. 312–366.

«суверенитет». Понятие суверенитет в новой редакции Конституции Республики Татарстан (статья 1) распространяется на предметы правового регулирования вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Центра по предметам совместного ведения. В статье 3 вновь воспроизводится формула многонационального народа Татарстана как носителя суверенитета и единственного источника государственной власти в республике. Характерно, что очередные прокурорские протесты из Москвы носили довольно вялый процедурный характер. На рубеже «нулевых» и «десятих» годов любые ссылки на имеющиеся несоответствия республиканских и федеральных конституционных норм, а также законодательная инициатива относительно отказа от понятия «президент» применительно к субъекту федерации микшировались ответами о готовящейся в перспективе обновленной редакции Конституции республики.

На самом старте «нулевых» была выявлена способность руководства Татарстана адаптироваться к меняющейся общефедеральной политической среде такими способами, которые вполне позволяли «сохранять лицо». Причем, такая адаптация часто затрагивала темы, чреватые, как могло бы показаться, крайне нежелательными с точки зрения массового этнополитического протеста.

Парадигма поиска взаимоприемлемых компромиссов – в том числе, включающих серьезные этнополитические коннотации – сложившаяся еще в середине 1990-х гг. по-прежнему демонстрировала свою эффективность. Уступки Татарстана никогда не были односторонними. Ушли в прошлое ультимативные мотивы, раздававшиеся во времена ранней суверенизации с обеих сторон. В дискурсивном, символическом плане перемены во взаимоотношениях Казани и Москвы всякий раз облекались в удобоприемлемые – часто весьма изящные – риторические формулы. «Мы исходим из того, – подчеркивал М.Ш. Шаймиев в своем докладе перед татарстанским парламентом, – что законодательный орган республики должен адекватно изложить на языке права специфику Татарстана, учитывая при этом общеевропейскую ситуацию. ...Культурное многообразие, скрепленное политическим единством, – вот формула развития Российской Федерации. ...Существуют правовые понятия, которые во многом носят символический характер и в жизни не всегда находят адекватное воплощение. Например, термин «субъект международного права», который фигурировал в ряде наших документов, применяется лишь в отношении независимых государств. В республике он реализовался только в сфе-

ре культуры и внешнеэкономической деятельности. Такой же характер носит понятие гражданства Татарстана, которое связано с источниками права и тем, что республика считается государством, но в жизни никаких реальных отношений не регулирует»¹⁶.

В сущностном, содержательном отношении эти рассматриваемые перемены сопровождались договоренностями об обмене чего-то одного на что-то другое – к примеру, возвращение республики в российское «налоговое поле» компенсировалось крупномасштабными федеральными программами, реализуемыми на территории Татарстана.

Одним из самых убедительных свидетельств того, что власти республики успешно удерживают и продвигают свою этнорегиональную (национально-государственную) идентичность и добиваются эффективных результатов своего политического самоутверждения – в целом, наращивают свой символический капитал, – стало заключение нового договора между Казанью и Москвой в 2007 году. Следует отметить, что договор был заключен при прямой поддержке президента В.В.Путина и вопреки энергичному сопротивлению руководства Совета Федерации. Далее, документ, в отличие от своего предшественника от 1994 года, был принят, во-первых, в эксклюзивном режиме (ни один другой субъект федерации договорными отношениями с Центром сегодня не связан) и, во-вторых, – в статусе федерального закона, то есть с реальной обязывающей юридической силой.

Этнополитический процесс в Республике Татарстан, режим межэтнических и этнорелигиозных отношений в 2000-е гг., естественно, не являл какой-то безоблачной картины. Как уже говорилось, здесь были не только успехи, но и неудачи при проведении официально-политического курса в связи с этническим фактором.

Среди примеров явных упущений, если не сказать – политических поражений властей Татарстана, можно указать на безуспешность проекта перевода татарского языка на латинизированную графическую основу¹⁷. В ноябре 2002 года Госдума приняла поправки к закону РФ «О языках народов Российской Федерации», согласно которым государственные языки республик используют алфавиты на основе кириллицы.

¹⁶ URL: <http://shaimiev.tatarstan.ru/pub/view/536>

¹⁷ См. подробнее: Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Указ. соч. – С. 354–364.

Попытка Госсовета и Верховного Суда Республики Татарстан опорить конституционность статьи 6 российского закона о языках в Конституционном Суде РФ успехом не увенчалась.

De jure федеральный законодатель не исключил полностью возможность изменения графической основы государственных языков. Правда, как постановил в ноябре 2004 года Конституционный суд Российской Федерации, республика не может принимать в этой области решений «в одностороннем порядке». Такое изменение «допустимо, если только оно преследует конституционно значимые цели, отвечает историко-культурным, социальным и политическим реалиям, а также интересам многонационального народа Российской Федерации».

Следует, однако, специально отметить, что обращение властей Татарстана в конституционном Суде РФ рассматривалось в сочетании с жалобой гражданина С.И. Хапугина, касавшейся объемов изучения татарского и русского языков в школах республики. Конституционный суд тогда же постановил, что соответствующее нормативное положение законов РТ «О языках народов Республики Татарстан» и «Об образовании», «устанавливающее, что татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального и среднего профессионального образования изучаются в равных объемах, не противоречит Конституции Российской Федерации...»¹⁸.

Следовательно, морально-политический ущерб, понесенный Татарстаном в истории с латиницей, был своеобразно компенсирован признанием его прав определять политику в области изучения языков.

Вместе с тем, настроения общественного недовольства со стороны родителей по поводу чрезмерного удельного веса затрат времени на изучение татарского языка как обязательного для всех школьников в последние годы стали получать публично-политические проявления – в ходе (пусть не столь многочисленных) митингов, пикетов, обращений граждан компромисса между участниками образовательного процесса и между властями республики и Министерством образования РФ достичь не удалось и не удастся до последнего времени. Это – узел сложных проблем, аналитическая разработка которых требует специального исследования.

Языковой «вопрос» в республике на протяжении всего постсоветского периода представлял собой отдельную политическую повестку.

¹⁸ Российская газета. – 23 нояб. 2004.

Один взгляд может фиксировать важные достижения. В 2006–2007 учебном году в целом по РФ татарский язык использовался как средство обучения в 1941 школе для 128 928 учеников и изучался как предмет в 2 235 школах 375 127 учениками. В Республике Татарстан 109 024 ученика использовали татарский язык как средство обучения (в 1437 школах) и 277 827 учеников изучали его как предмет (в 1041 школе). Татарстан безраздельно лидирует по количеству периодических изданий на титульном языке. Число газет, издаваемых на татарском языке, увеличилось с 79 в 1999 году до 143 в 2006 году¹⁹. Но, при этом, ни одна из сторон, участвующих в политико-языковых отношениях, естественно, не демонстрирует удовлетворенности происходящим. Как записано в Государственной программе РТ по сохранению и развитию языков на 2004–2013 гг., «несмотря на провозглашение равноправного статуса татарского и русского языков как государственных, на практике сферы и объем татарского языка остаются ограниченными»²⁰. Широко распространены нарекания на качественные стороны преподавания татарского языка как общеобразовательного предмета. Это, конечно, не способствует его реальному коммуникативному и демографическому усилению.

Помимо языка столь же сложным и значимым сегментом потенциальной политизации этничности в новейшей истории Татарстана был исламский фактор. В общественных настроениях жителей региона (да и далеко за его пределами), в пространстве республиканских, общероссийских и зарубежных СМИ, в официально-идеологическом дискурсе – словом, повсюду и почти безраздельно – полностью доминировали мотивы, основывающиеся на оценке религиозной ситуации, меж- и государственно-религиозных отношений в Татарстане как образцово гармоничных. Толерантность, присущая всем сторонам этих отношений, стала своего рода визитной карточкой республики и ее фирменным брендом²¹.

¹⁹ Горячева М.А. Языковая ситуация в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Бурятия и Коми как иллюстрация видов соотношения русского и титульных языков // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 504.

²⁰ Республика Татарстан. – 23 окт. 2004.

²¹ См. подробнее: Мухарямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. – Сарго – М.: SRC-РОССПЭН, 2007. – С. 13–70; Мухарямов Н. Республика Татарстан: вызовы модернизации в исламском контексте // Рос-

В этой сфере, разумеется, спорадически происходили определенные информационные «всплески», а также прорывающиеся в публичное пространство противоречия различной природы. Были, к примеру, конфликтные эпизоды, связанные со столкновениями между представителями православной и мусульманской (точнее, – с национально-радикальными группами) общественности. Так, в октябре 2002 года, когда около 30 «активистов-татар» разрушили стену строящегося православного храма святой Татианы, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II направил президенту Татарстана Заявление, в котором, в частности, говорилось: «С глубокой обеспокоенностью узнал об акте неприкрытого, демонстративного вандализма в отношении строящейся часовни в Набережных Челнах. ... [за которыми], по многим свидетельствам, стоит радикальная организация «Татарский общественный центр», известная резкими антироссийскими и антиправославными заявлениями и акциями»²².

Однако уже в 2005 году Патриарх Алексей II наградил М.Ш.Шаймиева орденом преподобного Сергия Радонежского, сказав, что это «укрепит подвиг, который совершает своим служением Минтимер Шаймиев». Этой же награды был удостоен мэр Казани К.Ш. Исхаков, после открытия отреставрированного Благовещенского собора в Казанском Кремле. Можно также напомнить об усилиях по возвращению в Казань из Ватикана, к месту обретения иконы Казанской Божьей матери, что имело, безусловно, большой резонанс и мощный PR-эффект.

Применительно к татарстанской мусульманской общине можно отметить значительный опыт участия властей республики в урегулировании сложных конфликтных ситуаций в среде духовенства. Эти разногласия и трения – сложный предмет, требующий отдельного анализа. Столкновения и споры здесь во многом бывают вызваны внутренней конкуренцией за «зоны влияния» тех или иных Духовных управлений мусульман (ДУМов в Казани, Москве, Уфе), за контроль над мечетями и приходами. Тема угроз и вызовов, ассоциирующихся с исламским фактором, главным образом – тема опасности, исходящих со стороны исламистов, радикалов, религиозных экстремистов (всего, что зачастую крайне упрощенно и номинально маркируется как «вах-

сийская модернизация: размышления о самобытности. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 380–400.

²² URL: <http://www.orthomed.ru/news.php?id=2588&print=1>

хабизм» и «салафизм»), – периодически выдвигается в центр общественного внимания именно в этом конкурентном контексте. Дело в том, что обвинительные квалификации, включающие идентифицирующие названия «ваххабизм» и «салафизм», нередко применялись по отношению к соперникам в инструментальном ключе. Эта же дискурсивная «карта» подчас разыгрывалась в экспертной среде, опять-таки в полемике между теми, кто демонстрирует притязания на влиятельные позиции в академическом религиоведении и масс-медийном поле. Религиозные деятели и активисты, исследователи и журналисты, принадлежащие к различным полемическим флангам и лагерям, активно разрабатывали эту тему, иногда оставляя впечатления некоторой субъективной предвзятости. Градус остроты таких дискуссий и идейных столкновений усиливался по мере нарастания пространства сетевых СМИ и, возможно, главным образом за счет этих сегментов информационного поля.

Вопрос о реальном потенциале радикально-исламистского подполья в Татарстане в 2000-е гг., периодически появляясь в публично-информационном поле, стержневым тематическим направлением, в силу понятных причин, не становился. Официальные структуры в республике значительно больше внимания отводили, с одной стороны, кадровым взаимоотношениям в верхушке исламского духовенства. В апреле 2011 года был избран новый муфтий Илдус Файзов. Незадолго до этого он заявлял, что ДУМ Республики Татарстан всегда было самостоятельным и никогда «ни в Совет муфтиев России (СМР), ни в Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России» не входило²³. Таким образом, независимый татарстанский муфтият, объединяющий практически третью часть исламских общин России, стал классифицироваться как «полноправный игрок на мусульманском поле»²⁴.

С другой стороны, региональные светские власти прикладывали значительные усилия для эффективной реализации исламского ресурса в своих международных (внешнеэкономических) связях, делая при этом акцент на прагматические соображения. В международно-политическом плане президент республики М.Ш. Шаймиев возглавлял российскую делегацию, участвующую в группе стратегического видения «Россия – исламский мир». Бывший мэр Казани К.Ш. Исхаков несколько лет занимал должность представителя России при Органи-

²³ НГ-Религии. – 30 дек. 2011.

²⁴ НГ-Религии. – 20 апр. 2011.

зации исламская конференция. Во время заседания Административно-го совета Организации исламских столиц и городов в июне 2009 года он предложил именовать Казань «исламской столицей России»²⁵.

В Казани на регулярной основе стали проводиться Международные саммиты исламского бизнеса и финансов, а второй президент республики Р.Н. Минниханов часто высказывается о перспективности внедрения в практику исламских принципов ведения бизнеса. Во время работы III казанского саммита в июне 2011 года был подписан мандат о выпуске суверенных исламских облигаций (Сукук). Казань – помимо использования исламского колорита для привлечения инвесторов – стремиться занять место халяльного хаба как крупнейшего стране центра дистрибьюции соответствующих товаров и услуг.

На этом фоне время от времени возникавшие в прессе предупреждения о «ваххабитской» угрозе воспринимались с определенными поправками на конъюнктурную ангажированность, на соображения группового соперничества в верхушке мусульманского сообщества в республиканском и общероссийском контексте²⁶. События криминального толка, спорадические вспышки террористической активности производили впечатление, скорее, попыток имитации, нежели реальной тенденцией в развитии религиозной ситуации.

Трагические события в июле 2012 года – убийство видного представителя исламской элиты Татарстана, руководителя отдела ДУМ РТ Валиуллы Якупова и покушение на муфтия Илдуса Файзова. Беспрецедентная дерзость преступников вызвала столь же беспрецедентный резонанс и в республиканском, и в общероссийском, и в международном масштабах. Лавинообразный вид приобрели информационные потоки с теми или иными версиями произошедшего, с многочисленными экспертными и журналистскими оценками. Госсовет республики 3 августа собрался на внеочередную сессию, в ходе которой – возможно, неявным образом – обозначились позиции официальных структур, вступающих друг с другом в определенную рассогласованность с точки зрения этнорелигиозных и этнополитических смыслов, соответствующих последствий и предлагаемых шагов.

²⁵ Время и деньги. – 18 июня 2009.

²⁶ См., например: Власти Татарстана поддерживают ваххабизм? // Время и деньги. – 16 мая 2000; Ваххабиты атакуют Татарстан. Идеологически... // Время и деньги. – 22 янв. 2003.

«До сих пор мы уделяли внимание межконфессиональному миру и согласию, а проблема возникла внутри одной конфессии, внутри мусульманской уммы», – говорил при открытии сессии спикер Госсовета РТ Ф.Х. Мухаметшин.

Занимавший незадолго до этого должность министра внутренних дел Татарстана, и назначенный затем заместителем Премьер-министра республики Асгат Сафаров в своем выступлении перед парламентариями отмечал: «...данное резонансное преступление получило широкий отклик в средствах массовой информации и социальных сетях. Какие только измышления и предсказания не размещаются по данному факту. Кто-то рассматривает эти события как коммерческий конфликт, есть те, кто видит в этом инсценировку, кто-то ищет происки силовиков против мусульман и «руку Москвы», стремление дестабилизировать ситуацию в республике; кто-то считает, что это конфликт за лидерство в умме и предъявляет претензии к самим священнослужителям; есть и те, кто занялся арифметикой и уже насчитал в республике три тысячи салафитов, проводя параллели с северокавказским сценарием. В сети даже появилось видео, где «амир муджахедов Татарстана» рассказывает о своей борьбе». (Чуть позже этот «амир» взял ответственность за теракт на себя).

В сенсационном ключе и в духе разрушения привычного дискурса об этнополитической и межрелигиозной ситуации в Татарстане прозвучало выступление на сессии А.В. Хохорина, который незадолго до того был назначен министром внутренних дел по республике: «Боле 13 лет на территории Татарстана, позиционирующего себя территорией толерантности, стабильности, идет необъявленная война. Самая настоящая: взрывы промышленных объектов, убийства, борьба за территории и людские ресурсы». Речь идет, как подчеркнул главный полицейский республики, не о разрозненных последователях запрещенных экстремистских организаций. Это – «настоящие джамааты, достаточно многочисленные. За их действиями явно просматривается выстраивание четкой структуры». Министр привел и социологические данные, которые показывают, что практически в четыре раза возросла, с точки зрения населения, степень угроз развития конфликтов на этнической почве и на 45% – на религиозной.

Приведенные слова главы МВД по республике по существу высветили центральную проблему всей рассматриваемой тематической области. Являются ли межэтнические отношения в Татарстане, этнополитическая и этнорелигиозная ситуация только лишь предметом

«позиционирования» или продуктом дискурсивного «конструирования» или, напротив, – это реальное сущностное состояние общества, вытекающее из объективного положения дел и из преемственного стратегического политического курса прежней и нынешней администрации?

К сбалансированному видению происходящего призвал прокурор РТ К.Ф. Амиров: «Экстремизм не характерен ни для одной религии, в том числе и для ислама. Проблема роста религиозного экстремизма, с которой мы сегодня сталкиваемся, носит многоплановый характер, а поиск путей для ее разрешения требует взвешенного и беспристрастного подхода. У татарского народа есть мудрая пословица: «Каш ясыым дип күз чыгарма» [«Рисуя себе брови, не выколи глаз» – Н.М.]. Это вызвано деликатностью религиозного аспекта проблемы, связанного с безусловным требованием уважения чувств верующих».

Наконец, весьма и весьма характерными стали во время сессии Госсовета слова президента РТ Р.Н. Минниханова, подводившего итоги состоявшегося обсуждения: «Огромное спасибо Прокурору Республики Татарстан за выступление, ведь по-разному могут расценить наши действия, «правоведов» у нас много, не всем нужна стабильность. Некоторым силам интересны какие-то там взрывы, катаклизмы, у них есть какие-то претензии»²⁷.

Мифологемы относительно «руки Москвы», сил, которые заинтересованы в кризисном развитии событий для реализации каких-то интересов по распределению собственности, были, далее, определенным образом дезавуированы в ходе краткой рабочей поездки в республику В.В. Путина. Российский президент ознакомился с ходом реставрационных работ и строительства новых объектов на историко-культурных объектах Болгара и острова-града Свияжска. Он также вручил награды – орден Мужества (посмертно) Валиулле Якупову и орден Дружбы Илдусу Файзову. «Здесь в Поволжье, – говорил В.В. Путин о благочестии и любви к ближним, – эти единые ценности помогали находить общий язык, понимать друг друга православному и мусульманину, русскому и татарину, башкиру, чувашу и другим представителям народов нашей страны. ...Мы сделаем все, чтобы на нашей земле был мир. Будем беречь согласие, отстаивать те ценности, которые служат нравственным, историческим ориентиром»²⁸. В целом, атмосфера по-

²⁷ URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/news/>.

²⁸ Республика Татарстан. – 30 авг. 2012.

ездки российского президента, сам факт того, что она состоялась, можно, бесспорно, расценивать, в том числе и как символический жест политического доверия руководству республики. Примечательным моментом в этом смысле стала публикация доклада коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» – Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0», последовавшая после рассматриваемых событий. В круг ближайших соратников В.В.Путина авторы доклада включили региональных лидеров – Г. Полтавченко, С. Шойгу, Р. Кадырова и Р. Минниханова, «которые имеют не только серьезный лобистский потенциал за счет личного контакта с ВВП или значимости возглавляемых регионов, но и выступающие хедлайнерами идеологических проектов. Г. Полтавченко – «православный чекизм». С. Шойгу – «авторитарный популизм», Р. Минниханов – «пантюркизм» и умеренный исламизм²⁹. Экспертная достоверность такой оценки, а также ее соответствие личным амбициям президента Татарстана – вопрос, требующий, как минимум, дальнейшего прояснения. Однако само появление таких суждений является показательным.

Наконец, события, последовавшие после громких июльских событий, вывели на авансцену политического процесса в Татарстане протестные акции – митинги, в ходе которых следственные мероприятия правоохранительных структур и, в частности, задержания подозреваемых (численность которых, начиная с какого-то момента, перестала предаваться огласке). Инициаторами и организаторами митингов выступили, с одной стороны, националистически и сепаратистски настроенные члены молодежной организации «Азатлык» и, с другой стороны, прихожане казанской мечети «Аль-Ислах», имам которой ранее привлекался к суду за принадлежность к запрещенной в России организации «Хизбут-Тахрир аль-Ислами».

Один из наиболее активных экспертов, руководитель Приволжского (Казанского) центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского Института стратегических исследований Раис Сулейманов – наиболее, пожалуй, энергичный инициатор антиваххабитского дискурса в республиканском публично-коммуникативном пространстве – предложил формулу – «сепаратисты и фундаменталисты нашли друг друга»³⁰. Вопрос, таким образом, свелся к тому, возникнет или нет новый интегрированный субъект оппозиционной этнополити-

²⁹ URL: http://www.kommersant.ru/docs/2012/doclad_politburo_20.pdf

³⁰ URL: <http://www.gazeta.ru/social/2012/07/30/4701953.shtml>

ческой активности, которая могла бы с теми или иными основаниями претендовать на инициативу в политическом процессе и на ту или иную перспективу легитимного расширения собственной массовой базы? Иными словами, состоится или не состоится очередной виток политического противостояния в республике по поводу этнического и религиозного фактора?

В предварительном, естественно, плане можно предположить, что становление такого субъекта в интегрированном и достаточно консолидированном качествах, скорее всего, столкнется с непреодолимыми внутренними разногласиями. В пользу этого свидетельствуют слова лидера Союза татарской молодежи «Азатлык» Наиля Набиуллина, с которым стали ассоциировать ожидания нового харизматического персонажа, способного возглавить национальное движение. На опыте проведения совместных митинговых акций он впоследствии говорил: «Меня поразило то, что все разговоры были о построении халифата... Я считаю, что мы допустили огромную ошибку, связавшись с ними. Если бы мы знали, что мечеть аль-Ислах» собирает сторонников «Хизбут-тахрир», то мы бы не ввязались в их авантюру. ...Отмечу, что больше мы не будем связываться с теми, кто выступает против нашей нации, языка, традиций и государственности»³¹.

Таким образом, траектория развития политического процесса Татарстана в наши дни подошла к очередной точке – этнорелигиозной – «бифуркации», и дальнейшая динамика может рассматриваться только в категориях вероятностного моделирования. Политической элите Татарстана предъявлено грозный вызов. Время покажет, насколько действенным окажется потенциал, накопленный за всю новейшую политическую историю республики, потенциал, позволявший долгие годы удерживать стабильность как реальное состояние межэтнических отношений и минимизировать этнополитические риски.

³¹ Наиль Набиуллин: «Больше не буду связываться с «Хизбут-Тахрир», так как они работают против Татарстана». URL: http://www.info-islam.ru/publ/intervju/nail_nabiullin_bolshe_ne_budu_svjazyvatsja_s_khizbut_takhrir_tak_kak_oni_rabotajut_protiv_tatarstana/4-1-0-16399

Г.Ф. Габдрахманова, Р.Н. Мусина

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: МОДЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Инициатором В.В. Путиным в ходе предвыборной кампании 2011–2012 гг. предложение о формировании стратегии национальной политики РФ адекватной современной ситуации, и последовавшая за этим работа по созданию соответствующего документа, свидетельствуют о еще большей актуальности проблемы нахождения путей интеграции России. Содержание второго письма предвыборной программы В.В. Путина и утвержденная им Стратегия национальной политики РФ¹ демонстрируют понимание невозможности консолидации России без учета этнического фактора и укрепления гражданской идентичности, не противоречащей этнической. Республика Татарстан является некой моделью интеграции, для которой характерно движение к совмещению этнических интересов народов региона с высокими ориентациями на сохранение позитивного межэтнического взаимодействия, а также широкое распространение макро-идентичности, объединяющей население на внеэтнической основе.

В содержании понятийного аппарата, а это, прежде всего, такие термины, как гражданская, региональная и этническая идентичности, межэтнические отношения, мы солидаризируемся с Л.М. Дробижевой. В ряде ее работ проведена операционализация используемых понятий².

¹ Указ Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html> (дата обращения: 26 декабря 2012 г.)

² Это коллективные монографии, подготовленные под руководством Л.М. Дробижевой, а также ее авторские монографии и статьи: Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003; Ее же. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214–228; Ее же. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. – С. 429–442; Ее же. Российская идентичность и проблемы межэтнического согласия // Казанский федералист. №4(30). 2011. – С. 4–21; и другие.

Материалом для рассмотрения динамики идентичностей и межэтнических отношений в Республике Татарстан, изменений в их содержании служат итоги научно-исследовательской работы, выполненные с участием или под руководством ученых Центра этносоциологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ. Часть исследований являются самостоятельными проектами Центра, другая проведена в рамках коллективных проектов, инициированных группой этносоциологов под руководством Л.М. Дробижевой³. Основным методом исследований явились массовые опросы городских и сельских жителей региона, основанные на репрезентативной выборке. Кроме того, при изучении этносоциальных процессов проводились интервью, наблюдения, анализ СМИ и официальных документов.

Этносоциологическое исследование 1989–1990 гг., проведенное в ТАССР на излете советского периода, показало существование латентного конфликта в этнической сфере региона. Наряду с позитивными результатами национальной политики СССР (увеличение темпов социальной мобильности среди нерусского населения, рост уровня

³ Проекты: «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТССР» (1989–1990 гг., рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н.Мусина); «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996 гг., рук. Л.М. Дробижева); «Этнические и административные границы в Российской Федерации» (1997–1998 гг., рук. Л.М. Дробижева, рук. в РТ Р.Н. Мусина); «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ» (1999–2000 гг., рук. Л.М. Дробижева, рук. в РТ Р.Н. Мусина); «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» (1999–2000 гг., рук. Р.Н. Мусина); «Роль культурной политики в сохранении социальной стабильности полиэтничного общества (пример РТ)» (2001 г., рук. Г.И. Макарова); «Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан. Этносоциологический аспект» (2006–2008 гг., рук. Р.Н.Мусина); «Многообразие в интеграции: динамика соотношения и развития этнокультурных, региональных и общероссийских идентичностей (на примере РТ)» (2010–2011 гг., рук. Г.И. Макарова). Последние проекты «Конфессиональный фактор идентификационных процессов в Республике Татарстан» (2011/2012 г., рук. Р.Н. Мусина), «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011/2012 г, рук. Л.М. Дробижева, рук. в РТ Р.Н. Мусина), «Гражданская, региональная, этническая и конфессиональная идентичности в Республике Татарстан» (2011/2012 г., рук. Л.М. Дробижева, рук. Р.Н. Мусина) были скоординированы, что позволило расширить изучение связей переменных.

образования, развитие национального профессионального искусства и науки, формирование национальной творческой интеллигенции и т.д.), имела место и асимметричность социального и культурного развития народов. Так, дисбаланс в этнической структуре городского и сельского населения на фоне обучения в высших и средних специальных заведениях исключительно на русском языке predetermined диспропорции в образовательной и социально-профессиональной структуре региона в пользу русской части населения ТАССР⁴. Татарский язык практически не функционировал в общественно-политической сфере, в сфере материального производства, весьма ограниченно он использовался в сфере обслуживания, образования, массовой коммуникации, в области информации, рекламы⁵. Ислам в советское время был утрачен как целостное мировоззрение татарского народа, сохранившись лишь на уровне обрядовых действий.

Процесс демократизации общества середины 1980-х гг. способствовал тому, что различные социальные группы получили возможность заявить о своих интересах. В Татарстане, как и в других регионах СССР, начали формироваться национальные движения за обретение народами больших политических, экономических, этнокультурных прав. Деятельность лидеров национальных движений ТАССР на рубеже 1980–1990-х гг. стала одним из факторов, стимулирующих рост этнического самосознания у татар. Последовавшее укрепление относительной политической независимости Татарстана, благодаря принятию в 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, в 1992 г. Конституции Республики Татарстан, подписанию двустороннего договора о разграничении полномочий между органами власти РТ и РФ, закрепили у татар «... возможность публично высказывать ощущение стигмы собственной идентичности»⁶. Использование в исследовании 1994 г. модифицированного теста Куна-Макпартленда

⁴ Об этом подробнее см.: Современные межнациональные процессы в ТССР. – Казань, 1991. – С. 7–26.

⁵ Об этом подробнее см.: Исхакова З.А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. – Казань: Магариф, 2002. – С. 13–41.

⁶ Макарова Г.И. Идентичность татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С. 94.

(Попробуйте 5 раз ответить на вопрос «Кто я?») показало актуализированную этническую идентичность у более 40% (41,2%) опрошенных татар-горожан. Еще в большей степени актуализированность этнической идентичности проявилась при поддержке суждения «Я никогда не забываю о своей национальности» (50,5% татар, опрошенных в городах Татарстана).⁷ У русской же части населения Татарстана в этот период ощущение свой этнической принадлежности было ниже, чем у татар: лишь каждый четвертый из числа опрошенных (24,6% среди горожан) выделяла свою этническую идентичность в идентификационной матрице и 27,2% поддерживали суждение «Я никогда не забываю о своей национальности». Причинами относительно индифферентного отношения к своей этнической принадлежности у русских в этот период стали социально-психологический дискомфорт и растерянность, связанные с потерей государствообразующей функции и выравниванием социальных статусов русских и других народов, с длительной нестабильностью в Федеральном Центре, с политикой Татарстана, сконцентрированной вокруг проблем сохранения и развития татарского языка и культуры, с заявлениями радикально настроенных лидеров татарских национальных движений и их поддержкой у части татар⁸. Все эти чувства подкреплялись информацией об ухудшении положения русских в республиках бывшего Советского Союза.

2000-е гг. отмечаются ростом значимости этнической принадлежности как для татар, так и для русских Татарстана. Более существенная актуализация фиксируется у русской части населения республики. Если у татар суждение «Я никогда не забываю о своей национальности» в 1999 г. выбрали 51,9% татар-горожан, в 2002 г. – 61,2%, в 2011 г. – 77,5%, то у русских это распределение следующее: 27,1%, 37,8%, 41,7%, 64,9% соответственно. Если почти два десятка лет назад степень этнической актуализированности у русских была выражена почти вдвое слабее, чем у татар, то в начале второго десятилетия XX века различие менее весомое. Рост этнической идентичности у рус-

⁷ Для выявления степени актуализации этничности респондентам предлагалось выбрать одно из двух суждений: «Я редко задумываюсь, кто я по национальности» и «Я никогда не забываю о своей национальности».

⁸ В ходе исследования 1994 г. 18,3% городских и 47% сельских татар выразили мнение, чтобы татарский язык был единственным государственным языком в Татарстане.

ских в последние годы фиксируется в целом по стране⁹, что связано с новыми тенденциями в политике федерального центра по укреплению вертикали власти и позиций русского языка и культуры, призывами отдельных политиков к усилению этнического национализма как национализма доминирующей нации. Все это в сумме стимулирует у них развитие ощущений собственной этнической группы.

Важными компонентами этнической идентичности для татар являются язык, культура и религия (табл. 1). В 2000-х гг. по сравнению с 1990-х гг. у татар усилился интерес к религии и к традиционным обрядам и праздникам. А по отношению к национальной профессиональной культуре наблюдается спад. Так в 1990-х гг. более половины татар отдавали предпочтение творчеству татарских авторов (за исключением изобразительного искусства). От трети до двух пятых ориентировались на русскую и общероссийскую художественную культуру. В 2000-х же годах доля татар, отдающих предпочтение своей национальной профессиональной культуре, заметно снижается. Теперь уже меньше половины из них, а в области изобразительного искусства – десятая часть, проявляет интерес к работам татарских артистов, писателей, композиторов. В то же время доля высказавших предпочтение русской, а также общероссийской культуре, постепенно повышается, приближаясь к половине¹⁰.

На фоне подъема этнической идентичности у русских и татар Татарстана начинает складываться новая территориальная идентичность, включающая себя российскую и региональную. Еще в первые годы постсоветской России часть русских и татар Татарстана чувствовала себя «жителями СССР». Однако, наши исследования середины 1990-х гг. показывали, что треть татар и русских республики чувствовали себя и гражданами России, и гражданами Татарстана (табл. 2). Новая идентичность «мы – татарстанцы», сконструированная в тот период политической элитой Татарстана, нашла широкую поддержку у населения республики и, прежде всего, у татар. Ее поддерживал также каждый пятый русский. Однако, треть среди русских ощущали себя только гражданами России.

⁹ Дробижева Л.М. Российская идентичность и проблемы... – С.19.

¹⁰ Макарова Г.И. Идентичность татар и русских... – С. 177.

Таблица 1

**Компоненты этнической идентичности татар
Республики Татарстан (%)***

Варианты	1994 г.		2011/2012 гг.	
	город	село	город	село
Язык	74,9	69,8	80,3	86,4
Культура, обычаи, обряды**	65,0	49,8	58,5	62,8
Обычаи, обряды**			71,5	70,4
Родная земля, природа	49,5	40,5	53,4	59,8
Черты характера, психология	20,9	9,3	19,3	22,3
Религия	32,0	43,7	49,7	62,8
Историческое прошлое	21,1	8,3	38,2	31,6
Общая государственность	17,6	10,7	32,2	35,9
Внешний облик	6,4	3,7	8,8	14,6
Другое	1,6	24,7	–	0,3
Ничто не роднит	1,1	–	0,2	–

* Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

** В исследовании 1994 г. респондентам был предложен ответ «культура, обычаи, обряды», а в исследовании 2011/2012 г. он был разбит на два варианта – «культура» и «обычаи и обряды».

Таблица 2

**Динамика соотношения региональной и
национально-гражданской идентичностей, город (%)**

Варианты ответов	1994 г.		1999 г.		2011 г.	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
В равной мере татарстанцем и россиянином	31,8	35,3	27,1	42,8	52,2	49,4
Больше татарстанцем	58,8	19,0	64,6	26,9	34,2	10,6
Больше россиянином	2,7	36,1	3,6	24,7	12,3	37,6
Другой ответ (затруднились ответить, ни тем, ни другим)	6,7	9,6	4,7	5,6	1,4	2,4

Идентичность «мы – татарстанцы» в республике строилась на этнорегиональной консолидации, но декларировала и имела под собой

локально-гражданские основания: «Правительство и татарская элита... выступали больше от имени многонационального народа республики, чем только от татар... В Татарстане пропагандируется идеология татарстанцы-нация – имеется ввиду общность как согражданство»¹¹. Политика, которая была заложена в Татарстане в начале 1990-х гг. – это политика культурного плюрализма, заложенная в законодательных документах, а в социальной и экономической сферах она не содержала в себе принцип исключительности по этнической принадлежности. Ни в одном законодательном акте начала 1990-х гг., касающемся социального и экономического развития Татарстана, не были заложены этнические параметры (этнический протекционизм, лоббирование экономических интересов этнических групп, требование знания татарского языка при приеме на работу и т.д.).

Поиск такой политики в тот период проходил в сложных условиях. Радикально настроенные члены Татарского общественного Центра выдвигали идею построения самостоятельных «национальных» экономических систем на основе «традиционных трудовых навыков». Умеренно настроенная татарская интеллигенция искала «средний» путь, способный устроить как татар, так и русских Татарстана. В качестве такого варианта предлагалось реализовать идею «национального капитала», которая подразумевала активное участие государства в экономической жизни республики. Авторы не вкладывали этнического смысла в данный проект и тем самым обеспечивали равенство разных этнических групп в экономике¹². Интеллектуальной площадкой для обсуждения проблем экономического и этнического возрождения Татарстана стал журнал «Идель». На его страницах предлагались самые разные стратегии развития республики. Ученые-историки связывали экономическое развитие Татарстана с торговыми традициями татарского народа и образовательным потенциалом татарской диаспоры (Р.Амирхан), экономисты и политологи – с возможностями практической реализации договорных отношений с федеральным Центром и созданием политической системы как основы экономики (М.Галеев, Р.Мухаметшин, Р.Курчаков, Р.Хахим), этнологи – с

¹¹ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М., 1996. – С. 79.

¹² Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1997. – С. 113.

формированием интеллектуальных татарских центров (Д.Исхаков)¹³. Баланс интересов разных слоев и групп Татарстана впоследствии нашел свое выражение в формуле стратегии республики: «Экономика – это достойная жизнь там, где родился»¹⁴. Именно эта формула обеспечила плавный переход Татарстана к рыночной экономике, политическую и социальную интеграцию этнических групп, заложила принцип разделения экономической и этнической политик республики. И в итоге стимулировало солидаризацию населения Татарстана на внеэтнической, гражданской основе.

Региональную идентичность «мы – татарстанцы» значительная часть населения в начале 1990-х гг. поддерживала и благодаря политике «мягкого вхождения» в рыночные отношения, проводимой властями Татарстана. Она в некоторой степени защитила население от обвального ухудшения экономического состояния, характерного для России того времени, обеспечив относительное благополучие в сравнении с другими регионами РФ. Сами же приоритеты региональной идентичности закреплялись и более высоким доверием к органам власти Татарстана: 41,2% опрошенных в 1994 г. татар-горожан и 20,8% русских выразили доверие республиканской власти, тогда как федеральной власти – соответственно 11,2 и 4,2%. В проявлялось и признание экономических успехов Татарстана, и осознание того, что власти не допустили радикализации национального движения, этнизации экономики, трудовой сферы, имевшей место в некоторых регионах постсоветского пространства. Однако отметим, что более четверти опрошенных (26,6% татар и 28,7% русских) при этом не доверяла ни той, ни другой власти, а каждый пятый затруднился ответить на вопрос о доверии власти. И это было связано с общей политической нестабильностью того периода.

Как показал последний опрос 2011/2012 гг. выбор только российской идентичности у русских остался на уровне середины 1990-х гг. (у татар незначительно повысился), региональной – и у тех, и у других, снизился, а двоякой (или паритетной) – российской и региональной усилился (табл. 2). Это значит, что для значительной части представи-

¹³ Сможет ли Татарстан стать Японией? Беседы о модели экономического развития Татарстана // Идель. 1995. № 3. – С. 2–3, 52.

¹⁴ Курчаков Р. Дамир Бикбов и школа народного хозяйства. – URL: <http://www.business-gazeta.ru/readblog/26/323/> (дата обращения: 19.08.2012).

телей этнических групп Татарстана остается важным ощущение себя гражданами России, но при сохранении значимости идентификации с родным регионом. Общероссийская идентичность русских и татар Татарстана совмещает в себе и государственную (принадлежность к России, ее символы) и гражданскую (ответственность за судьбу страны), и этническую (язык, культура, обычаи, праздники, историческое прошлое). При этом представления этнических групп республики практически не отличаются (табл. 3).

Таблица 3

**Компоненты идентификации с россиянами
у русских и татар, 2011/2012 гг. (%)***

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Общее государство	87,7	88,4	90,7	87,7
Ответственность за судьбу страны	32,9	39,8	36,9	35,7
Родственные, дружеские связи	44,6	46,1	34,2	43,3
Историческое прошлое	38,8	45,5	47,8	44,0
Родная земля, территория, природа	53,8	59,3	59,5	55,7
Язык	38,2	48,2	27,9	39,0
Культура	35,3	41,1	29,6	32,0
Общие символы (флаг, герб)	40,7	42,3	49,2	40,3
Обычаи, праздники	36,1	38,2	25,2	34,3
Черты характера	2,7	4,9	9,0	8,0
Ничего не объединяет	0,8	–	–	–

* Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Сохраняющаяся региональная идентичность в Татарстане в 2000-х гг., несмотря на отсутствие четких, декларируемых политической элитой, идеологием, наполнилась новым содержанием. Сегодня она играет символическую роль. Половина русских и 60% татар – участников исследования 2011/2012 гг. определили «провозглашение суверенитета республиками РФ» как положительное явление в истории России (табл. 4). При этом «укрепление самостоятельности Татарстана» как необходимое условие для развития своего народа рассматривается лишь пятой частью русских и татар республики (табл. 5). За последние

15 лет уровень поддержки этой позиции упал в два раза¹⁵. Суверенизация воспринимается и татарами, и русскими РТ как значимое явление постсоветской России (более 60%), играющее сегодня для них лишь символическое значение и не имеющее сепаратистской составляющей. При этом почти половина наших респондентов – и татар, и русских – демонстрирует высокий уровень активности и заинтересованности в развитии России, готовности быть полезным стране. Еще столько же являются потенциальными деятелями, чувствующими ответственность за происходящее в России (табл. 6). Однако, солидарность содержит в себе и негативный симптом – она в немалой степени основана на обидах. В 2011/2012 гг. 36% татар-горожан и 44,5% русских, живущих в городах республики, присоединились к мнению «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Сплачивает не только обида за реальные и воображаемые этнокультурные потери, но и за несбывшиеся ожидания реального, позитивного и масштабного политического социально-экономического развития российского общества.

Таблица 4

Уровень абсолютной поддержки преобразований в России у татар и русских Татарстана, 2011/2012 гг. (%)

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Переход к рыночной экономике, введение возможностей для индивидуальной предпринимательской деятельности	44,7	44,1	46,2	38,3
Распад СССР	22,8	22,4	22,3	14,7
Растущее влияние Запада	20,1	23,2	14,0	6,7
Провозглашение суверенитета республиками РФ	66,4	50,8	62,5	46,0
Свобода слова, печати	46,4	49,2	54,5	53,3

¹⁵ В 1997–1998 гг. 40% татар-горожан считали, что укрепление самостоятельности Татарстана является важным условием для развития татарского народа. Ист.: Дробижева Л.М. Социальные проблемы – С. 84.

Таблица 5

Степень поддержки татарами и русскими Татарстана условий для развития своего народа, 2011/2012 гг. (%)

«Что из перечисленного больше всего необходимо людям Вашей национальности?»	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Возрождение и развитие национальной культуры	55,2	42,5	57,8	26,0
Поддержка религии	39,4	26,8	46,2	31,7
Поддержка языка	55,0	33,1	44,9	25,3
Развитие экономики, преодоление социального неравенства	52,8	58,9	54,2	66,3
Наведение порядка, борьба с коррупцией	52,2	62,2	56,5	65,7
Укрепление самостоятельности Татарстана	23,2	16,7	31,6	19,7

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Что значит, на ваш взгляд, быть патриотом России?», 2011 г., город (%)

Варианты	Татары		Русские	
	полностью согласны	скорее согласны	полностью согласны	скорее согласны
Гордиться своей страной	60,7	33,4	61,4	32,7
Говорить о своей стране правду, какой горькой она бы не была	43,3	34,4	43,7	37,4
Не говорить, что у страны есть свои недостатки	16,8	27,3	16,1	22,6
Чувствовать ответственность за происходящее в стране	44,7	38,9	42,7	41,9
Что-нибудь делать, быть полезным стране	43,9	38,3	43,1	41,5

В 2000-х гг. региональная идентичность в Татарстане стала органично дополнять общероссийскую идентичность. Этот органичный режим функционирования объясняется, прежде всего, высокой субъективной значимостью для любого человека его ближайшего окруже-

ния, места рождения, местных традиций – т.е. той системы ценностных образов, которые реализуют базовые потребности личности и на базе которых выстраиваются потребности более высокого порядка (А.Маслоу). В Татарстане в первом десятилетии 2000-х гг. именно эти первичные потребности личности, связанные с историей и культурой республики, легли в основу политики регионального символического менеджмента. Можно выделить три группы символов, используемых в этой политике:

- этнические и религиозные: факты и памятники этнической истории республики (1000-летие г.Казани, 1000-летие г.Елабуги, Булгарское городище и Свияжский монастырь, мечеть Кул-Шариф, икона Казанской Божьей Матери), отдельных муниципальных образований и деревень; элементы традиционной и религиозной культуры – праздники (татарский «Сабантуй», русский «Каравон», кряшенский «Петрау», чувашский «Уяв», Спасская ярмарка и др.), мифы и легенды (святые места, ключи);

- культурные: шедевры классической музыкальной культуры (Международный фестиваль классического балета им. Р.Нуриева, Международный оперный фестиваль им. Ф.Шаляпина, литературно-музыкальный фестиваль «Аксенов-фест»), современное музыкальное искусство (Международный фестиваль живой музыки «Сотворение мира»), творчество выдающихся деятелей культуры и науки – А.С.Пушкина, Г.Тукая, М.Джалиля, С.А.Альтшулера, А.М.Бутлерова, Е.К.Завойского, Н.И.Лобачевского и др.;

- социальные: благотворительность и личности благотворителей (памятник благотворителю в центре г.Казани), спорт и здоровый образ жизни (Универсиада 2013 г., Гран-При ФИДЕ по шахматам, конные скачки на приз Президента РТ, футбольная «Рубин» и хоккейная «Ак-Барс» команды).

Как показывает опыт Татарстана, сочетание качественно разных символов (этнических, религиозных, культурных, социальных) и использование их в единой стратегии развития региона свидетельствует о значительном потенциале «прагматического плюрализма»¹⁶. «Капитал разнообразия» становится особым ресурсом развития региона и

¹⁶ Понятие использовано по: Алексеева Е. Проблемы культурного разнообразия: переосмысление подходов // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 20. – С. 112–113.

России в целом. Рост туризма, предпринимательская инициатива, укрепление идентичностей, стимулирующих к созидательным действиям, повышение имиджа России как государства, обладающего культурой и наукой общемирового уровня – все это дивиденды символического менеджмента, имеющие общегосударственное значение. Кроме того, использование символов повышает социальную и межэтническую устойчивость Татарстана за счет формирования региональной идентичности у представителей разных социальных, этнических групп, конфессий. Первый Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев, выступая на презентации Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры 20 марта 2010 г., отметил, что «наша стратегическая цель состоит в том, чтобы комплексы исторических памятников Булгарского государства (Биляр, Сувар, Чистополь и другие), града Свияжск стали общим достоянием. Болгар как первая столица Золотой Орды, история реки Свияги, архитектурные сооружения Свияжска стали отражением истории и символами **нашего края** (выделено – Г.Г., Р.М.)»¹⁷.

Материалы исследования 2011/2012 гг. позволяют представить современную матрицу идентичностей татар республики. «Мы-идентификация» у татар включают в себя систему сложных социальных ролей, значимость которых не всегда одинакова (табл. 7).

Для большинства татар Татарстана макротерриториальные общности (идентификация со страной и республикой), являются менее важными, чем макробщности, отражающие духовную близость людей во всем ее многообразии (идентификация с социально-экономическими, профессиональными, религиозными и другими группами). При этом национально-этнический фактор оказывается в системе «мы-идентификаций» гораздо важнее, чем гражданский. И, как показывают исследования Института социологии РАН эта ситуация была характерна для России в целом до середины 2010-х гг. В последующие годы российская идентичность стала немного преобладать над этнической на фоне сохранения значимости последней. Это позволяет исследователям сделать вывод об отсутствии конкуренции между общероссийской и этнической идентичностями¹⁸. В чем причина оставания гражданской составляющей мы-идентификаций у татар Татарстана?

¹⁷ URL: <http://www.antat.ru/index.shtml?1714> (дата обращения: 1.06.2010).

¹⁸ Дробужева Л.М. Российская идентичность... – С. 204.

Таблица 7

С кем и в какой степени татары Татарстана испытывают чувство общности, 2011 г. (%)

С кем Вы ощущаете чувство общности	В значительной степени		В некоторой степени		Не ощущаю	
	город	село	город	село	город	село
С людьми, строго соблюдающими закон	66,0	55,1	28,9	25,9	5,1	18,9
С гражданами России	66,0	44,2	30,8	42,2	3,2	13,6
С людьми того же достатка	71,3	50,2	26,1	35,9	2,6	14,0
С людьми своей национальности	78,9	79,4	19,6	19,3	1,6	1,3
С жителями своего города	69,0	75,1	27,7	22,9	3,4	2,9
С жителями Татарстана	62,6	59,8	34,2	37,9	3,2	2,3
С людьми моей веры	69,2	61,8	26,1	30,9	4,7	2,3
С людьми моей профессии	65,8	61,5	26,1	32,2	8,1	6,3
С людьми моих взглядов	70,4	71,4	22,1	25,9	7,5	2,7

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Что сейчас особенно важно для России?», 2011 г., город (%) (ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»)

Варианты	Татары	Русские
Преодоление общественного неравенства, достижение социальной справедливости	88,3	89,7
Наведение порядка в стране, жесткая борьба с коррупцией	89,9	91,1
Защита национального достоинства, равноправие людей разных национальностей и вероисповеданий	89,1	86,6

Как показывают материалы этносоциологических исследований, в целом позитивное отношение этнических групп к ценностям демократии сочетается со скепсисом ее инструментальных возможностей. Российская демократия реализовалась на уровне нормативной модели, но не переросла в реальную демократию участия. Когда этнические группы говорят о равенстве, то они имеют в виду не только деклари-

руемое равенство в правах (оно закреплено Конституцией РФ), сколько реальные практики выражения равенства прав народов. Почти 90% татар и русских, живущих в городах Татарстана, отметили важность в современной России защиты прав народов, а также необходимость обеспечения равенства в правах представителей разных национальностей и вероисповеданий (табл. 8).

Основания для такой обеспокоенности имеются. 2000-е гг. – это период когда федеральный центр инициировал ряд стратегий в этнокультурной сфере. В частности по отношению к Татарстану, это выдвинутые требования приведения законодательства РТ в соответствие с федеральным. Это и субъективизация этничности в период переписных кампаний 2002 г. и 2010 г. Наконец, решение об утверждении единых государственных образовательных стандартов и отмена национального компонента в образовании. Последнее привело к потере эффективных условий для развития национального образования в 2000-х гг. Негативные последствия для развития национального образования имело и введение тестовой системы итоговой оценки успеваемости учащихся (ЕГЭ, ГИА), которая проводится на русском языке. Попытки возрождения системы высшей школы на татарском языке в РТ и за ее пределами также не увенчались успехом, хотя на этом пути сделано было немало. Серьезные проблемы возникают с обеспечением региональными учебниками и учебной литературой на татарском языке в связи с изменением порядка экспертизы и грифования учебников, лишившей региональные органы управления образованием соответствующей компетенции. В настоящее время Республика Татарстан лишена возможности влиять на ситуацию с развитием татарских школ в регионах РФ с компактным проживанием татар, на обеспечение их необходимыми учебниками. В то же время ими не занимаются ни местные власти субъектов Федерации, ни федеральные власти.

Татарстанская политическая и национальная татарская элита, принимая «новые условия игры» и признавая важность процессов интеграции, стремится в 2000-х гг. придерживаться основных, сложившихся в предыдущий период, направлений этнокультурной стратегии РТ¹⁹. Приветствуя участников Всероссийского схода предпринимателей татарских сел 24 марта 2012 г., Президент РТ Р.Н. Минниханов отметил: «Нас всех интересуют вопросы поддержки и сохранения культуры та-

¹⁹ Макарова Г.И. Идентичность татар и русских... – С. 232.

тарского народа, его консолидации, сохранения традиций и обычаев татар»²⁰. Идеология поддержки культуры и идентичности татар в 2000-х гг. реализуется через ряд практических действий. Это принятие Государственным советом РТ 15 сентября 1999 г. Закона о переходе татарского языка на латинскую графику, отклоненного Государственной Думой РФ (16 ноября 2004 г.). Это и разработка и принятие Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, утвержденная Указом Президента РТ 3 июля 2008 г. Это и разработка и принятие 8 декабря 2012 г. на V Всемирном съезде татар «Концепции сохранения этнической идентичности татарского народа». Это и критика реализуемой в современной России концепции исторического образования, которая, по мнению специалистов, «основывается на господстве государственной идентичности (в упрощенном западном понимании термина «национальный») над этническими идентичностями, с их последующим поглощением (вплоть до подавления локальных идентичностей)»²¹. Альтернативой ситуации стала подготовка и издание в Татарстане в конце первого десятилетия 2000-х гг. нескольких учебников и учебных пособий по истории и религиоведению, основанных на новой концепции гуманитарного образования.

Однако, пожалуй, самым значимым направлением сохранения политического курса 1990-х гг. является твердая позиция руководства Татарстана по отношению к государственному статусу татарского языка и его преподаванию в школах республики. В некоторых регионах России в конце первого десятилетия 2000х гг. стал происходить постепенный отказ от государственного статуса национальных языков и их ликвидация в системе образования. В Татарстане же, напротив, наблюдается укрепление статуса татарского языка²² и сохранение его преподавания в школах республики в равных с русским языком объемах, поддержка развития татарской национальной школы. Все это в первом десятилетии

²⁰ Портал Правительства Республики Татарстан. – URL: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/128264.htm> (дата обращения: 3.04.2012).

²¹ Гибатдинов М.М. Роль исторического образования в формировании личности в условиях гетерогенного российского социума. – URL: <http://www.tataroved.ru/institut/center/publ/14/> (дата обращения: 25.03.2012).

²² В число мероприятий можно отнести разрабатываемую Программу РТ по сохранению, изучению и развитию государственных языков РТ и других языков в РТ на 2014–2023 гг.; республиканскую Программу создания специального портала «Татар иле» и др.

2000-х гг. происходило в условиях неустойчивости правового статуса национальной школы в образовательной сфере РФ²³.

Стремление Татарстана к сохранению позиций татарского языка вполне оправдано. Благодаря введению в начале 1990-х гг. татарского языка в качестве обязательного школьного предмета наравне с русским удалось приостановить процесс языковой ассимиляции у татар. Так, по данным наших исследований, если в 1999 г. 88,7% опрошенных татар-горожан отметили знание татарского языка как хорошее (в т.ч. 68% – свободное владение), в 2011 г. – их доля составляла 94,6% (72,9% отметили свободное владение). Кроме того, за годы этноязыковых реформ выросло и поколение русской молодежи, которая в той или иной степени владеет татарским языком (табл. 9).

Таблица 9

**Степень владения татарским языком
русскими Татарстана, 2011 г., город (%)**

Варианты ответов	18–24 года	25–34 года	35–49 лет	50–59 лет	60 и старше
Совершенно свободно	6,4	4,8	3,2	0	3,4
Хорошо, но не свободно	16,7	10,5	2,4	8,2	4,6
Плохо	37,2	30,5	28,2	22,4	23,0
Совсем не говорите	39,7	53,3	66,1	66,3	67,8
Не знаю	0	1,0	0	3,1	1,1

Проблема преподавания татарского и русского языков в школах республики в последние годы стала активно обсуждаться русской общественностью Татарстана. Ее лидерами проводятся специальные мероприятия – обращения в суд, протестные митинги, публичные выступления, целью которых является изменение существующей системы преподавания татарского языка²⁴. Одновременно ими же поднимаются вопросы представительства русских в органах власти республики.

²³ Мухарьямова Л.М., Андреева А.Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 81, 89, 99.

²⁴ О мероприятиях см.: Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения //Неприкосновенный запас. – 2011. – №6(80). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/ho19.html> (дата обращения: 25.03.2012).

Осознание этой проблемы фиксируется в целом у русской части населения РТ: в 2011 г. 53,7% городских русских Татарстана согласились в том, что они имеют меньше возможностей занять пост во властных структурах РТ. Налицо наличие потребностей на представительство интересов русских республики в ее высших эшелонах власти.

Начало второго десятилетия 2000-х гг. отмечено изменениями в федеральном законодательстве в языковой сфере. 29 декабря 2012 г. В.В. Путиным был подписан Федеральный Закон «Об образовании», согласно которому закрепляется право преподавания национальных языков в системе образования (ст.14)²⁵. В этих изменившихся, благоприятных для Татарстана и татарского языка правовых условиях важно сохранить баланс интересов, прежде всего, для русского населения. Последние же, как показывают наши материалы, в целом поддерживают преподавание татарского языка в школах республики: более половины опрошенных русских горожан хотели бы, чтобы их дети знали татарский язык и более 50% считают, что татарский язык должен быть обязательным школьным предметом. Но при этом значительная часть считает, что на него должно отводиться меньшее количество учебных часов. Заметим, что сторонников преподавания этого предмета в качестве факультатива несколько меньше, а доля отрицающих необходимость его преподавания – ничтожно мала (табл.10). Фиксируемая потребность в модернизации школьного образования требует поиск новых, оптимальных, удовлетворяющих как татар, так и русских моделей преподавания татарского языка.

Актуализация этнической идентичности, выявленная в ходе этносоциологических обследований русских и татар Татарстана, ставит вопрос о ее конструктивном/деструктивном характере. Многолетние исследования в Татарстане выявили то, что процессы усиления этнического самосознания не указывают на рост этнической эксклюзивности. Идея этнической исключительности не находит поддержку ни у татар, ни у русских Татарстана: позицию «В республиках РФ титульные народы должны обладать большими правами, чем русские и другие народы» или «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» выбирают не

²⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 11.01.2013).

более 8% респондентов, опрошенных в 2011/2012 гг. В России же в целом, как показывают данные проведенных исследований, доля сторонников позиции «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» составляет около трети участников опросов²⁶.

Таблица 10

Распределение ответов русских Татарстана о поддержке обязательного преподавания татарского языка в русскоязычных школах 2011 г., город (%)

Варианты ответов	18–24 года	25–34 года	35–49 лет	50–59 лет	60 и старше
Да, он должен быть обязательным предметом для всех	24,4	29,5	21,0	29,6	25,3
Да, он должен быть обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас	20,5	26,7	34,7	17,3	16,1
Нет, он должен идти в качестве факультатива для желающих	41,0	35,2	27,4	39,8	41,4
Нет, он должен быть обязательным только для татар	9,0	2,9	11,3	5,1	10,3
Его вообще не должно быть в школе	2,6	1,0	5,6	1,0	1,1

Источниками формирования толерантного направления этнического самосознания на базе актуализированной этнической идентичности являются контактные зоны. Они могут выражаться как в воображаемых представлениях, так и в реальных взаимодействиях. Эмпирические материалы показывают, что в Татарстане представления о близости контактирующих этнических групп и конфессий в течение почти двадцати лет стали получать большую поддержку. Так, в 1994 г. почти 3/4 русских и татар степень близости по отношению друг к другу определили как близкую и очень близкую. При этом не более трети считали близкими приверженцев соседствующих конфессий, а значительная часть (каждый четвертый из опрошенных татар и каждый седьмой – из русских) ушла от ответа. Исследование, проведенное в

²⁶ Дробижева Л.М. Российская идентичность ... – С.17.

2011/2012 гг., показывает увеличение числа респондентов, заявивших о межэтнической (до 90%) и межконфессиональной (более 60%) близости (табл. 11).

Таблица 11

Оценка респондентами социально-культурной дистанции (степени близости) по отношению к народам и конфессиям, город (%)

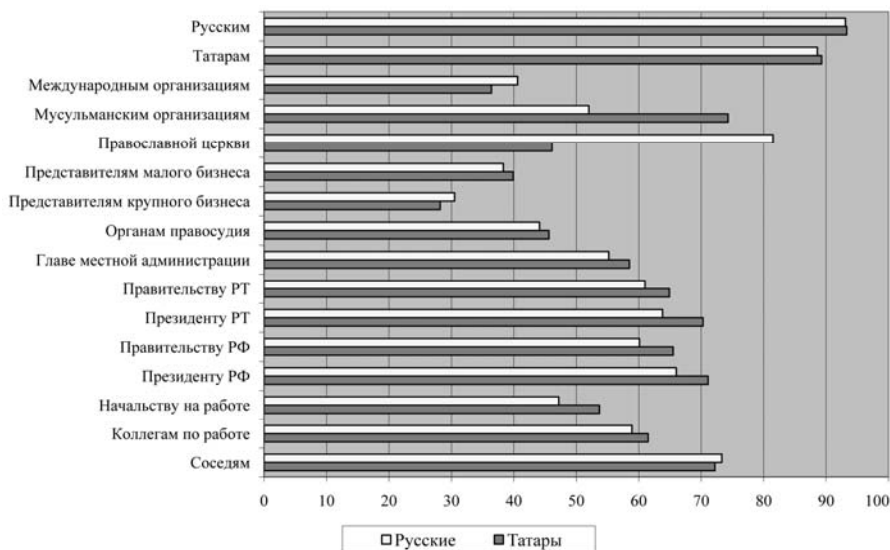
	Очень близко	Близко	Далеко	Очень далеко	Затруднились ответить
1994 г.					
Татары					
С русскими	17,4	59,6	7,5	4,8	10,7
С православными	4,0	26,2	23,5	23,0	23,3
Русские					
С татарами	9,6	63,7	15,7	4,4	8,3
С мусульманами	6,9	32,0	32,2	14,8	14,1
2011 г.					
Татары					
С русскими	29,2	60,8	7,2	0,8	2,0
С православными	21,4	47,8	20,5	2,1	8,9
Русские					
С татарами	32,7	56,5	6,7	1,0	3,1
С мусульманами	20,9	40,5	25,2	5,7	7,7

В Республике Татарстан высокими являются и показатели межгруппового (межэтнического) доверия. Свыше 91,7% татар, опрошенных в городах РТ в 2011 г., доверяют русским и 93,2% русских доверяют татарам (объединение ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю») (см. диаграмму).

Результаты исследования не выявили статистически значимых различий по уровню доверия татар к мусульманам, а русских к православным (81,4% татар доверяют православным и 88,6% русских доверяют мусульманам). Такая ситуация наблюдается и в других национальных регионах и свидетельствует о том, что этнические категории, не подавляя другие социальные идентичности, расширяют и укрепляют социальные связи, доверительные отношения. В современных социологических концепциях отмечается, что «...чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем надежнее связи между людьми».

ми, тем устойчивее, сплоченнее и эффективнее общество, прочнее его демократический устой»²⁷. Залогом дальнейшего успешного развития России становится широкий радиус глубоких и прочных доверительных отношений – институциональных межгрупповых (межэтнических), межличностных. Поэтому позитивная этничность становится практической платформой для формирования дальнейшего общественного развития и переустройства РФ, т.к. она углубляет поддержку гражданами ценностей и норм, позволяет им взаимодействовать на понятной, равной и взаимовыгодной основе.

**Уровень доверия (доверяют полностью или скорее доверяют)
русских и татар, город, 2011 г., %**

Масштабными являются и реальные межэтнические контакты татар и русских Татарстана. Даже в период активизации национальных движений в республике начала 1990-х гг. 88,1% русских и 79,7% татар

²⁷ Козырева П.М. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 165.

в городах, а также 96,9% русских и 93,7% татар в селах готовы были иметь дело с представителем любого народа, несмотря на расовые и национальные различия (табл. 12). В последние годы готовность татарстанцев принять человека другой национальности в качестве жителя республики, коллеги по работе, начальника, соседа по дому, близкого друга выросла до 99–92% (табл. 13).

Таблица 12

**Ориентации на межэтническое взаимодействие
в Республике Татарстан, 1994 г. (%)**

Готовность принять человека другой национальности в качестве:	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Гражданина республики	77,0	83,7	74,9	67,7
Ближайшего партнера, в совместном деле	61,0	74,1	53,0	69,2
Непосредственного начальника	46,0	59,0	50,7	63,1
Соседа по дому	68,7	80,2	61,9	87,7
Друга	56,4	71,1	40,9	70,8
Супруга (супруги) своих детей	31,8	54,3	15,4	44,6
Своего супруга (супруги)	25,7	47,7	13,9	44,6

Таблица 13

**Ориентации на межэтническое взаимодействие
в Республике Татарстан, 2011/2012 гг. (%)**

Готовность принять человека другой национальности в качестве:	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Гражданина России	93,4	94,4	99,0	99,3
Жителя Татарстана	95,6	95,9	98,7	98,6
Коллеги, партнера по работе	94,3	92,9	96,4	97,5
Непосредственного начальника	92,4	92,6	92,6	95,7
Соседа по дому	97,6	97,6	87,3	96,3
Близкого друга	96,6	95,4	95,4	92,6
Супруга (супруги) своих детей	69,3	85,9	42,6	73,9
Своего супруга(супруги)	63,0	76,4	33,8	61,9

Представленная в таблицах шкала Э.Богардуса, позволяющая определить характер межэтнического взаимодействия, показывает, что эта готовность в разных контактных сферах неодинакова: в большей степени она проявилась в сфере гражданского, делового, дружеского, сосед-

ского общения и в значительно меньшей – семейно-брачного. Эта сфера человеческих отношений наиболее интимная и сокровенная, и здесь в большой степени, особенно у татар, сказывается традиция этнической эндогамии. Однако, как показывают наши исследования, в 2000-х гг. наблюдается постепенное смягчение этноцентристских тенденций предыдущего десятилетия, проявлявшиеся среди оскутумой доли татар в их отношении к межэтническим бракам. Естественно, что горожане, межнациональные контакты которых обусловлены их образом жизни, чаще допускают возможность межнациональных браков. В селах, тем более в татарских, число ориентированных на такие контакты значительно меньше: татары – сельчане более чем в полтора раза реже городских татар выражают готовность принять представителя другой национальности в качестве супруга своих детей (42,6% и 69,3%), доля сельских татар со сходной ориентацией в 1,7 раз меньше, чем русских сельчан (42,6% и 73,9%). Наиболее открыты для семейно-брачных отношений русские горожане (85,9%). Большая ориентация татар на этническую эндогамию связана и с осознаваемой опасностью утери этнонациональной культуры и ассимиляции в случае гетерогенных браков последующих поколений. Почти 2/3 опрошенных татар в республике согласились с суждением (в т.ч. 33,3% полностью согласны, 30,7% скорее согласны), что межнациональные браки ведут к исчезновению нации (данные исследования 2011/2012 гг.).

Социокультурная и психологическая близость, прожективные и реальные практики межэтнических взаимодействий в Татарстане складывались в процессе многовековой совместной жизни татар и русских, благодаря многим заимствованиям и одинаковым традициям, элементам культуры, сложившимся в результате сходных хозяйственно-культурных и географических условий проживания. Длительное соседство на одной территории, давние экономические, культурные связи, тесное взаимодействие в быту, в трудовой деятельности не могло не наложить отпечаток на характер межэтнических установок и контактов. Сложившаяся общность ценностей различных этнических групп, особенно в городах, также является фактором их сближения и консолидации. Материалы исследований 1990–2000-х гг., с учетом допустимой статистической погрешности в 4–5%, свидетельствуют о практическом совпадении, особенно в городах, жизненных приоритетов этнических групп Татарстана (табл. 14).

Таблица 14

Жизненные ценности татар и русских РТ, город (%)

Варианты	1994 г.		1999 г.		2011 г.	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пользоваться уважением людей	41,2	42,3	61,4	66,6	52,4	50,8
Иметь интересную работу	50,4	50,4	52,8	52,1	56,5	61,6
Иметь хорошую семью	76,8	74,0	83,2	87,6	80,9	75,4
Иметь власть, положение в обществе/иметь право на свободный выбор своих политических взглядов*	7,8	7,8	9,1	5,0	25,9	25,0
Жить обеспеченно, в достатке	63,6	67,3	70,2	73,1	68,8	70,1

* В исследованиях 1994 и 1999 гг. был использован ответ «иметь власть, положение в обществе». В исследовании 2011/2012 гг. – «иметь право на свободный выбор своих политических взглядов».

В начале 1990-х гг. одной из популярных западных теорий стала концепция С.Хантингтона о столкновении цивилизаций²⁸, согласно которой наиболее значимые конфликты в мире будут определяться культурно-цивилизационными различиями, связанными с религиями.

Мировые события последних двух десятилетий, казалось, могут служить основанием для правомерности такой позиции. Однако результаты массовых опросов, проведенных в Татарстане, опровергают обязательность проявления такого рода связей.

В течение последних 20 лет у татар и русских Татарстана наблюдается положительная, динамично развивающаяся тенденция роста уровня религиозности. Так, в 1990 г. к верующим отнесли себя 34% татар и 28% русских, опрошенных в городах республики. В 1994 г. соответственно 66% и 56% горожан, среди которых были выделены

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис, 1994, №1.

верующие, соблюдающие обычаи, обряды (практикующие верующие) – 32% и 23% и не соблюдающие их (номинально верующие) – 34% и 33%. В селах доля лиц, идентифицирующих себя как верующие составила тогда 86% среди татар и 75,4% среди русских, из них 64,5% и 55,4% отнесли себя к практикующим верующим. В 1997 г. верующими назвали себя 81% татар и 72% русских РТ, часть которых (соответственно 41% и 43%) считали себя скорее верующими, чем неверующими. В 2011/2012 гг. в городах к верующим отнесли себя около 84% респондентов (как татар, так и русских), половину из которых составили верующие, старающиеся соблюдать религиозные обычаи и обряды, в селах – более 90% (91,4% татар и 91,% русских), в т.ч. 59,8% и 48,5% соответственно – практикующие верующие.

Усиление религиозного сознания особенно заметно среди молодежи: именно в молодежных группах в возрасте до 35 лет наименьшая доля неверующих, при этом у татар выделяются молодые верующие, старающиеся соблюдать обряды, у русских – верующие, не соблюдающие обряды (табл.15).

Таблица 15

Распределение ответов татар и русских на вопрос «Верующий ли Вы человек?» в разных возрастных группах, 2011 г., город (%)

Ответы Возраст	Практикующие верующие		Номинально верующие		Коллеблющиеся		Неверующие	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Всего	42,0	40,3	42,4	43,4	7,1	7,6	8,4	8,6
18 – 24	40,5	30,8	46,4	51,3	6,0	9,0	6,0	6,4
25 – 34	37,6	33,3	46,5	52,4	9,9	9,5	5,0	3,8
35 – 44	34,5	34,1	51,2	40,2	7,1	9,8	7,1	15,9
45 – 54	39,8	45,2	39,8	46,2	9,7	4,8	9,7	3,8
55 – 64	37,3	51,5	47,8	24,2	3,0	7,6	10,4	13,6
65 и старше	66,7	49,1	17,5	33,3	1,8	3,5	14,0	12,3

Тенденции роста религиозности проявляются и в осуществлении религиозной практики, особенно в городах. Так, по данным исследования 1990 г. даже среди верующих горожан лишь 7,9% татар и 31% русских посещали мечеть или церковь, соответственно 15,4% и 10,1% респондентов молились дома, но основная масса опрошенных (76,4% и 68,7%) не соблюдали этих религиозных предписаний. Их отношение

к религии определялось внутренним самоощущением («внутренне считаю себя мусульманином или православным»).

Материалы исследования 2011/2012 гг. показывают положительную динамику проявления религиозного поведения. Каждый пятый из городских татар (19,3%) и каждый шестой из русских горожан (16,7%) ежедневно молились, а около половины опрошенных (46,1% и 49,1%) иногда совершали моление. Никогда не посещали храмы 43,2% респондентов-татар и 27,7% русских, тогда как 56,6% и 70,7% на вопрос о посещении мечети или церкви ответили утвердительно. Но лишь 2,5% и 4,1% соответственно ответили, что бывают там не менее одного раза в неделю и немногим более – 3,1% и 7,1% – 1–2 раза в месяц. Сравнительно низкая активность татар в посещении мечетей объясняется тем, что в исламе нет предписания обязательного посещения мечетей, лишь отмечается богоугодность коллективного моления. Относительно низкий уровень регулярного посещения религиозных храмов для участия в службах или получения совета священнослужителей респонденты связывают с недостаточным образовательным и профессиональным уровнем, а подчас и с проявлениями личностных качеств служителей религии.

Опыт Татарстана в регулировании межконфессиональных отношений, а также особенности ислама у татар, продемонстрировали несостоятельность теоретической позиции С.Хантингтона. Даже в условиях актуализации религиозного самосознания возможна межконфессиональная толерантность и позитивное сосуществование разных религий, особенно в регионах с опытом длительного межэтнического взаимодействия. Это подтверждает исследование Д.Фурмана и К.Каарийнена, проведенное ими в 1999 г. в регионах России, включая Татарстан. По данным исследователей положительное отношение к исламу было выявлено у 92% русских, проживающих в Республике Татарстан, а отрицательное – лишь у 3%, тогда как в общероссийской выборке соответственно у 57% – в первом случае и 21% – во втором²⁹.

Такие же показатели были получены нами в ходе исследования 2011/2012 гг.: более 95% русских горожан и сельчан определили свое отношение к исламу как положительное (57,9% и 38,5%) или скорее положительное (37,9% и 56,8%). По отношению к православию анало-

²⁹ Фурман Д., Каарийнен К. Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании в постсоветской России. – М.-СПб., 2000. – С. 214.

гичные оценки были выявлены у 96% опрошенных татар-горожан (в т.ч. 63,0% отметили положительное отношение и 33% – скорее положительное) и у 90% сельских татар (соответственно 38,9% и 51,2%). Лишь 4,2% русских и 3,7% татар, проживающих в городах, а также соответственно 4,7% и 10% сельчан признались в негативном отношении к религии этнического соседа.

Высокий уровень толерантности характерен и для самих верующих. Так, в 1994 г. среди русских Татарстана верующие несколько чаще выражали желание, чтобы их дети знали татарский язык (73% против 64% среди неверующих). При определении культурно-психологической дистанции тогда была выявлена более высокая степень близости у верующих татар по отношению к православным, равно как у верующих русских по отношению к мусульманам. Материалы исследования 2011/2012 гг. подтвердили большую толерантность верующих в сравнении с другими мировоззренческими группами.

Для татар и русских Татарстана характерен более высокий уровень религиозного сознания, чем в среднем по России. Это объясняется длительными и тесными этноконфессиональными контактами, усиливающими значимость оппозиции «мы – они». Но вместе с тем соседствующий этнос и его конфессия воспринимаются как достаточно близкие: *хотя другой, но не чужой, а свой*. Большое значение на формирование благоприятных межконфессиональных отношений в Татарстане оказывают традиции ислама у татар – открытого, мягкого, обозначаемого некоторыми исследователями термином «евроислам», а также конфессиональная политика Татарстана, ориентированная на паритетную поддержку традиционных религий. В последние годы проблемы в религиозной сфере в республике концентрируются внутри самих конфессий.

Особое внимание в исследованиях межэтнических отношений уделяется молодежи, которая, как правило, демонстрирует более максималистские взгляды и критическое восприятие действительности, но в силу отсутствия жизненного опыта чаще подвергается деструктивному воздействию и вовлекается в различные радикальные сообщества. Исследование 2011/2012 гг. показало, что у молодого поколения республики превалирует мнение о добрососедских отношениях в регионе. Так, среди городской молодежи более 70% русских в возрасте до 35 лет (70,5% в группе 18–24, 74,4% – 25–35 – годы) и более 80% татар (78,6% и 86,1% соответственно) оценивают отношения в

республике как благоприятные или спокойные. Среди сельской молодежи доля сторонников такой оценки еще выше. Отметим при этом, что оценка межнациональных отношений в конкретных городах и селах – местах проживания респондентов, также как и в их трудовых или учебных коллективах на 10–12% выше. Около 90% русских до 35 лет оценивают культурно-психологическую дистанцию с татарами как достаточно близкую (в т.ч. 30% как очень близкую); до 60% представителей этой группы воспринимают достаточно близко мусульман (в т.ч. 24% – очень близко). Со стороны татарской молодежи выявлено также до 90% считающих русских достаточно близкими и до 66% относящихся таким же образом к православным.

Характерным показателем является и отношение молодого поколения к религии контактируемого этноса. Материалы исследований 2011/2012 г. показали, что 85–90% русской молодежи в городах и селах республики отметили положительное (в т.ч. скорее положительное) отношение к исламу, 5–3% – отрицательное, 10–8% затруднились ответить. Среди татар, как в селе, так и в городе, положительное отношение к православию выявлено у 90–92%, отрицательное – 2,5%–6%, затруднились ответить 3–5% опрошенных. Отметим, что в молодежном исследовании 1999/2000 гг. при такой же доле негативных оценок религии соседствующего этноса доля положительных была значительно меньше – 69,9% татар, положительно оценивших православие и 62,5% русских, так же оценивших ислам (около трети опрошенных тогда затруднилось ответить на вопрос)³⁰.

Одновременно, с характерным для большинства молодого поколения Татарстана высоким уровнем межэтнической и межконфессиональной толерантности, материалы этносоциологических опросов фиксируют и часть молодежи республики с негативным восприятием межэтнических отношений. Так, по данным 2011/2012 гг. около 20% русской и 12% татарской молодежи в городах, а также соответственно около 10% и 16% – в селах республики при оценке межнациональных отношений в РТ выбрали позицию: «Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует». Еще 1–3% признали эти отношения напряженными. Столь критическая оценка состояния межнациональных отношений связана с ростом этнического самосознания (около 60% оп-

³⁰ Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань: РИЦ «Школа», 2000. – С. 54–55.

рошенной русской и свыше 80% татарской молодежи поддерживают суждение «Я никогда не забываю о своей национальности»), на фоне которого многие социальные проблемы принимают этническую окраску. Особенно болезненно воспринимаются проблемы, связанные с этнокультурными проблемами, проблемами социального статуса, статуса этнических языков и культур. В общественном сознании превалирует мнение о необходимости равноправия всех российских народов. Суждение «Россия – общий дом для многих народов. Все народы России должны обладать равными правами» полностью поддержали 3/4 русской и около 70% татарской опрошенной молодежи. При этом 10,3% в возрасте 18–25 лет и 17,1% в возрасте 26–35 лет среди опрошенной русской городской молодежи и соответственно 2,4% и 2,7% – сельской полностью согласны с суждением «Любые средства хороши для защиты интересов своего народа». Среди татарской молодежи это суждение нашло поддержку полностью у 22,6% и 14,9% рассматриваемых возрастных групп в городах и у 4,8% и 13,3% – в селах. Но, очевидно, что имелись в виду мирные, ненасильственные способы решения проблем, т.к. более 60% как русской, так и татарской молодежи категорически считают недопустимым использование насилия в межнациональных и межрелигиозных спорах и около 10% опрошенных однозначно являются сторонниками суждения «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры».

Этносоциологические исследования дают возможность проследить динамику изменений межэтнических отношений за последние 20 лет. В середине 1990-х гг. 15,1% русских в городах оценивало межэтнические отношения в республике как напряженные. У татар такую оценку давали 7,6% татар-горожан (в селах соответственно 1,6% и 5,2%). Двукратная разница в пессимистичных оценках межэтнических отношений в первой половине 1990-х гг. между русскими и другими народами наблюдалась и в других регионах России³¹. В конце 1990-х гг. (по данным исследования 1999 г.) почти каждый пятый из опрошенных в городах республики татар (21,5%) и каждый третий из русских (33,4%) оценили межнациональные отношения как внешне спокойные, отметив при этом, наличие внутреннего напряжения и еще соответственно 3% и 5% назвали их напряженными.

³¹ Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. – М.: Альфа, 2011. – С.59.

На современном этапе межэтнические отношения в Татарстане можно охарактеризовать как благоприятные. Именно так их оценивает основная часть участников опроса 2011/2012 гг. – 73% русских и 80,5% татар среди горожан и 88,9% русских и 83,9% татар среди сельчан (табл. 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Вашей республике?», 2011/2012 гг., (%)

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Благоприятные	20,5	19,1	26,4	19,4
Спокойные	68,6	62,0	60,2	70,3
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	9,9	17,0	12,4	10,0
Напряженные	0,8	1,5	1,0	0,3
На грани открытых столкновений	0,2	0,4	–	–

В течение 20 лет постсоветской истории у этнических групп Татарстана произошло формирование массовой, уверенной и достаточно сильной этнической идентичности. И у татар, и у русских этническая идентичность сопряжена с высоким уровнем межэтнической и межконфессиональной толерантности и воспринимается самими татарами как элемент национально-гражданской идентичности, цементирующей российскую политическую нацию. Национально-гражданская идентичность татар содержит в себе высокий уровень заинтересованности в развитии России и активистские установки. Этнокультурное и социально-экономическое развитие Татарстана в 1990–2000-х гг. и в целом позитивное восприятие модельного опыта республики со стороны русской части региона показывает возможности эффективного включения этнической идентичности в процессы государственностроительства. Здесь важным становится подкрепление этнических чувств реальными политическими и этнокультурными правами. Только в этом случае этническая идентичность способна обеспечить межэтническое согласие и стать эффективным ресурсом развития страны.

Л.М. Мухарямова, А.Р. Андреева

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Образовательная и языковая политика в России: бег по кругу?

Языковое многообразие всегда представляло собой непреложное свойство российской социолингвистической ситуации. В советскую эпоху многоязычный характер общества с той или иной последовательностью целенаправленно культивировался. «Россия, – подчеркивал бывший заместитель министра по делам национальностей Ким Цаголов, – единственная в истории человечества империя, в лоне которой не погиб ни один народ»¹. Правда, в этой области не все обстояло в духе единой или универсальной стратегии. По отношению к некоторым из языковых меньшинств, подчеркивает В.Алпатов, проводилась наиболее жесткая политика, никогда не допускалась письменность на мегрельском или сванском языках в Грузии, на ягнобском языке и большинстве памирских языков в Таджикистане². Но в целом в течение всей советской истории, как об этом пишет В. Тишков, проводилась политика поощрения и развития «национальных культур», спонсирования этнокультурного многообразия. Было создано 70 письменных языков для малочисленных народов – больше половины письменных языков для малых групп, разработанных во всем остальном мире³. В ходе первого этапа языкового строительства в 1920 – 1930-е гг. была создана письменность для 50 ранее бесписьменных языков. Сегодня, когда Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» закреплена соответствующая норма («Каждый народ Российской Федерации, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия» – п. 4, ст. 10.), социолингвисты говорят о втором этапе языкового строительства. В 90-е гг. прошлого

¹ Известия. – 2000. – 17 мая. – С. 3.

² См.: Алпатов В. Русский язык на советском Востоке // Независимая газета. – 20 апреля 1993 – С. 8.

³ См.: Тишков В. Кто сказал, что национальность может быть только одна? // Независимая газета. – 10 сентября 2003. – С. 16.

века продолжились создание и доработка письменности для алеутского, нганасанского, негидальского, орочского, крымчакского, удинского, цыганского, шорского, энецкого, цезского, саамского, вепского, карельского и других языков⁴.

Разумеется, существуют очевидные различия между периодами проведения языковой политики – послереволюционные 1920–1930-е гг., послевоенные годы, позднесоветский период, новейший период постсоветского развития.

Ранний период советской истории, по мнению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, дал пример беспрецедентного национально-языкового расцвета. «И более чем вероятно, – заключают эти авторы, – что именно реальная практика выстраивания межнациональных отношений в СССР до середины 1930-х гг., позднее постепенно свернутая до демагогических лозунгов, но продолжавшаяся оставаться законодательно закрепленной на знамени строителей коммунизма, как раз и была одной из причин того, что в современном наборе общечеловеческих ценностей сохранение этнического и языкового многообразия человечества имеет столь большое значение»⁵. Характеризуя значение этого этапа в формировании национальной школы, известный исследователь М.Н. Кузьмин пишет, что созданная тогда доктринальная парадигма, заложившая основы этнонациональной организации советской школьной системы, «в последующем неоднократно весьма существенно модифицировалась, но как особый тип учебных заведений сохранилась практически до сегодняшнего дня»⁶.

Подробный анализ периодов развития национальной школы в России не является целью настоящей работы, тем более, что они получили освещение в целом ряде аналитических работ. Отметим лишь различия в позициях авторов, идентифицирующих себя с «большой

⁴ См.: Солнцев В. Русский язык: проблема языкового пространства // Языки Российской Федерации нового зарубежья. Статус и функции / В.Солнцев, В.Михальченко. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 16.

⁵ Беликов В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М., 2001. – С. 414.

⁶ Кузьмин М.Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтничного общества: сб. статей, посвященный 75-летию чл. корр. РАО М.Н. Кузьмина: в 2-х ч. – М.: ИНПО, 2006. – Ч. I. – С. 186.

Россией» или с «малой родиной». В первом случае акцент ставится на объективную необходимость модернизации национальной школы по образцу обычных по содержанию русских школ с дополнительным родным языком как учебным предметом, обусловленную задачами интеграции общества на основе единой идеологии без применения репрессивных инструментов, модернизационных процессов и урбанизации. Цели, функции и организация национальной школы, пишет М.Н. Кузьмин, определялись необходимостью решения не только собственно образовательных, но в не меньшей степени и специфических интегративных задач, обусловленных полиэтнической гетерогенностью общества⁷.

Другие исследователи, представляющие в основном национальные республики, обращают внимание на последствия этой политики: фактическую русификацию населения, разрушение этнических культур и замещение их идеологией коммунизма, истребление языков, жесткое подчинение личности и ее интересов обществу, стремление к постановке на первый план задачи внедрения в сознание учащихся политико-идеологических доктрин⁸.

Тенденции позднесоветского языкового развития носили не просто неоднозначный, но крайне противоречивый характер. В республиках РСФСР коммуникативная мощь так называемых титульных языков заметно ослабевала. Происходило это не столько за счет уменьшения номенклатуры тех сфер общественной жизни, в которых эти национальные языки функционально реализовывались, сколько из-за стремительного «ужатия» каждой из этих сфер по отдельности. То есть на этих языках обучали детей и выпускали печатную продукцию, не говоря уже об издании газетных официозов и переводе материалов съездов КПСС на эти национальные языки, но количество обучающихся и объемы литературы сокращались. Причем в российских автономиях эти процессы шли в явном контрасте с тем, что происхо-

⁷ Кузьмин М.Н. Указ. соч. С. 193.

⁸ См.: Гибатдинов М., Муртазина Л., Биктимирова Т. Система национального образования татар: история и современность [Электронный ресурс] // Казанский федералист. – 2006. – №4 (20). – Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/4/>, свободный; Есть ли шанс у национальных языков в современной России? Интервью с лингвистом Тамерланом Камболовым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/science/2007/06/19/kambol.html>, свободный.

дило в союзных республиках. На этот предмет существует официальная советская статистика.

Возьмем область книгоиздания. С 1940 г. и до конца 1980-х гг. число книг и брошюр, изданных на русском языке, практически удвоилось – с 34 до 62 тыс. На латышском языке – трехкратное увеличение, на молдавском и казахском языках – пятикратное, на эстонском и литовском языках – почти в шесть раз. На языках «титulyных» народов российских автономий (кроме кабардинского и балкарского) этот же показатель претерпел резкое сокращение, чаще всего – вдвое и больше. Получается, что и после принятия большинства республиканских законов о языках, провозглашения принципов «языкового суверенитета» и статуса государственных все эти титульные языки продолжали демонстрировать отмеченное сужение своего пространства в книжной продукции. Если сравнить довоенный 1940-й и постсоюзный 1993-й гг., то количество книг, напечатанных на башкирском, сократилось с 187 до 111, на бурятском, соответственно, – 68 и 14, на калмыцком – 58 и 14, на коми и коми-пермяцком – 107 и 27, мордовском (эрзя и мокша) – 108 и 40, на осетинском – 108 и 36, на татарском – 329 и 184, на удмуртском – 65 и 31. Хотя здесь следует, разумеется, учесть и момент экономического кризиса.

В масс-медийной сфере диспропорции между титульными языками в союзных и автономных республиках были еще разительнее. В конце 1980-х гг. на трехмиллионное литовское население приходилось 107 журналов, на полтора миллиона латышского населения – 66, на миллион эстонцев – 77. Тогда же на 1,5 млн. башкир выпускалось 6 журналов, почти на два миллиона чувашей – 6, на 6,6 млн. татар – 10.

С начала и до конца 1980-х гг. численность татар, обучающихся на своем языке, сократилась с 217 тыс. до 98 тыс., т.е. более чем вдвое, на мордовских (эрзя и мокша) языках – трехкратно, на башкирском и чувашском – тоже существенно. В союзных республиках за те же 80-е годы при значительном увеличении доли детей, обучающихся на русском языке, практически нигде, кроме Белоруссии, столь заметного уменьшения процента школьников, обучающихся на языке своей национальности, не произошло. На Украине за это десятилетие соотношение обучающихся на украинском и русском языках поменялось с 55:45 до 48:52.

Таким образом, процессы языкового развития у народов России долгими десятилетиями шли глубоко противоречиво. Их коммуника-

тивная мощность неуклонно шла на убыль, тогда как символическая значимость постоянно оберегалась. Причем, хочется это кому-то признавать или не хочется, оберегалась далеко не в последнюю очередь партийно-советскими заботами. Языки эти практически не использовались в официальном обиходе, в делопроизводстве, в негуманитарной науке. В послевоенный период неуклонно сокращались, за редкими исключениями, тиражи в книгоиздании. Уменьшалась численность школьников, обучающихся на национальных языках. Все это так. В то же самое время ряды творческих союзов в республиках отнюдь не чахли, точно так же, как и отряды лингвистов, гуманитариев в целом и всех остальных сегментов «символьной», так сказать, элиты, всех тех, кто имел дело с языком профессионально.

Конечные результаты этого процесса сегодня не могут быть оценены однозначно. Очевидно, с одной стороны, что интегративные цели и задачи диктовались объективными потребностями развития единой культуры, ментальности в полиэтнической стране, находившейся в сложных международных условиях. С другой стороны, решение интегративных задач модернизации шло без учета мнений, настроений других народов, по схемам, как отмечает М.Н.Кузьмин, «неизменяемой субъектности этносов, форсированно, фронтально, независимо от цивилизационных характеристик отдельных этносов, вне учета их исторического культурного потенциала, их конкретного этносоциального и этнокультурного развития, их способности проходить модернизацию на собственной языковой и культурной основе»⁹. Результат поэтому не мог получиться адекватным поставленным целям, поскольку эффективных механизмов непротиворечивого сопряжения этнического и надэтнического в конечном счете, как оказалось, не было найдено.

Перемены в языковой жизни народов России, которые начались в конце 1980-х – начале 1990-х гг., также протекали в сложном переплетении коммуникативных (шире – практических, инструментальных) и символических начал. И проектирование будущего, и стратегические установки, и общественная реакция – все это происходило без достаточно ясного разграничения этих двух взаимосвязанных, отнюдь не тождественных сторон.

Это время стало началом возрождения и развития национального образования во всех субъектах Российской Федерации. Началось кон-

⁹ Кузьмин М.Н. Указ. соч. – С. 194.

струирование идеи национальной школы и основных направлений реформирования школы советского образца с упором на демократизацию, децентрализацию, дифференциацию обучения. По мнению Р.Р. Замалетдинова, эти процессы можно обозначить понятием «дикая демократия», представляющая собой в большей степени стихийный поиск новой парадигмы национальной школы¹⁰. Первоначальный замысел некоторых сторонников развития татарского национального образования состоял в создании образовательной системы, отличной от общероссийской. Выступая на I Всемирном конгрессе татар, министр образования Татарстана того периода В.Гайфуллин сказал: «Татарское национальное просвещение добьется полной самостоятельности, только вернувшись к историческим корням и используя свое духовное наследие»¹¹. Характерной чертой такого подхода стало признание первичности интересов этнической группы, стремление к ограничению прав и свобод родителей, детей. «Сомнения родителей в необходимости национальных школ до сих пор являются для представителей местных властей весомым аргументом при решении вопросов образования, поскольку если родители-татары отказываются учить своих детей татарскому языку, то зачем открывать национальные школы?»¹² – пишет председатель исполкома Всемирного конгресса татар Р.Закиров. То есть согласно этой логике для местных властей желание родителей по выбору языка обучения для собственных детей в российской школе не должно быть аргументом, а более весомым фактором должны стать решения или рекомендации национальных или каких-то других общественных организаций.

Реформирование применительно к новой общественной ситуации в системе национального образования осуществил закон РФ «Об образовании». Федеральным законом «Об образовании» (1992 г.) официально была закреплена компонентная структура государственного образовательного стандарта (ГОС) содержания общего образования. Со-

¹⁰ Замалетдинов Р.Р. Об опыте внедрения государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования в ТГГПУ // Материалы Международной научно-практической конференции: Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. – Казань: Алма-Лит, 2006. – С. 98.

¹¹ Цит. по: Закиров Р. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX – начале XXI вв. – Казань: Таткнигоиздат, 2006. – С. 80.

¹² Там же. – С. 81.

гласно статье 7 данного закона федеральный компонент стандарта (ФК ГОС) относится к компетенции органов государственной власти РФ. В то же время региональный (национально-региональный) компонент (РК(НРК) ГОС) находится в сфере ответственности субъектов РФ. Таким образом, был реализован принцип регионализации образования, и в число акторов в сфере образовательной политики, помимо федерального центра, вошли регионы.

Нацеленный на устранение прежнего практически унитарного характера школы и утверждение ее демократической многовариантности, в том числе и в этноязыковом и этнокультурном плане, закон в поисках новой модели решения интегративных задач акцентировал внимание на двух важных позициях в сфере построения образовательного пространства современной России¹³.

Первая позиция связана с тем, что за каждым субъектом федерации закреплено право на построение содержания образования с учетом национально-культурных особенностей, географии и истории региона, языка, литературы титульных этносов, которое реализуется в рамках национально-регионального компонента содержания образования. Вторая позиция связана с необходимостью разработки государственного образовательного стандарта среднего общего образования.

Таким образом, в качестве решения была предложена принципиально новая и универсальная схема структурирования содержания образования – двухкомпонентность государственных образовательных стандартов с отнесением их к раздельной компетенции центра и субъектов федерации. Итак, закон впервые в отечественной образовательной практике конституировал равенство трех самостоятельных субъектов, реализующих свои интересы в образовании: индивида (родителей) – этноса – государства¹⁴.

При всей либеральности такой образовательной политики ее нельзя однозначно оценить как демократическую. Известный осетинский специалист Т.Камболов, констатируя передачу в процессе разграничения полномочий всех прав и обязанностей по созданию условий для функционирования национальных языков субъектам федерации, задается вопросами: «Но этот принцип не учитывает один существенный

¹³ Белогуров А.Ю. Образовательный округ современной России: иллюзия или реальность? // Высшее образование в России. – 2005. – №6. – С. 7.

¹⁴ Там же. – С. 8.

момент: а имеют ли возможность республики воспользоваться этим правом? Позволяют ли им финансы и кадры это сделать?»¹⁵. Исследователь отмечает, что национальные языки и национальные школы в годы постсоветского развития успешно развиваются преимущественно в регионах, богатых ресурсами: в Татарстане, Башкирии, Якутии.

И все-таки реформирование национально-языковых отношений в бывших российских автономиях за 90-е гг. XX в. привело к заметным сдвигам. Если в конце 1980-х гг. обучение в школах велось (кроме языков народностей Дагестана) на 11 языках, то сегодня ситуация выглядит несколько более диверсифицированно. В российских общеобразовательных учреждениях почти 80 родных (нерусских) языков в тех или иных масштабах представлены в качестве предмета изучения. Количественный разброс здесь, естественно, весьма велик. Татарский язык как родной в качестве предмета в 2005 г. «проходили» 515 тыс. учащихся в 2466 образовательных учреждениях. Чеченский изучали 207 тыс. учащихся, башкирский – 165 тыс., чувашский – 110 тыс., примерно по тысяче – идиш и иврит, меньше, чем по сто человек – белорусский, греческий, ительменский, латышский, негидальский, саамский, татский (в начальной школе), удэгейский, эстонский языки.

В качестве средства обучения, а не только в виде отдельного предмета, в 3328 российских общеобразовательных учреждениях представлены 32 языка, на которых получают образование 229 тыс. обучающихся. Среди этих языков нет, например, ногайского и татского, но есть казахский. Однако эта цифра верна для начальной школы. В средней школе и в средних специальных учебных заведениях средством обучения, кроме русского, выступают 12 языков, в высшей школе – 18. На аварском, адыгейском, даргинском, калмыцком, кумыкском, лакском, мордовском (эрзя и мокша), табасаранском языках не обучаются на уровне, превышающем начальную школу, но обучаются в высших учебных заведениях. Оценивая в целом новую языковую ситуацию в России, В.М. Алпатов отмечает: «Расширение школьного образования – наиболее значительная мера, которую удалось

¹⁵ Есть ли шанс у национальных языков в современной России? Интервью с лингвистом Тамерланом Камболовым. – URL: <http://www.polit.ru/science/2007/06/19/kambol.html>, свободный (дата обращения: 12.03.2011).

осуществить за последние полтора десятилетия для спасения языков малых народов»¹⁶.

Характеризуя практики становления систем национального образования в содержательном плане, В.Шнирельман пишет: «В ряде республик РФ в 1990–1993 годах были приняты новые законы об образовании, которые зачастую отдавали приоритет национально-региональному компоненту в ущерб общефедеральному. Расхождения касались и структуры учебного процесса. Если московские чиновники рекомендовали отводить региональному компоненту не более 10–15% часов, выделенных историческому образованию, то на местах, где среднее образование подчиняется не МО, а субъектам федерации, эти рекомендации зачастую не выполнялись. Например, в школах Татарстана на изучение «Истории Татарстана» отводится от 25% до 50% часов. Татарские деятели образования аргументируют это наличием у татар своей средневековой государственности и предлагают ввести дифференцированный подход к сетке часов преподавания регионального компонента»¹⁷. Понятно, что такие практики вызвали серьезную озабоченность федеральных властей.

Существенным рубежом в развитии школьного образования в постсоветской России стал 2001 г., когда вопрос о школьных учебниках истории был рассмотрен на заседании Правительства РФ. Была обозначена воля государства контролировать содержание учебников по гуманитарным дисциплинам. Происходящее имело, по мнению В.Шнирельмана, очевидную связь с принятием государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 гг.» во исполнение постановления Правительства РФ от 16 февраля 2001 г., ибо теперь речь шла об активном участии государственной школы во внедрении патриотической идеологии.

В связи с этим нельзя не обратиться к идеям, продвигаемым В.А. Тишковым. Рассмотрение региональной системы образования как «национальной» происходит, по мнению В.А. Тишкова, из советской доктрины, так называемой национальной школы, под которой

¹⁶ Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. – 2005. – №2. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.02.2011).

¹⁷ Шнирельман В. Российская школа и национальная идея. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/sh21-pr.html> (дата обращения: 10.03.2011).

понималась не государственная (т.е. национальная) система образования, а этнокультурно ориентированная система обучения. По его мнению, авторы концепций «национального образования» фактически предлагают обучать не конкретного ученика, а «некоего коллективного субъекта под названием «этнос»¹⁸. Поэтому целесообразно называть «национальной» школу, отражающую общероссийскую образовательную политику, а внутри национальной школы выделять этнорегиональные системы образования.

Основой современной политики должна явиться концепция создания российской национальной школы, отражающей российскую ментальность, идеи межкультурного диалога, поликультурного взаимодействия, а также полипарадигмальность и поликонфессиональность современного мира. То есть современное российское образование должно ставить своей задачей формирование человека, который, с одной стороны, обладает «глобальным видением» мировых процессов, а с другой стороны, выступает носителем национальной культуры. И, таким образом, в условиях глобализации мировых процессов и культурной конвергенции образовательная система рассматривается, с одной стороны, как эффективный механизм этнокультурной идентификации личности, с другой, – как средство гармонизации межэтнических отношений¹⁹. Как отмечает М.Н. Кузьмин: «Стремление односторонне повернуть содержание образования в национальной школе в ущерб единству культурного (ценностного) и даже образовательного пространства РФ имело в той или иной степени место и в других случаях (Татарстан и др.)»²⁰.

В Концепции национальной образовательной политики РФ от 2006 г. также отражена негативная позиция федерального центра по отношению национальному образованию субъектов РФ: «Принятый компонентный принцип организации содержания образования создал условия для автономной постановки независимых, не совпадающих, а порой и конфликтующих друг с другом образовательных стратегий, целей и задач, реализуемых на региональном и федеральном уровнях.

¹⁸ Цит. по: Белогуров А.Ю. Образовательный округ современной России: иллюзия или реальность? // Высшее образование в России. – 2005. – №6. – С. 7.

¹⁹ Белозерцев Е.С. Национальная школа и социальное благополучие // Народное образование. – 1997. – №7. – С. 33.

²⁰ Кузьмин М.Н. Указ. соч. – С. 198.

Следствием этого стали: автономизация регионального (национально-регионального) компонента, установление его приоритетности по отношению к федеральному, понижение уровня его связи с русским языком и культурой, превращение образовательного учреждения, реализующего общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, в инструмент этнической мобилизации и использование его в качестве фактора перевода федеративных отношений в конфедеративные»²¹.

Оценивая состояние современной национальной школы, можно сказать, что за последние несколько лет в образовательной системе РФ произошли события, которые принципиально меняют положение и определяют нынешний неустойчивый правовой статус этого института.

Во-первых, в Концепции национальной образовательной политики РФ понятие «национальная школа» заменено термином «среднее общеобразовательное учреждение с этнокультурным компонентом», что официально сокращает употребление понятия «национальная школа», нейтрализует ее правовой статус.

Во-вторых, введение в российское образовательное пространство единого государственного экзамена, не имеющего модификаций контрольно-измерительных материалов для выпускников национальных школ, ставит этих детей в заведомо неравные условия при поступлении в вузы.

В-третьих, принятие в 2007 г. Федерального Закона №448303-4 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта)», означающего, по существу, ликвидацию национально-регионального компонента и компонента образовательного учреждения в структуре государственного образовательного стандарта. Этот закон вызвал крайне резкие оценки представителей власти Татарстана. Законодатели республики в своем обращении к руководителям страны подчеркивали, что, реализация преобразований понятия и структуры государственного образовательного стандарта приведет «к

²¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. Одобрена приказом Минобрнауки России от 3 августа 2006 г. №201 // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. – 2006. – №11. – С. 8.

ограничению прав народов Российской Федерации на национально-культурное развитие, к отмене преподавания родного языка и литературы, изучения национальной культуры и истории своего народа в национальных школах и школах с национально-культурным компонентом. При принятии данного законопроекта негативный процесс закрытия существующих национальных школ и школ с национально-культурным компонентом, начавшийся в ряде регионов, фактически получит государственную поддержку и приведет, в конечном счете, к свертыванию российского национального образования. В результате подобные действия будут создавать серьезные проблемы в вопросах сохранения и развития национальных языков и культур. Кроме того, концепция законопроекта напрямую противоречит Конституции Российской Федерации, согласно которой «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68, п. 3), отвергает принцип федерализма в области образования»²².

Справедливости ради стоит отметить, что структура или содержание нового образовательного стандарта не мешают изучать татарский или другой родной язык. Логика документа заключается в другом: выбор дисциплин изучения осуществляют отныне не региональные законодатели или чиновники, по понятным им символическим, культурным, политическим или иным соображениям, а сами участники образовательного процесса: педагоги, учащиеся, родители. Насколько эта система будет работоспособной – вопрос времени. Пока критических замечаний в адрес авторов нового подхода к образовательным стандартам больше, чем одобрения.

Развитие национальной школы в Татарстане: региональные особенности

Исследование процесса развития национальной школы в Республике Татарстан, на наш взгляд, целесообразно начать с анализа состояния республиканской системы образования в целом. Образование в республике в годы постсоветского развития, к сожалению, не стало приоритетом. В этом утверждении, на первый взгляд, нет ничего нового. Характеристика всей системы российского образования дается

²² Законопроект противоречит Конституции // Парламентская газета. – 2 ноября 2007. – С. 7.

обычно такими же словами. Д.А. Медведев в президентском Послании Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. признал, что «положение дел в образовании оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать: с передовых позиций мы уже «откатились». И это становится самой серьёзной угрозой нашей конкурентоспособности»²³. Те же оценки в работах специалистов: «...Даже беглый анализ места и функций сферы образования в российском обществе показывает, – пишет А.Г. Асмолов, – насколько тезис о приоритетности образования расходится с социальной действительностью»²⁴.

Новизна нашего вывода заключается в констатации того, что политика в области образования в Татарстане была еще менее артикулированной и экономически обеспеченной, чем в других регионах страны. О сложном состоянии татарстанского образования публично заговорили только в январе 2011 г. На итоговой коллегии Министерства образования и науки республики министр А.Гильмутдинов заявил, что система образования Татарстана оказалась на 75-м месте среди всех российских регионов. По мнению министра, 75-е место республика получила из-за сельских школ, где низкая наполняемость классов, низкое качество обучения, особенно в малокомплектных школах. Представляется, что проблема не только в существовании сети сельских школ, а в целом той, позиции, которую система образования занимала в республиканских приоритетах.

Данные ряда сравнительных исследований, проведенных разными группами ученых и по разным методикам, показывают, что проблемы в системе образования республики накапливались постепенно и на фоне высоких показателей экономического развития республики.

Прежде всего, обратимся к результатам экспериментальных расчетов рейтингов субъектов Российской Федерации по показателям развития образования за 2004 и 2005 гг.²⁵ Это сводные рейтинги, составлен-

²³ Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kremlin.ru, свободный.

²⁴ Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования на пути к преодолению кризиса идентичности и построения гражданского общества // Вопросы образования. – 2008. – №1. – С. 74.

²⁵ Результаты экспериментальных расчетов субъектов Российской Федерации по показателям развития образования: 2004, 2005 гг. // Вопросы обра-

ные с учетом следующих индикаторов: обеспечения доступности образования, детского всеобуча, качества образования, инфраструктуры сферы образования, кадрового потенциала образования, укомплектованности штатов образовательных учреждений, качественного состава преподавательского корпуса, финансовых ресурсов образования, уровня образования населения, ИКТ в образовании, здоровья детей и подростков, а также рейтингов регионов по состоянию дошкольного и общего образования (доступность, качество, материально-техническая база, кадры, организация учебного процесса в общеобразовательных учреждениях). Место системы образования Татарстана среди других субъектов федерации отражено в таблице 1.

Позиция республики в конце второго десятка субъектов федерации по такому показателю, как «качество образования» (учитывалось 25 показателей, в том числе: удельный вес государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, находящихся в аварийном состоянии; удельный вес государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, требующих капитального ремонта; удельный вес государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, имеющих физкультурные залы; удельный вес государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, имеющих все виды благоустройства; удельный вес государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, имеющих библиотеки; укомплектованность учителями; удельный вес учащихся, получивших по ЕГЭ по русскому языку и математике оценки «4» и «5» по пятибалльной системе в общей численности, сдававших ЕГЭ и др.) не свидетельствует о приоритетном финансировании образования. Заметим, что опережают республику по этому показателю ближайшие соседи, имеющие заметно меньшие экономические возможности. На 3 место (2005) с 16 (2004) переместилась Чувашия, оставив позади города Москву и Санкт-Петербург, уступив лишь Ленинградской и Белгородской областям. Дотационная Республика Марий Эл занимает 7 позицию, Кировская область на 8 месте, за ней. Пензенская область (9), непосредственно перед Татарстаном на 17 месте стоит Республика Мордовия.

зования. – 2007. – № 4. Данные исследования за более поздний период пока не опубликованы.

**Позиция Республики Татарстан в рейтинге 89 субъектов РФ
по показателям развития образования: 2004, 2005 гг.***

Показатель	Место РТ		Абс. рейтинг		Отн. рейтинг (% к первому месту)	
	Годы					
	2004	2005	2004	2005	2004	2005
Доступность получения образования	30	29	23,55	24,00	67,89	69,99
Качество образования	19	18	37,39	37,05	88,16	87,88
Инфраструктура сферы образования	16	20	20,89	15,76	87,81	80,95
Кадровый потенциал сферы образования	64	64	9,82	9,71	69,20	72,30
Укомплектованность штатов образовательных учреждений	74	72–73	7,10	4,11	71,21	57,56
Качественный состав преподавательского корпуса	40	30	6,89	7,09	78,12	84,40
Здоровье детей и подростков	3	3	2,15	1,86	88,48	82,67
Детский всеобуч	66	66	22,06	22,07	99,28	98,53
Финансовые ресурсы образования	46–47	8	6,87	8,59	49,25	62,29
Уровень образования населения	–	47–52	–	1,94	–	85,09
ИКТ в образовании	19	25	2,47	2,40	44,27	43,48

По показателям развитости инфраструктуры образования, кроме Чувашии (11 место) и Республики Марий Эл (15), из регионов Приволжского федерального округа позиции выше Татарстана занимают Оренбургская (12–13) и Ульяновская (17) области.

* Источник: Результаты экспериментальных расчетов субъектов Российской Федерации по показателям развития образования: 2004, 2005 гг. Часть 3 / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Н.В.Ковалева, В.И. Кузнецова, Е.Г. Нечаева, О.К. Озерова // Вестник образования. – 2007. – № 4.

По показателю «ИКТ в образовании», рассчитываемому исходя из количества персональных компьютеров на 100 учащихся государственных дневных общеобразовательных школ и учреждений начального профессионального образования, первые места занимают богатые Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, высокие позиции у Ленинградской области (4–5 место), на 6 позиции Республика Саха (Якутия). Экономически менее развитые, чем Татарстан регионы также заметно превышают его по обеспеченности учебных классов компьютерами: Республика Чувашия на 11 месте, Республика Мордовия на 14–15, Пензенская область на 21 позиции.

Совершенно удручают показатели кадрового потенциала системы образования республики: места в седьмом и восьмом десятке рейтинга. Эти данные требуют очень вдумчивого анализа, однако предварительное суждение, вероятно, можно вынести, опираясь на официальные данные о том, что по уровню зарплат бюджетников Татарстан занимает лишь седьмое место в Приволжском округе²⁶. До уровня минимального потребительского бюджета средняя зарплата работников образования доведена лишь к концу 2008 г.²⁷ В рамках перехода к новой системе оплаты труда в бюджетной сфере на 2009 г. в республике увеличение фонда оплаты труда произошло всего на 16%, в то время как федеральный бюджет заложил повышение ФОТ на 30%.

В 2010 г. реальная среднемесячная начисленная заработная плата в отрасли возросла всего на 4,3% и достигла 10 013,5 руб., что составляет 59% от средней заработной платы в республике²⁸.

Низкий размер оплаты труда в образовании в условиях экономически слабых регионов не является существенным препятствием для сохранения кадров и привлечения молодежи в школы: люди исходят из того, что другой работы либо нет, либо оплата труда в реальном секторе не намного выше, чем в бюджетной сфере. В условиях дина-

²⁶ Юдкевич М. Кризис объединил всех в караул-патриотизме // Вечерняя Казань. – 2008. – 24 октября. – С. 2.

²⁷ Программа социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 гг. – URL: <http://www/mcnt.ru/index.php?nodeid=1024> (дата обращения: 05.03.2011).

²⁸ Информационный материал к итоговой коллегии Министерства образования и науки Республики Татарстан «Об итогах деятельности Министерства образования и науки РТ за 2010 год и задачах на 2011 год». – Казань: РИЦ, 2011. – С. 11.

мично развивающейся экономики низкая оплата труда в бюджетных учреждениях приводит к массовому «уходу» кадров в другие отрасли, делает работу в школе не только не престижной, но и невозможной для молодых людей.

Авторы исследования, проведенного по заказу Юнеско, построили рейтинг, основанный на совершенно ином показателе. Они оценили доступность качественного общего образования, исходя из доли школьников, получающих образование в учебных заведениях повышенного уровня (лицеи, гимназии, школы с углубленным изучением отдельных предметов). В этом рейтинге Татарстан занимает 24 место²⁹. Список возглавляют Санкт-Петербург, Магаданская область, Псковская область, Московская область. Республика Башкортостан занимает 7 место, город Москва на 8 позиции, Ульяновская область на 18, республика Мордовия на 19 месте.

Таким образом, реализация столь масштабного проекта, как создание татарской национальной (этнонациональной) системы образования происходит на фоне недофинансирования отрасли. Кроме того, анализ некоторых документов позволяет констатировать, что сами задачи представляются в усеченном виде.

В качестве иллюстрации обратимся к «Программе социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 гг.». Применительно к развитию национальной школы здесь сформулировано буквально несколько пунктов: «сформировать механизмы развития национального образования в соответствии с культурно-историческими и духовно-нравственными потребностями народов Республики Татарстан; разработать содержание национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов по предметам федерального перечня; разработать государственные образовательные стандарты по татарскому языку и литературе, истории Татарстана, географии Татарстана; разработать модель интенсивного изучения языков, основанную на принципах погружения в языковую среду»³⁰. Масштаб задач, на наш взгляд, совершенно иной: необходимо осуществить весь комплекс мероприятий, включая ресурсное и кадровое

²⁹ Положение молодежи в России. Аналитический доклад. – М.: Машмир, 2005. – С. 19.

³⁰ Программа социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 гг. – URL: <http://www/mcnt.ru/index.php?nodeid=1024> (дата обращения: 05.03.2011).

наполнение, обеспечивающих конкурентоспособность татарской школы. Только создание конкурентоспособной школы может запустить мотивационные механизмы, изменить массовое сознание и поведение, способствовать эффективной реализации новых проектов. В противном случае искусственное наполнение символическими смыслами ресурсно не обеспеченного национального (или этнокультурного) образования может нанести только вред.

В 2010 г. в Республике Татарстан принята амбициозная стратегия развития образования на 2010–2015 гг. Однако и в рамках этого документа задачи по национальному образованию имеют крайне узкую формулировку и направлены в основном на внедрение и обновление педагогических технологий изучения родных языков. Переход республики к прагматическим позициям в сфере национального образования вполне определенно выражен в недавнем интервью Президента РТ Р.Н. Минниханова, однозначно обозначившем новые приоритеты. «Родному языку ребенка необходимо учить не только в школе, но и дома, – подчеркнул Р.Н. Минниханов, – Язык матери каждый человек должен узнать в семье, от самых близких людей – родителей, бабушек-дедушек. Башкирский, татарский языки, как бы нам ни были дороги, не могут претендовать на лидерство. Россия – это русский язык. Мир – английский язык. Так уж сложилось. Но при этом мы должны свои родные языки сохранить. И насколько успешно это нам удастся, зависит от нас самих. От детских дошкольных учреждений, от семьи, от школы»³¹. Президент Татарстана считает, что нельзя вопрос сохранения родных языков переводить в плоскость политических спекуляций. Он не видит никакого злого умысла со стороны федерального центра, настаивает, что никто и никому не мешает учить родной язык, использовать его в любой сфере. Позиция Р.Н. Минниханова заключается в том, что вместо публичного рассуждения о национальной политике необходимо в семье прививать любовь к своему языку, к обычаям, культуре.

Нам представляется, что отказ от символизации языков изучения в школе и языка школьного образования и выбор рациональных приоритетов абсолютно оправдан. Опыт создания татарской школы в

³¹ Р. Минниханов. Ближе, чем татарин башкиру нет наций в России. – URL: <http://www.tatarlar.ru/news.php?lng=ru&pg=&id=2> (дата обращения: 10.02.2011); <http://handbook-news.ru/?p=1703>.

постсоветской истории показал противоречия и ловушки, сопровождающие политизацию столь деликатной сферы, как образование.

О некоторых противоречиях институционализации татарской школы

Правовыми основами развития учреждений образования с татарским языком обучения стали Федеральные законы «О языках народов Российской Федерации» (1991), «Об образовании» (1992), Конституция и законы Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» (1992), «Об образовании» (1997) и Государственные программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан, принятые в 1994 и 2004 гг. Отметим, что по количеству правовых документов этнокультурной и этнообразовательной направленности, принятых в 2001–2005 гг., среди всех субъектов РФ Республика Татарстан – абсолютный лидер (принято самое большое количество в стране нормативно-правовых актов и подавляющее большинство из них относятся к языковому законодательству)³².

Анализ политики, проводимой в сфере национального образования республики, дает основания для диагностики противоречий между открытыми, прокламируемыми, эксплицитными моментами и скрываемыми, имплицитными, камуфлируемыми ее гранями. Открыто провозглашаемые доводы сторонников приоритетного развития национального образования (в основном представителей гуманитарной и творческой интеллигенции, ученых, профессионально работающих в сфере татарского языка, политиков) разрабатывались через призму сохранения нации, национального пробуждения, воспитания республиканского патриотизма. Проводилась идея, что только национальная школа сможет сформировать людей с этническими ценностями. Но, как оказалось на практике, абсолютное большинство этих людей предпочитают давать образование своим детям и внукам в русскоязычных школах обычно с языковым или математическим уклоном или в зарубежных учебных заведениях. На это обстоятельство обратили

³² См.: Отчет по проекту: «Мониторинг и анализ региональных законодательных и нормативно-правовых актов в сфере языковой и этнообразовательной политики» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)».

внимание русскоязычные средства массовой информации. Каковы скрытые мотивы сторонников развития массового национального образования – попытка создания будущей электоральной базы или формирование группы потребителей книжной и иной продукции на татарском языке – предмет специальных исследований.

Провозглашенная в республике стратегия на развитие татарской школы, как представляется, не получила достаточного ресурсного обеспечения как со стороны государства, так и со стороны институтов гражданского общества и, например, бизнес-сообщества. Здесь обнаружилась явная недооценка собственно политических методов работы, согласования интересов, разъяснения целей. Задача по повышению статуса татарского языка, в том числе в системе образования, со всей очевидностью требовала дополнительных и довольно существенных финансовых вливаний, в целом политики «позитивной дискриминации». Преобразование русскоязычных школ в татарские происходило без создания дополнительных привлекательных качеств, без серьезной работы по формированию информационного пространства (например, на татарском языке нет пособий для поступающих в вузы, теле-, радиоуроков и т. п.), инфраструктуры, повышающей конкурентоспособность этих учебных заведений.

Еще одно противоречие заключается в существовании двух моделей языковой образовательной политики: адаптационной и активно-регулирующей, когда многие из принятых решений и законодательных норм соблюдаются лишь формально и в виде имитации, а содержательные преобразования реально не осуществляются. Примером таких имитационных мер является, на наш взгляд, ситуация с реализацией республиканского языкового законодательства в системе высшего образования.

Концепция национального образования в Татарстане предполагает возможность получения образования на любом уровне и по любой специальности на татарском языке. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что органы государственной власти республики жесткой и унифицированной политики по внедрению татарского языка в вузы не проводят. Несмотря на то, что с 1995 года республиканский бюджет выделяет вузам специальные средства на реализацию закона о языках, целевое финансирование жестко не привязывается к осуществлению конкретных мероприятий по открытию групп с татарским языком обучения. Вузы самостоятельно решают вопросы развития нацио-

нального образования: в одних случаях – это подготовка по специальности на татарском языке, в других – преподавание некоторых предметов на татарском языке или введение татарского языка как предмета изучения. Развитие высшего образования на татарском языке в существующих вузах федерального подчинения зависит от предпочтений и приоритетов руководителей учебных заведений.

Негативное влияние на установки руководителей вузов по реализации республиканского закона о языках оказал тот факт, что в 2001–2002 гг. при государственной аттестации двух казанских вузов были попытки сделать предписания, запрещающие изучение татарского языка и преподавания дисциплин на татарском языке за счет средств федерального бюджета.

К 2002 г. из двадцати двух государственных вузов республики в пятнадцати в той или иной степени было организовано обучение на татарском языке. Следует учитывать, что в это число попадали разные вузы: это и учебные заведения с преподаванием на татарском языке 2,5% дисциплин учебного плана и те учреждения, где татарский язык реально стал средством обучения, по крайней мере, на младших курсах. Наиболее полно проблемы развития высшего образования на татарском языке решены в педагогических университетах и институтах, что закономерно: татарские школы необходимо обеспечивать учителями, готовыми преподавать на этом языке. В большинстве высших учебных заведений организовано преподавание татарского языка в формате профессиональной коммуникации.

В настоящее время отсутствуют группы с татарским языком обучения в негосударственных вузах. Перед нами не стояла задача исследования данного явления, однако можно предположить, что это связано со сложностью создания учебно-методической базы, с одной стороны, нехваткой подготовленных кадров к ведению учебного процесса на татарском языке и отсутствием спроса со стороны абитуриентов.

Интервью с руководителями и преподавателями вузов показывают, что в абсолютном большинстве случаев внедрение татарского языка в учебный процесс как средства обучения происходило по инициативе отдельных энтузиастов. Если в вузе появлялись люди, увлеченные идеей создания системы обучения на татарском языке, то, как правило, поддержка руководства была обеспечена. Именно этим объясняется, например, то обстоятельство, что по коммуникативно-насыщенным специальностям, когда сама деятельность в условиях полиэт-

нического общества требует двуязычия (юриспруденция, государственное и муниципальное управление, документоведение, экономика и т.д.), групп с татарским языком обучения нет до сих пор ни в одном вузе. По всей видимости, преподаватели этих дисциплин в условиях бурного роста негосударственных институтов были чрезвычайно востребованы, и у них не было потребности в формировании нового статуса «двуязычного преподавателя»³³.

Проректоры вузов по учебной работе весьма пессимистичны в оценке возможного роста высшего образования на татарском языке. Говоря о сущности института образования в рыночном обществе, один из них отмечает: *«...Если говорить о прогнозах, я совсем не уверен, что через какое-то время ... будет какой-то крен на императивное насаживание образования на татарском языке. Мы, благо, цивилизованная светская республика и интеграция в международное образовательное пространство и в рынок неизбежно будет диктовать необходимость преподавания, наверное, в большей степени на международных языках, а для нас сейчас это русский и английский... Специалист должен, прежде всего, быть специалистом».*

Руководители вузов в принципе не согласны с перенесением задач по развитию и сохранению языка на сферу высшего образования. Подчеркивается приоритетность задач по удовлетворению потребностей личности в качественном образовании, добровольного выбора языка обучения. *«Равноправие языков должно быть во имя человека, если равноправие человеку навязывается, то это уже не равноправие»*, – подчеркивает руководитель одного из вузов.

Аргументируя нецелесообразность открытия групп с татарским языком обучения, проректоры отмечают невостребованность татарского языка в экономической и других сферах общества: *«Мы всегда были готовы к обучению специалистов на татарском языке, но есть одно сдерживающее условие: так как все делопроизводство в республике ведется на русском языке, то мы должны готовить специалистов, которые будут вести его на русском языке».* Проректоры тех-

³³ Представлены результаты 5 глубинных интервью с представителями администрации вузов РТ. Исследования проведены при финансовой поддержке Фонда Форда в рамках программы «Анализ доступности высшего образования в России»; РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Жизненные стратегии выпускников национальных школ (на примере Республики Татарстан)».

нических вузов указывают на интеграционные процессы, кооперацию между заводами, расположенными в разных частях страны, и опасаются, что «...если изучать татарский как основной, а русский чуть ли ни как иностранный, это приведет к изоляции».

Серьезную озабоченность у руководителей вузов вызывает возможность создания необходимого количества учебной литературы современного качества. По экспертным оценкам, за период с 1992 года в республике издано более 70 учебников и учебных пособий на татарском языке для вузов. В процессе обеспечения высшей школы учебной литературой возобладал инициативный подход: развитие информационной базы шло не по пути перевода на татарский язык лучших отечественных учебников, прошедших проверку временем и имеющих необходимые рекомендации российских органов управления образованием, а изданием за счет средств республиканского бюджета без проведения каких-либо публичных конкурсов учебников и пособий казанских ученых. В результате, по мнению специалистов, на сегодняшний день явно недостаточно как наименований учебной литературы, так, в ряде случаев, и качество имеющейся может вызывать сомнения. Кроме того, проректоры вузов подчеркивают: *«нельзя стать специалистом, прочитав один учебник или две-три книжки»*. Необходим достаточный объем дополнительной, прежде всего, научной литературы, монографий и научных журналов, информации по смежным областям, материалов конференций и симпозиумов, словом, всего, *«что позволяет стать человеком с высшим образованием, а не просто тем, что называется образованицина»*.

Практически все руководители вузов подчеркивали, что студентов, желающих получить образование на татарском языке, совсем не много, а *«для формирования нормального учебного процесса нужно достаточное количество соискателей этого образования. ... Если захотят два человека это сделать, мы, наверняка, объясним им, что это невозможно, потому что слишком дорого»*. Проректоры подчеркивают, что если бы у молодых людей была реальная потребность в получении высшего образования на татарском языке, *«наврное, этот процесс уже бы шел, мы бы ставили эти задачи, писали бы книжки, издавали журналы...»*.

Таким образом, продекларированная возможность получить высшее образование на татарском языке не всегда реализуется, встречая на пути преграды в виде экономической целесообразности, наличия

необходимого количества студентов, желающих обучаться. Существенным пробелом является и отсутствие взаимосвязи вуза и школы, которое могло бы быть преодолено при наличии программ довузовской подготовки на татарском языке. Важной проблемой остается недостаток преподавательских кадров, учебно-методических пособий на татарском языке. Нежелание руководства вузов во многих случаях способствовать обучению на татарском языке свидетельствует об отсутствии признания выпускников татарских школ, плохо владеющих русским языком. Тем не менее, существующий в республике опыт осуществления высшего образования на татарском языке создает базу для дальнейшей реализации этого проекта.

Реализация идеи непрерывного образования на татарском языке могла осуществиться и другим путем: через создание татарского национального университета. Первое парламентское постановление о создании национального университета относится к 1994 г. В 1997 г. резолюция о создании Татарского государственного университета была принята II съездом Всемирного конгресса татар. В 1998 г. решение о создании Татарского государственного национального университета утверждается XXI сессией Верховного Совета РТ. В 2005 г. в Казани учреждается Татарский государственный гуманитарный педагогический университет (ТГГПУ) (фактически путем присоединения к Казанскому государственному педагогическому университету Татаро-американского регионального института и Татарского гуманитарного института).

Татарская общественность желала видеть татарский национальный университет как центр, целью которого является «формирование и распространение современной татарской культуры, подготовка новой национальной, в том числе управленческой элиты, воспитанной в ее рамках и способной реализоваться в условиях глобализации и нарастающей конкуренции культур»³⁴. Весьма высокие задачи перед коллективом университета поставил первый Президент республики М.Ш. Шаймиев: университет «должен стать не только местом обучения и «технической» подготовки современных высококвалифицированных специалистов, но и настоящим центром формирования нашей

³⁴ Исхаков Д.М. Татарский национальный университет // Звезда Поволжья. – 2005. – 21–27 июля. – С. 5.

национальной элиты»³⁵. Однако потенциал модернизации педагогического вуза до современного национального университета вызывал сомнения у многих. «Этот университет, – пишет известный этнолог Д.М. Исхаков, – в дальнейшем как был, так и останется педуниверситетом, готовя учителей. Ну что же, такой результат был вполне ожидаем – инертная масса старых традиций взяла в ТГГПУ верх и никакого «национального университета» тут не получилось и уже, судя по всему, не получится»³⁶. А принятие в 2009 г. решения о присоединении ТГГПУ к Приволжскому федеральному университету в принципе сняло с повестки дня идею национального университета.

Таким образом, история идеи татарского университета максимально открыто демонстрирует то, что формирование системы национального образования в том виде, как это сложилось, результат не внешних, а скорее внутренних, татарстанских факторов. Председатель комитета Госсовета РТ по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Р.И. Валеев сказал об этом так: «Если бы мы создали университет до вертикализации власти, многое было бы проще. Но все затянулось. Наверное, не хватило решимости. Точно также мы упустили и вопрос латиницы. Татары любят все обсуждать»³⁷.

Действительно, высшее политическое руководство республики не форсировало переход учебных заведений на татарский язык обучения в ускоренном темпе. В выступлениях первого Президента республики М.Ш. Шаймиева подчеркивались постепенность развития национального образования, учет мнения родителей и обучающихся. В интервью газете «Восточный экспресс» в августе 2003 г. М.Ш. Шаймиев объяснял свой подход: «Когда пошел разговор о возрождении национальной школы, раздавались требования создать чисто татарские школы и чисто русские. Я тогда сказал: «А как вы это собираетесь делать? На микрорайон одна школа, как будете – возить детей или собираетесь сходу построить еще одну? Да, клас-

³⁵ Шаймиев М.Ш. Развитие Татарского государственного гуманитарного университета – важнейшая задача. Выступление на расширенном заседании Ученого совета ТГГПУ 27 апреля 2007 г. // Татарстан – прогресс через стабильность. – Казань: Идель-Пресс, 2008. – С. 663.

³⁶ Исхаков Д.М. Национальный университет: поиск новой парадигмы // Звезда Поволжья. – 2008. – №35. – 11–17 сентября. – С. 6.

³⁷ Ахмерова Г. Тяжелый разговор предстоит в Госсовете по поводу Татарского университета // Восточный экспресс. – 2005. – 11–17 августа. – С. 9.

сы нужны, но делайте их в этой же школе, и пусть в них учатся по желанию»³⁸. Поэтому темпы и масштабы развития национального образования зависели не в последнюю очередь от позиции местных администраций.

Обращает на себя внимание неравномерность распределения татарских школ по районам республики. Есть районы, по этническому составу татарские, где от 90% до 100% учащихся-татар получают образование на родном языке. На деле это означает, что в районе русскоязычных школ нет или есть одна школа в районном центре, а родители и дети реальной возможности выбора языка обучения не имеют. В других районах, тоже татарских по составу населения, этот показатель значительно ниже и варьирует от 58% до 79%. В последние годы в некоторых районах республики произошло заметное снижение количества детей-татар, обучающихся на татарском языке: в Верхнеуслонском районе, например, еще в 2002 г. на родном языке обучались 28,2% детей, в 2004 г. – лишь 8,9%. Та же картина в Менделеевском районе: здесь сокращение с 44,4% в 2002 г. до 28% в 2004 г., а в 16 районных центрах республики татарские школы не открыты до сегодняшнего дня. Всего же на селе 66,4%, по городам 40,4% школьников-татар получают образование на татарском языке.

Татарские школы и классы работают по учебным планам, рекомендованным Министерством образования Российской Федерации, с выделением часов на изучение татарского языка и литературы, истории татарского народа и Татарстана за счет регионально-национального компонента. В средней школе практически по всем основным дисциплинам используется рекомендованная федеральным министерством и переведенная с русского на татарский язык учебная литература, что позволяет сохранить единые стандарты обучения и единое образовательное пространство. Исключение составляют учебники по истории Татарстана и истории татарского народа.

Следует отметить, поскольку, на наш взгляд, это, несомненно, будет влиять на будущее татарской школы, что Министерством образования и науки РФ были даны крайне жесткие оценки изданным под грифом Министерства образования РТ учебникам по этнической истории. Эксперты считают, что некоторые из этих используемых в

³⁸ М. Шаймиев: Мы нашли золотую середину // Восточный Экспресс. – 29 августа – 4 сентября 2004. – С. 8.

учебном процессе в средних общеобразовательных школах книг содержат оппозицию «мы (татары) – они (русские)», закладывающую опасную конфронтационность. «Эта оппозиция осознанно формирует межнациональную неприязнь, нацелена на разобщение учащихся по этнонациональному принципу»³⁹.

В справке, подготовленной московскими специалистами, говорится, что ряд республик в составе РФ (в том числе Татарстан) использовали системы национального образования в качестве инструмента этнической мобилизации молодежи для достижения лежащих вне школы дивергентных национально-политических целей. Авторы резюмируют, что татарстанские учебники этнической истории «адекватно решают те задачи, которые представляют интересы национальных лидеров титульного этноса РТ. Поэтому... цели, содержание и общий результат этого курса фактически работают на разрушение единства политического пространства Российской Федерации»⁴⁰.

Ситуация с учебниками по истории Татарстана критикуется и местными учеными. «Некоторые из изданных учебников очень далеки от современных требований, – пишет Д.М. Исхаков, – ... содержат множество ошибок и неточностей, концептуально отражают вчерашний день исторической науки»⁴¹. Причину такого положения Д.М. Исхаков объясняет отсутствием реальной координации, экспертной оценки учебников и учебных пособий, поскольку в республике в принципе не существует структуры, занимающейся подобной деятельностью⁴².

Не выступая защитниками учебников, созданных татарстанскими учеными, обратим внимание лишь на два обстоятельства. Первое замечание связано с феноменом самого учебника истории, который, по общему признанию, часто отражает господствующую идеологию и политические цели. «Школьные учебники, – отмечают Д.Бар-Он и С.Адван, – становятся формализованной презентацией идеологии и

³⁹ Обзор учебной литературы по национальной (этнической) истории. – URL: <http://www.tataroved.ru/obrazovanie/conception/obzor/> (дата обращения: 07.03.2011).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Исхаков Д.М. Национальный университет // Звезда Поволжья. – 18–24 сентября 2008. – С. 2.

⁴² Остается за скобками вопрос: почему экспертизу не организывает Министерство образования и науки РТ с использованием институтов Академии наук Татарстана?

этики данного общества»⁴³. В этой связи нельзя не упомянуть о том, какие серьезные дискуссии проходят сегодня по методологии преподавания российской истории среди специалистов-ученых, школьных учителей, представителей политических партий, государственных чиновников. «В течение последних 20 лет, – отмечает Е.Добренькова, – в образовании реализовался курс на деидеологизацию истории. Однако на деле изменился лишь ее идейный вектор. Если в советский период история России преподавалась как трудный, но победный (а потому оптимистичный) путь к светлому будущему, то с конца 1980-х гг. – как отрицание страны. Сегодня школьники уверены в том, что живут в государстве, потерпевшем в мировой истории глобальное поражение и, значит, промыслом ему отведена роль мирового лузера»⁴⁴. Только в 2007 г. появилось пособие для учителей истории А.Филиппова «Новейшая история России, 1945–2006 гг.», написанное с иных позиций. Как заявил сам автор, самый главный принцип для него «права Россия или не права, но это моя страна... Каждый народ существует в каком-либо государстве – либо своим, либо чужом»⁴⁵.

Второе обстоятельство связано с тем, что в периоды этнонационального возрождения и усиления национальных движений изложение событий с точки зрения ценностей и мифов своего народа, которые общество хочет внушить следующему поколению, – в общем-то обычный и неоднократно описанный прием⁴⁶. Написание национальной истории в эти периоды имеет своей целью создание коллективной памяти, конструирование программы сегодняшнего дня, легитимацию политических движений. Ситуация в российской системе национального образования полностью соответствовала этим тенденциям. Мировая практика показывает, что эффективным способом разрешения противоречий в этой области является не запретительная практика, а совместная согла-

⁴³ Бар-Он Д. Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян? // INTER. – 2004. – № 2–3. – С. 43.

⁴⁴ Добренькова Е. Бал догм Маркса и «истории поражений» // Профиль. – 2008. – № 32, 1 сентября. – С. 25.

⁴⁵ Филиппов А. Краткий курс // Большой город. – 2007. – № 8 (189). – С. 26.

⁴⁶ См.: Преподавание региональной истории в Российской Федерации: материалы семинаров Совета Европы в РФ в 2004 году. – М.: Московский гуманитарный университет, 2005; Бар-Он Д., Адван С. Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян? // INTER. – 2004. – № 2–3.

сованная деятельность, учитывающая взгляды и устремления всех сторон, имевших непростые взаимоотношения в историческом прошлом. В литературе достаточно подробно описаны методики написания учебников коллективами авторов, представляющими разные этнические культуры⁴⁷. Можно предположить, что эти приемы позволяют представить детям историю Отечества в ее многообразии.

Таким образом, институционализация татарской этнокультурной школы происходит, преодолевая целый ряд противоречий. Эти противоречия, как представляется, обусловлены как изменениями общей политической ситуации в стране, так и незавершенностью проекта национальной школы и отсутствием единого дискурса о татарской школе в политическом классе республики.

⁴⁷ Бар-Он Д. Указ. соч. С. 43.

Л.В. Сагитова

ДОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ, ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ И АДАПТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ТАТАРСТАНА*

Введение в теоретический фрейм анализа объекта исследования

Период социальной трансформации представляет благодатный случай для наблюдения и анализа за процессами, происходящими в социальной сфере. Возможность захватить две кардинально различающиеся по ценностям эпохи дает пищу для сравнения и анализа происходящих изменений. Наблюдение за сменой идеологий, социальных норм, стратегий поведения людей и деятельности социальных институтов заставляют искать наиболее адекватные инструменты для анализа, как в методологическом, так и в методическом плане.

Целью предлагаемого вниманию исследования является трансформация советского института интернационализма – Дома Дружбы народов (ДДН) в Республике Татарстан в новую институцию. Последняя – характеризуется гибридностью в силу того, что в ней сочетаются паттерны советской системы и новые элементы, формируемые условиями рыночной экономики, процессами миграции и влиянием глобализированных институтов.

Объяснительная модель теоретиков конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана¹ не теряет своей актуальности для многих исследователей социальных процессов. Для анализа предлагаемого вниманию кейса – названная концепция используется в качестве зонтичной, поскольку дает возможность рассмотреть, каким образом усилиями социальных субъектов (государства и социальных /этнических/ групп) конструи-

* Статья написана по результатам исследования «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге». Партнерский проект АНО «Институт социальных исследований и гражданских инициатив» (Казань) с Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Грант Фонда МакАртуров № #06-86959-000-GSS (2006–2009 гг.). По итогам исследования издана коллективная монография – Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. – СПб.: Алетейя, 2011.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: «Медиум», 1995.

руется социальная реальность, приобретающая, со временем, свойства незыблемости.

В качестве инструмента конструирования выступают дискурсы, формируемые субъектами социального взаимодействия. Идеи М. Фуко² и его последователей Э. Лакло и Ш. Муфф³ помогают рассмотреть процесс наполнения деятельности институтов и групп смыслами, которые встраивают их деятельность в доминирующий дискурсивный концепт развития общества. Акцент Фуко на процессуальности дискурсов, их встроенности в определенную историческую эпоху⁴ является для моего анализа ключевым. Он заостряет внимание на обусловленности дискурсов, продуцируемых институтами и группами, социальным контекстом определенного исторического периода в жизни общества. Лакло и Муфф вводят в свою концепцию политику и политические процессы, они, по их мнению, имеют приоритет: «политические артикуляции определяют, как мы действуем и думаем, и таким образом, создаем общество»⁵. Однако авторы не исключают роли экономики и, в целом, материального. Авторы утверждают, что социальные и физические объекты существуют, но доступ к ним всегда опосредован системой значений в структуре дискурса. Физические объекты сами по себе не обладают значениями; значения им приписывают люди посредством дискурсов⁶.

² Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. – London: Routledge, 1972.

³ Laclau E. and Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. – London: Verso, 1985.

⁴ Он содержится в самом определении Дискурса Фуко: «Мы будем называть дискурсом группу высказываний постольку, поскольку они относятся к одной и той же дискурсивной формации [... Дискурс] строится на основе ограниченного количества утверждений, по отношению к которым можно определить группу условий их существования. В этом смысле дискурс – не идеальная, безвременная форма [...] – это фрагмент истории [...] который накладывает свое деление на части, свои трансформации, специфические способы темпоральности». Цит. по: Йоргенсен М.В., Филиппс Л.Дж. *Дискурс-анализ. Теория и метод* / Пер. с англ. – 2-ое изд., испр. – М.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – С. 36.

⁵ Филиппс Л., Йоргенсен М.В. *Дискурс-анализ. Теория и метод* / Пер. с англ. – 2-ое изд., испр. – М.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – С. 69.

⁶ Там же. – С. 71.

Дискурс трактуется Лакло и Муфф как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области⁷. Такой специфической областью в нашем случае выступает национальная политика государства, которая реализуется в рамках определенного дискурса с фиксированными ключевыми понятиями и смыслами. Субъектами дискурса выступают государство и этнические группы в лице социальных акторов, действующих от их имени. Его центральной категорией выступает этничность, которая с течением времени и сменой идеологических направлений меняет обозначающие ее понятия: «этносы», «национальности», «нацменьшинства» – в советский период – на «этнические группы» и «этнические меньшинства» – в постсоветский период. Современная национальная политика в репрезентации официального дискурса использует как риторику советского прошлого («сохранение самобытности и культур народов»), так и современные понятия: «россияне», «народы России», «этнические меньшинства».

С распадом империи, дискурс становится достаточно рыхлым и несистемным. Более того, меняется статус основных субъектов советской национальной политики: народы союзных республик из категории культурные «Свои» перешли в категорию культурные «Чужие». Культурные «Свои» теперь ограничены пределами Российской Федерации. Эта смена статусов закономерно повлекла и смену диспозиций, легитимировав существующую в советское время неофициальную иерархию, верхнюю ступень которой занимали славянские народы, а нижнюю – мусульмане Средней Азии и Кавказа. Описанная смена контекста и официального дискурса повлияла как на трансформацию самого института ДДН, так и на направления и мотивацию его деятельности.

Теория П. Бурдьё⁸ помогает выявить мотивационную сторону взаимодействия названных субъектов. Каждый из них (государство, лидеры этнических меньшинств) располагает определенными ресурсами (административные, экономические, формальное и неформальное лидерство, сетевые коммуникации) В процессе их взаимодействия создаются механизмы приобретения и использования различных форм капитала: культурного, социального, экономического, символическо-

⁷ Там же. – С. 56.

⁸ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. №5.

го. Прагматизм деятельности и целевые установки, сформированные природой участвующих социальных институтов, определяют систему конвертации форм капиталов друг в друга⁹.

Для исследуемой институции ДДН, в силу ее «общественного» характера и роли посредника между государством и этническими группами важна категория социального капитала, поскольку успех ее деятельности напрямую зависит от глубины и развитости реальных или потенциальных ресурсов ее акторов. Причем, их ресурсы и сети должны быть представлены двумя направлениями: с властными структурами и с самим этническим сообществом. Значимость этого сетевого ресурса для лидеров ДДН является первостепенной, она представляет предмет и основу функционирования организации как социального актора. Поэтому ценность для анализа объекта исследования представляет и фокус Дж. Коулмана¹⁰, сделавшего акцент на важности человеческих отношений в формировании социального капитала¹¹.

Приведенная перспектива важна для изучаемого предмета и потому, что рациональность, как основная мотивация формирования социального капитала, несет в себе тенденцию трактовать его преимущественно инструментально. Уйти от одновекторности помогает типология интересов М. Вебера, разделившего их: на материальные (экономические, политические, социальные и др.) и идеальные (стремление выполнить безусловные требования, налагаемые верой, конечными ценностями, групповой идентичностью)¹². Следует оговорить, что само по себе разделение интересов на материальные и иде-

⁹ Бурдые П. Формы капитала...; Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т.3. №4.

¹⁰ Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol.94. Supplement.

¹¹ Коулман трактует социальный капитал как «потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, которые зависят от того, насколько заслуживает доверия социальное окружение актора, информационные каналы и их пропускные способности, социальные нормы, не сопровождаемые санкциями». Цит. по: Корнеева А. Формы капиталов в профессиональной деятельности адвокатов / Антропология профессий: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. – С. 166.

¹² Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. – М.: РГГУ, 2000. – С. 17.

альные в исследовательской интерпретации довольно сложно, здесь не существует, как подчеркивал сам Вебер, непроходимой границы. Например, политические интересы могут мотивироваться стремлением к власти, которая, в конечном счете, может определяться двояко: 1) материальными интересами; удовлетворением властных амбиций; 2) материальное вознаграждение выступает условием для реализации идеальных целей¹³.

И еще один важный аспект анализа связан с процессом глобализации. Что происходит с ценностями, нормами, культурами, традициями и поддерживающими их институтами? Из множества концепций трансформации культуры в условиях глобализации для целей настоящего исследования я выбрала исследование культурной динамики в рамках большого международного проекта под руководством П. Бергера и С. Хантингтона¹⁴ и исследование традиций и инноваций А.Б. Гофманом¹⁵. Модель ДДН советского периода можно интерпретировать как традицию, включающую в себя профессиональный дискурс, формы деятельности, бюрократический регламент взаимодействия с властными структурами, этническими группами и сообществом в целом. Инновации – новые дискурсы и практики – стимулируются трансформирующимся социальным контекстом.

А.Б. Гофман предпринял плодотворный анализ традиции и инновации в контексте их диалектического взаимодействия. По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Важной стороной анализа становится исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определенных социокультурных комплексах и ситуациях. Ученый выделил различные типы

¹³ Практика показывает, что интервьюируемые информанты склонны идеализировать мотивы своей деятельности интересами группы, идеальными целями. Но подтвердить, или опровергнуть это можно только в случае длительного наблюдения, общения и нахождения в поле.

¹⁴ Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004.

¹⁵ Гофман А.Б. От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. – М.: РОСПЭН, 2008. – С. 20.

традиции: «традицию-инерцию» (воспроизводство привычного порядка вещей); «традицию-ностальгию» (воспоминания о прежних временах); «традицию-реставрацию» (стремление восстановить реальное или мифическое прошлое); «традицию-ритуал» (воспроизведение в символической форме тенденции и события прошлого); «традицию-константу» (культурный образ, сохраняющийся в определенном обществе в течение длительного времени) «традицию-оболочку» (сохраняет новое явление в старой оболочке). Его призыв исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями: инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации – еще раз акцентирует невозможность сегодня говорить о традиции как о статичном и неподвижном феномене¹⁶.

Что касается трансформации культуры и обслуживающих ее институтов, то здесь плодотворную перспективу задает работа Я.М. Ковача¹⁷, венгерского экономиста, исследовавшего процесс культурной глобализации в рамках упомянутого выше проекта. Автор, на примере своей страны, пережившей советскую глобализацию и пытающуюся восстановить свою собственную «родную» культурную идентичность, показал несостоятельность полярных интерпретаций по осям: традиция – инновация, социализм – капитализм, национальная культура – глобализированная культура. Автор рассматривает влияние внешних и внутренних факторов на конструирование социальной реальности в своей стране. Среди них: импорт западной и восточной культур, либерализация социального и экономического пространства, инерция советской глобализации, проявляющаяся как в материальном измерении, так и в габитусе социальных институтов, групп и личностей¹⁸. Несмотря на главный фокус автора – контекст проникновения и адаптации культурных заимствований и их режимы сосуществования с местными элементами культуры – для настоящей работы важен выявленный исследователем феномен гибридности¹⁹, сосуществования разнородных элементов культуры.

¹⁶ Там же. – С. 20.

¹⁷ Ковач Я.М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004.

¹⁸ Там же. – С. 166.

¹⁹ Там же. – С. 183–184.

Исследование осуществлялось качественными методами, среди которых: включенное наблюдение, глубинные полуструктурированные интервью с мигрантами, биографические и экспертные интервью с лидерами и активистами национально-культурных автономий (НКА), входящих в Ассамблею народов Республики Татарстан (АНТ), базой которой является Дом Дружбы народов.

Дом Дружбы народов как институт идеологии интернационализма: ограничения современного контекста

Декларируемые большевиками демократические ценности: Свобода, Равенство, Братство не могли не затронуть и сферу этничности. Дискурс равноправия всех народов, населяющих СССР имел идеологическое обоснование и подкреплялся институционально: для каждого из народов была создана своя «национальная квартира» – союзная, или автономная республика с коренным и некоренным населением; поощрялось развитие на государственном уровне национальных культур и элит. Фиксация национальности родителей в свидетельстве о рождении ребенка, а затем и в 5-ой графе паспорта отождествляла национальность с этничностью, а последнюю возводила в ранг естественных атрибутов человека. Наряду с этим поощрялись различные формы общественной инициативы по созданию землячеств тех этнических групп, что проживали за пределами своих республик. Землячества, создаваемые на базе культурно-просветительных или образовательных учреждений, имели своей целью поддержание родной культуры и языка, а также представительство национальности в местном сообществе.

В Республике Татарстан Дом Дружбы народов был структурным подразделением Национального культурного центра «Казань»²⁰. В 1992 г., на волне демократизации, на учредительной конференции была создана Ассоциация национально-культурных обществ РТ (АНКО РТ)²¹. Ассоциация объединяет национально-культурные общества 35

²⁰ Национально-культурный центр «Казань» имеет статус государственного культурно-просветительного учреждения. С 1981 г. до 1991 гг. являлся филиалом Центрального музея В.И. Ленина в г. Казани.

²¹ С 2009 г. АНКО РТ переименована в «Ассамблею народов Татарстана» (АНТ). Поскольку исследование осуществлялось до переименования, мы используем в тексте старое название – «АНКО РТ»

этнических общин²², представители которых проживают на территории республики. В 1999 г. правительство республики выделило отдельное здание в центре Казани для ДДН «с целью оказания государственной поддержки общественным национально-культурным организациям, входящим в состав АНКО РТ, по возрождению, сохранению и развитию культур народов Республики Татарстан»²³. Основные функции Дома Дружбы народов – обеспечение материально-технических и организационно-методических условий для работы Ассоциации.

АНКО РТ и Дом Дружбы вели работу по приданию ДДН республиканского статуса. В 2005 г. по Указу Президента Республики Татарстан, Постановлением Кабинета Министров РТ, Дом Дружбы народов получил статус государственного учреждения. Учредителем его выступает Кабинет Министров Республики Татарстан, прямое подчинение – Министерству культуры РТ. Сейчас организация имеет официальное название «Дом Дружбы народов Татарстана».

История создания ДДН и самой АНКО РТ свидетельствует о действенности инерции советской идеологии интернационализма в период девальвации коммунистических ценностей. Парадоксальность заключается в том, что сменившийся контекст уже иначе интерпретирует культурного «Другого» – теперь он «иностранец», гражданин экономически неблагополучных стран СНГ. Если прежде жители союзных республик Средней Азии и Кавказа воспринимались в массовом сознании через образы преимущественно милых, наивных смешных, иногда сатирических персонажей советского кинематографа и были «своими», мало выделяясь в общем пространстве не только в силу малочисленности, но и в результате действия доминирующего идеологического дискурса, то сегодня миграционные потоки, несущие в большей мере неквалифицированную рабочую силу, воспринимаются как «чужаки», «гости с юга» с отрицательной коннотацией, порождая массовую ксенофобию. Дело не только в сменившем ориентире массовом сознании, но и в законодательных актах об «иностранцах», определяющих регламент и охраня-

²² В начале деятельности ДДН и АНКО РТ представляли 9 этнических общин. Количество зарегистрированных общин и национально-культурных организаций не совпадает: последних значительно больше. Если же говорить в целом о республике, то в Татарстане зарегистрирована 81 национально-культурная общественная организация, около 70 участвуют в деятельности Ассамблеи народов Татарстана. Источник: <http://www.an-tat.ru>

²³ <http://www.an-tat.ru/ddntat/>

тельно-карательный характер деятельности государственных и силовых структур. Именно сменившийся социальный контекст заставляет трансформироваться институт ДДН, в поиске ответов на вызовы времени. Примечательно, что при этом его акторам приходится сочетать идеологически противоречащие друг другу дискурсы и практики, как официальные, так и теневые. Все это сообщает ему черты гибридности, что в свою очередь, является приметой глобализационных процессов.

Одной из самых сложных социальных ролей АНКО РТ и ДДН является роль посредника между мигрантским сообществом и такими структурами, как МВД и ФМС. Именно эта сфера является наиболее проблемной, содержащей в себе узел противоречий и зону столкновения разнонаправленных дискурсов: дискурса дружбы народов, утверждающий бережное отношение ко всем этническим культурам и их носителям на территории республики, и новой российской миграционной политикой с дискурсом жесткого контроля и санкция против приезжающих «чужаков».

Исследуя взаимодействие милиции и мигрантов и деятельность АНКО РТ в этой сфере, мы не стремились охватить все этнические группы, а ограничились двумя общинами – узбекской и азербайджанской. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами. Первая связана с тем, что эти общины наиболее многочисленные в республике и, следовательно, могут претендовать на представительство. Кроме того, обе имеют различающиеся истории адаптации к местному контексту. Третья причина – в преднамеренном ограничении объектов (ввиду ограниченности временных ресурсов) для более глубокого их исследования. Кроме того, отдельное исследование узбеков-гастарбайтеров параллельно проведенное автором²⁴, дало возможность использовать дополнительные данные для анализа.

В ходе исследования выяснилось, что картина отношений мигрантов с милицией в Казани достаточно сложна и многоаспектна: ряд разных факторов оказывает влияние на складывающиеся практики их взаимодействия. Среди них можно назвать: местную традицию вы-

²⁴ Имеется в виду исследовательский проект «Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей», реализованный ЦНСИ в Санкт-Петербурге, в Татарстане – ИСИГИ в 2007 г. (Координаторы: С. Абашин, Е. Чикадзе; по Татарстану – Л. Сагитова). Исследование в Татарстане проводили Л. Сагитова и Э. Нурутдинова.

страивания межкультурных отношений, определенную сложившейся практикой управления, характерной для политической элиты Татарстана; инерцию советского партийного «габитуса»; деятельность культурных институтов (ДДН, АНКО); миграционные истории и условия адаптации каждой из этнических групп; различные уровни институционального взаимодействия мигрантов с принимающим обществом; внутригрупповую дифференциацию приезжающих на заработки мигрантов.

Миграция и региональный контекст

Значительный приток мигрантов в Республику Татарстан объясняется миграционной привлекательностью региона. Все без исключения респонденты чаще всего указывали в качестве доминирующего мотива выбора места работы то обстоятельство, что Татарстан – мусульманский регион. Судя по нарративам опрошенных нами мигрантов-гастарбайтеров, их представления об общих с татарами мусульманских нормах и ценностях, об общем тюркском происхождении стимулируют их ожидание лояльности и солидарности со стороны местных жителей. Важное для них обстоятельство – гарантированная выплата заработной платы – связывается ими с этическим кодексом мусульманина (ожиданием, что «мусульманин мусульманина не обманет»). У некоторых из информантов уже был негативный опыт, когда им не выплачивали заработанные деньги в Москве, Санкт-Петербурге и других российских городах. Представления о Татарстане, сложившиеся внутри сети, влияют на выбор информантами именно этого региона России.

Другой важный довод для приезжающих гастарбайтеров-мусульман – наличие мечетей: почти все опрошенные мигранты ходят в мечеть. О значимости доступности мечетей и медресе²⁵ говорили женщины узбекского происхождения, поскольку эти институты помогают им воспитывать детей в канонах ислама, что особенно важно в условиях отрыва от традиционной узбекской махалли²⁶.

²⁵ «Медресе» – религиозное учебное заведение для мусульман.

²⁶ Махалля – традиционный социальный институт общинного типа или квартальная форма организации общественной жизни в Узбекистане и среднеазиатских республиках бывшего СССР. Как правило, центром такого квартала – махалли является мечеть, служащая своего рода культурным центром, в котором проходят пятничные собрания населения махалли и совершается торжественная пятничная молитва в намаз.

Индикатором отношения местного населения к мигрантам могут служить данные опроса населения республики²⁷, в т.ч. их реакция на постановление правительства 2006 г. о запрете не-гражданам РФ заниматься торговлей на рынках²⁸ (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к людям, приезжающим в республику из стран бывшего СССР и дальнего зарубежья?» (укрупненные категории), (%)

	Национальность					
	Русские		Татары		Другие	
Отрицательно/ скорее отрицательно	53	12,3	60	10,7	10	11,2
Нейтрально	183	42,5	281	50,3	26	29,2
Положительно/ скорее положительно	182	42,2	191	34,2	48	53,9
Затрудняюсь ответить	13	3,0	27	4,8	5	5,6
Всего	431	100,0	559	100,0	89	100,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к запрету не-гражданам Российской Федерации заниматься торговлей на рынках?» (укрупненные категории), (%)

	Национальность					
	Русские		Татары		Другие	
Отрицательно/ скорее отрицательно	89	20,6	119	21,3	17	19,1
Нейтрально	172	39,9	232	41,5	40	44,9
Положительно/ скорее положительно	125	29,0	156	27,9	23	25,8
Затрудняюсь ответить	45	10,4	52	9,3	9	10,1
Всего	431	100,0	559	100,0	89	100,0

²⁷ Республиканское социологическое исследование «Изучение межэтнических отношений в Республике Татарстан», проведенное ЦАИР и ЦЭСИ ИИ АН РТ в 2007 г. Рук. Салагаев А.Л., Мусина Р.Н.

²⁸ Имеется в виду Постановление Правительства РФ № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» от 15 ноября 2006 года.

Из возможных противодействующих миграции факторов следовало бы упомянуть активные в РФ националистические организации и скинхедов. Однако в Татарстане их деятельность практически незаметна. Расистские акции здесь непопулярны. Это обстоятельство также делает регион привлекательным в глазах мигрантов.

В формировании толерантности важную роль играет культурная политика республиканской политической элиты, поддерживающей имидж региона как «перекрестка исламской и христианской цивилизаций», «мирного сосуществования двух культур и религий» и т.п. Эти идеологемы укоренились благодаря ряду факторов. С одной стороны, это продолжение советской политики интернационализма в новой социально-политической конъюнктуре. С другой стороны, это удачный ответ на вызовы современности, когда властная элита использует имеющиеся ресурсы («мирный ислам», «межэтническое согласие») для утверждения «особого» имиджа региона в рамках Российской Федерации и теперь уже на международном уровне²⁹. Особое внимание политической элиты к этничности связано и с тем, что именно этнический ресурс стал решающим для местной элиты в процессе перераспределения властных полномочий в рамках РФ в начале 1990-х гг.

Наиболее зримой иллюстрацией культурной политики является деятельность ДДН и АНКО РТ. Кроме того, власти поддерживают инициативы третьего сектора в рамках проводимой политики. Например, общественно-благотворительная организация «Центр толерантности «Поволжский мир»³⁰ разработала программу этноконфессиональной и социокультурной адаптации мигрантов «Культура доверия», направленную на работу с мигрантами из Азербайджана и стран Средней Азии, которая действует в республике с 2007 г.³¹

²⁹ Одной из целей визита Госсекретаря США Хилари Клинтон в 2010 г. было знакомство с опытом Татарстана как региона межэтнического и межкультурного мира.

³⁰ Организация работает в Татарстане с 2002 года. «Центр толерантности «Поволжский мир» занимается образовательными и культурными программами, которые направлены на пресечение, профилактику религиозного и национального экстремизма, формирование толерантного сознания нашего населения, прежде всего это касается молодежи. Одно из направлений деятельности – работа с правоохранительными органами.

³¹ В. Роскин: «Толерантность – это терпимость, понимание, доверие и взаимодействие» // ИА «Татар-информ», 14 ноября 2007 г.; <http://www.tatarinform.ru/news/2007/11/14/84074/>

Мигранты, ДН и силовые структуры: контекст взаимодействия

Объем миграционных потоков порождает проблемы для региональной бюрократии, которой важно контролировать ситуацию в республике. Собственно передача миграционной структуры в ведомство МВД объясняется чиновниками именно с этих позиций. Желание контролировать ситуацию стимулирует УФМС РТ поддерживать связи с лидерами этнических общин. Взаимодействие осуществляется на институциональном уровне. Первое соглашение между АНКО РТ и административными институтами республики, регулирующее эти взаимоотношения было заключено в 2000 году, затем – в 2006 г. и в июне 2009 г. – в новых редакциях. Из интервью с начальником УФМС в РТ:

«...у нас очень тесные взаимодействия. Вот недавно мы там, наверное, месяца еще не прошло, подписали Договор между девятью ведомствами, <...> о совместном сотрудничестве <...> И вообще, мы стараемся, <...> встречаться с представителями общин для того, чтобы проблемы их выслушать... Довести до них какие-то новые законодательные акты, еще что-то, обстановку в республике, что у нас творится, допустим, по национальностям. Такой обмен происходит на постоянном уровне. <...> хотя бы два раза в квартал мы стараемся встречаться»³².

Самой болезненной проблемой для мигрантов является регистрация и соблюдение регламента пребывания на территории России. Для нас было важно исследовать региональный контекст и посмотреть, как складывается ситуация с регистрацией мигрантов в Татарстане, поскольку нарушение регистрационного режима чаще всего становится поводом для взаимодействия мигранта с сотрудниками милиции и ФМС. Как показали материалы исследования, реформированная практика регистрации мигрантов не может быть оценена однозначно, поскольку весьма противоречива. В решение проблем регистрации мигрантов включена и АНКО РТ: *«Мы создали комплексную Программу, в помощь мигрантам, создали Центр социальной и правовой помощи иностранным гражданам. Этот Центр уже десяткам тысяч мигрантам оказал помощь в регистрации, в получении разрешения на трудовую деятельность, и просто уже отбил сотню мигрантов от судебных преследований и т.д., то есть пересмотра судебных решений. То*

³² Интервью взято автором в июне 2009 г.

есть мы защищаем права, в том случае, когда они правы...» (62 года, Председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

С принятием нового закона о порядке трудовой миграции были введены квоты на приезжающих мигрантов-рабочих по регионам, призванные регулировать миграционные потоки. Несмотря на достаточное количество квот, многие мигранты предпочитают серый рынок труда и нанимаются к частникам без разрешения на работу. АНКО РТ просит лидеров общин проводить профилактическую работу среди приезжающих в целях соблюдения налогового законодательства:

«Мы объясняем, что все равно тебе дешевле законно работать, чем незаконно. Ты там коттедж строишь, год будешь строить <...> там тебе <...>, денег не отдадут и т.д., и ты ничего не сделаешь. А если ты под нашим контролем будешь законно работать, все, что тебе положено, ты получишь и т.д. Налоги, да, налоги ты заплатишь, что положено» (62 года, председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

В рамках реализации последнего Соглашения Ассамблеи народов Татарстана (2009 г.) было создано Республиканское Агентство занятости и правовой помощи иммигрантам, в функции которого входит работа с иностранными гражданами.

Поскольку выходцы из республик СНГ, проживающие и работающие в Татарстане, часто сталкиваются с трудностями во взаимоотношениях с правоохранительными органами, руководители азербайджанского и армянского обществ предложили в 1998 году создать Консультативный Совет из представителей Министерства внутренних дел и АНКО РТ. Примечательно, что и силовые структуры, и сами лидеры АНКО РТ осознают эффективность позиции Посредника ДДН и АНКО РТ для всех участвующих в процессе сторон. Вот что об этом рассказал в экспертном ее интервью председатель: *«... проблемы, они много лет тому назад возникали... И вот азербайджанская община уже гораздо раньше начинала ставить вопрос. <...> нужно, чтобы МВД находило поддержку у нас, от лидеров и т.д., в данном случае, именно через общины воздействие на вот этот поток мигрантов, оно наиболее эффективно. И как говорит министр (министр МВД – Л.С.): вот к нему в погонах он не пойдет, а вот к тебе, к своему земляку он пойдет. Вот исходная посылка, то есть нас никто не заменит. <...> Вот эти вот три стороны: мигранты, общины, силовые структуры вот они вот должны тесно взаимодействовать и рабо-*

татья. И вот когда выстраивается такая схема, это же платформа... Когда возникает любая критическая ситуация, любой лидер азербайджанской, киргизской общины напрямую звонят УФМС, МВД и т.д. Его выслушивают, не говорят, кто ты такой, допустим <...> То, что все равно какие-то нарушения и с той, и с другой стороны есть, они есть, это глупо оспаривать, есть они. Но чем дальше идет вот такое взаимодействие, тем эффективнее вот эта работа, то есть тем меньше каких-то уровней нарушения. Можно привести много примеров, когда мы снимали эти напряженности» (62 года, Председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения)³³.

Наряду с этим, лидеры общин, входящие в Ассамблею народов РТ, проявляют инициативу на своем уровне. Как показало наше исследование, установление связей с МВД РТ со стороны НКА узбеков стимулировалось, прежде всего, причинами исчезновения людей, приезжающих на заработки, а также принуждением приезжих мигрантов к рабскому труду.

Решение описанных выше проблем невозможно без участия милиции. По словам лидеров общин, они поддерживают тесные связи с МВД республики на взаимовыгодных условиях: *«У нас с МВД связи хорошие, они к нам обращаются и мы – к ним, если что-то случается. Вот, например, бывает так, что пропадают узбеки. Мы подключаемся, стараемся их найти. (...) Вот, <...> случай, когда привезли группу из Узбекистана на железобетонный завод. Держали как рабов 17 человек. Мы узнали, вышли на оперативников и вместе с ними поехали на завод. Там высокий забор, выйти невозможно, кое-как с помощью милиции удалось выволить эту группу узбеков.... Благодаря МВД, <...> мы их убрали. Теперь мы сами взяли этот процесс в свои руки»* (62 года, Председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

Стремление снизить риски для приезжающих мигрантов, а также контролировать ситуацию в этнической общине стимулировали лидеров НКА узбеков заняться организацией набора рабочей силы из Узбекистана. Затем действие этого механизма воспроизводится через родственные и соседские связи. Было бы упрощением приписывать альтруистическую мотивацию деятельности лидеров национально-культурных автономий, образующих АНКО РТ. Например, история возникновения НКА узбеков наводит на мысль о том, что этот инсти-

³³ Интервью было взято автором в апреле 2007 г.

тут выполняет функцию символического капитала для ее лидеров и активистов. Биография председателя свидетельствует о том, что поначалу он был простым предпринимателем, тщетно пытавшимся мобилизовать земляков для защиты прав и решения возникающих проблем. Но активность, целеустремленность, умелый PR и благоприятный случай способствовали взлету его социального статуса. Тем не менее, стремление реализовать личные цели и амбиции в рамках созданного им института накладывают на него, так же как и на других активистов, институциональные обязательства, которые невозможно игнорировать. Связь и работа с приезжающими в республику мигрантами, решение проблем их адаптации является одним из них.

Беседы, проведенные с лидерами НКА и простыми трудовыми мигрантами, свидетельствуют, что практики взаимодействия с милицией в Казани имеют различия, связанные с уровнем взаимодействующих сторон. Верхний уровень – Координационный Совет – характеризуется достаточно отлаженными механизмами в решении вопросов, касающихся регулирования миграции, причем представители НКА отмечают положительную динамику в практике совместной работы с государственными институтами.

«И вот тогда (Информант имеет в виду период до создания АНКО и Координационного Совета при МВД РТ – Л.С.) с правоохранительными органами были большие проблемы, они приезжали автобусами, какой-то рейд проводят там, документы есть, нет, все забирают там, избивают там, много таких случаев было. <...> Образование АНКО и дальше развитие АНКО дало возможность уладить отношения с правоохранительными органами. И они начали слушаться АНКО, они как-то, ну, тесную связь держали. Можно было напрямую обращаться к начальнику, какому-то министру там, еще к кому-то, вот таким этот высоким чинам могли бы сюда обращаться... и, таким образом, постепенно улучшилось. Ну, в последние годы, слава Богу, в целом, то, <...> ну, даже уголовные дела можно возбудить...» (62 года, Председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

Взаимодействие среднего уровня – лидеров и активистов общин с чиновниками и офицерами милиции среднего звена – оценивается как частично эффективное, поскольку, с одной стороны, налажены каналы реагирования на вопросы, письма, обращения мигрантов, но, с другой

– реакция зачастую оказывается формальной, не решающей проблемы, или приходится сталкиваться с грубостью.

«Вот об эффективности когда мы говорим, вот эффекта нет... Когда мы обращаемся [со] своими проблемами, но исчерпывающего ответа не находим, не всегда. Так приятно бывает вот, когда в какую-то высшую инстанцию идешь, в какие-то правоохранительные органы или где-то, это особенно в правоохранительных органах происходят такие негативные случаи. В Аппарат Президента придешь, скажешь, его должность гораздо выше, чем этого майора, а он лично о себе спрашивал у меня так хорошо, с уважением принимает, приглашает в кабинет, приглашает, говорит: “Пожалуйста, присаживайтесь”. Спрашивает, как дела, как поживаете – вот так он начинает, так приятно, даже душу хочешь отдавать ему. А есть такие места, там зайдешь, не только там... в дверь: “Ну, куда лезешь!”. А он один сидит, ты постучал, потом спрашивал: «Можно?». А он: “Куда лезешь-то!”» (44 года, юрист, гражданин РФ азербайджанского происхождения).

Нижний уровень – практики взаимодействия рядового состава МВД с мигрантами – демонстрирует разные сценарии: а) нейтральный – осуществляется проверка документов в соответствии с официально установленным регламентом; б) взаимовыгодное взаимодействие – чаще всего, с мигрантами, проживающими в границах участка, находящегося в ведении участкового; в) пренебрежительно-уничижительное отношение к мигрантам как гражданам второго сорта.

По свидетельствам опрошенных нами юристов, были случаи превышения служебных полномочий, применение насилия, однако статистика таких инцидентов не ведется, поэтому сложно судить о масштабах злоупотреблений подобного рода. Судя по описанному мигрантами стилю общения, рядовые милиционеры преимущественно используют практики контроля и санкций. На низовом уровне пока не сложились механизмы гражданского взаимодействия, формированию которых препятствует профессиональный этос, жестко разделяющий «стражей порядка» и простых граждан. По отношению к мигрантам воспроизводится отношение как к гражданам второго сорта, им имплицитно приписывается склонность к преступлениям. Нарративы интервью свидетельствуют об отсутствии интенции к позитивному взаимодействию, стремления понять и найти общий язык.

Правовая помощь мигрантам

Мигранты привыкли к постоянным проверкам и санкциям со стороны милиции и ФМС, являются, как уже говорилось, закрытой группой однако попытки взять у них подробное интервью об их отношениях с милицией практически всегда заканчивались неудачей. С ними можно было говорить на множество разных тем, но как только затрагивалась тема милиции – они закрывались, судя по всему боясь провокаций. И лишь обращение к знакомым, имеющим долгий контакт с мигрантами, или же к лидерам общин помогло нам собрать необходимый материал.

Судя по свидетельствам интервьюируемых, возможность защитить свои права при общении с милицией зависит от разных факторов. Мы выделили следующие:

1. Степень включенности мигранта в сети отношений и связей, выстроенных НКА. В этом случае существует возможность обратиться к официальной организации, которая способна как-то помочь.

2. Организованное устройство на работу либо в организацию, с которой официально взаимодействует НКА, либо к «хозяину» – заказчику, который берет на себя урегулирование вопросов трудоустройства и регистрации. В обоих случаях – степень защищенности мигранта выше.

3. Приезд к родственникам, знакомым, не встроенным в этнические сети. В качестве примера, можно рассмотреть узбеков, ремонтирующих обувь на улицах и во дворах. В короткой беседе с одним из них выяснилось, что он приехал «к своему брату» и заменяет его на рабочем месте. Рядом находится Пункт охраны общественного порядка с участковым. Оказалось, что участковый «защищает», опекает его. Судя по нашим интервью с милиционерами, это достаточно широко распространенная форма взаимных услуг.

Приехавшие «дикарем» (скорее всего таких мало – судя по интервью, едут к своим, или же по рекомендации) – самая незащищенная категория перед МВД и миграционной службой.

Наше исследование показало, что приехавшие в Казань, так же как и петербургские мигранты, практически не обращаются за помощью в правозащитные организации. Так, по словам Председателя Казанского правозащитного центра И. Шолохова, за все годы их работы не было случая обращения с жалобами по нарушению гражданских прав со стороны мигрантов.

По словам лидеров НКА, защитой прав приезжающих мигрантов занимается Ассоциация народов РТ. Лидеры и активисты НКА выступают посредниками, участвуют в следственных и судебных действиях. В какой-то мере помощь пострадавшим и осужденным оказывают волонтеры из числа самих мигрантов. Лидеры и рядовые члены общин посещают специальный приемник-распределитель УВД Казани, где содержатся граждане, подлежащие выдворению с территории РФ; оказывают материальную помощь нуждающимся, передают продовольствие и одежду; НКА оплачивает доставку погибших или умерших мигрантов на родину.

Заместители председателей НКА узбеков и азербайджанцев выступают в качестве переводчиков на судебных разбирательствах, а зампредседателя азербайджанской НКА, по профессии юрист, занимается правовой защитой приезжих азербайджанцев. Беседы с мигрантами, с лидерами общин и юристами дали возможность выявить несколько стратегий защиты прав приезжающих:

1). В АНКО РТ работают свои адвокаты, к которым могут обратиться мигранты.

2) Урегулирование конфликтных ситуаций внутри общины (стратегия «не выносить мусор из избы»). Например, в рамках НКА узбеков сложились свои внутренние принципы решения конфликтных ситуаций между узбеками, включенными в общинные сети. Как объяснил Председатель Автономии, он сам выполняет функцию неформального судьи.

3) Мигранты предпринимают попытки самостоятельно найти общий язык с милиционерами, сотрудниками ФМС, обеспечить долговременные связи при помощи взяток и услуг.

Сюжеты, описанные мигрантами в интервью, свидетельствуют о том, что лидеры общины используют все имеющиеся ресурсы для улаживания возникающих конфликтов: как официальные каналы связи с милицией, налоговой инспекцией и ФМС, так и теневые, неформальные связи. Однако приведенные примеры и свидетельства рядовых мигрантов самих лидеров общин подводят к выводу об отсутствии эффективных стабильных механизмов разрешения конфликтных ситуаций правовым путем посредством привлечения государственных институтов: *«Я просто сказал бы – это государство должно делать, власти. Не я должен за них думать, пусть они думают. Есть проблема, решай проблему. Это государственная проблема, ты ее решай.*

Такое мое мнение...» (62 года, Председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

Для защиты прав мигрантов, как правило, используется стратегия личного вмешательства лидеров общин для улаживания конфликта, который, в таком случае, завершается в пользу притесняемого мигранта. Но очевидно, что объективно лидер общины и его помощники не способны включиться в разрешение всех конфликтных ситуаций, происходящих между милицией и приезжающими мигрантами.

Заключение

Современная ситуация, в которой взаимодействуют этнические общины и милиция, характеризуется противоречивыми и неоднозначными тенденциями. Ее можно назвать гибридной, поскольку поле практик сочетает инерцию советского прошлого, элементы рынка, в котором пока отсутствуют непротиворечивые и стабильные правила игры; элементы западной демократической культуры; новые постсоветские формы государственной централизации.

Так, с одной стороны, наше исследование показало, что социальные институты, созданные по старому лекалу, под давлением внешних обстоятельств, вызовов времени имеют тенденцию трансформироваться и обретать новые, глобализационные черты. Так Дом Дружбы народов РТ сочетает в себе как элементы советской системы, так и новые, формируемые условиями рыночной экономики, процессами миграции и влиянием глобализационных институтов. Примечательно и то, что черты гибридности несут в себе все его аспекты. Если говорить о структуре, то ДДН и АНКО имеют статус государственного учреждения, но объединяют под своей крышей общественные организации в форме национально-культурных автономий (НКА). Само существование и деятельность ДДН и его подразделений определяется дискурсом, носящим гибридный характер: дискурс советского интернационализма и дискурс правового гражданского общества. Гибридный характер носят и существующие в ДДН практики, сочетающие официальные практики советской партийной бюрократии, сетевое взаимодействие и теневые практики.

Нахлынувшие миграционные потоки изменили региональный ландшафт, и отвечать на вызовы времени приходится, в том числе, и этому институту.

«Вот я лично отгораживался от этого, потому что мы, этнические сообщества, я, мы, граждане России – зачем нам базарные люди и т.д. Довольно долго я лично, по крайней мере, противодействовал этому. Но я понял, что это – проблема. Если мы не будем заниматься этой проблемой, она будет обостряться. Прямое взаимодействие мигрантов с чуждой культурой, причем уже с плохим знанием языка, отсутствием вот тех старых советских понятий и т.д., она приведет к каким-то критическим явлениям. Причем это же масса, это же сотни тысяч людей, это уже не два человека там окна побили друг другу, это уже серьезные социальные будут последствия. Поэтому мы взяли за эту работу» (62 года, председатель АНТ, гражданин РФ казахского происхождения).

«...люди приходят со всеми этими проблемами, вот, ну, наши органы, организации – не политические органы. По Уставу мы должны сохранить культуру, язык, вот эти показать, кое-что, какие-то вот, этим заниматься, а по уставу в Ассамблее на 16 месте стоит защита прав своих национальностей, ну, своих народов, ну, на азербайджанцы... это тоже плохо. Но у него особенно проблема <...> ну когда вот говоришь, приходи на концерт, а он говорит, я еще регистрацию не могу делать, как я туда приду? Получается, это же не 16-е место мы должны поставить, на первом, на втором хоть где-нибудь. <...> есть соответствующие органы, а соответствующие органы он не может прийти, даже если дойдет, он не может делать свое. Приходится, ну, каким-то, обходя законы, через знакомых, каким-то образом, если свои проблемы» (44 года, юрист, гражданин РФ азербайджанского происхождения).

Теперь наряду с показательными Днями культуры этнических обществ, в республике ведется многосторонняя работа с приезжающими мигрантами. Новая роль Посредника между приезжими и принимающим сообществом заставляет обращаться к опыту развитого в западной демократии института посредничества, новым формам взаимодействия в сложных ситуациях. Хотя при этом, как уже отмечалось выше, используется весь возможный арсенал средств – от легитимных до неформальных и теневых. В то же время сохраняются практики, характерные для советской эпохи, где большую роль играют такие факторы, как клиентелизм, поддержание лояльности к вышестоящему лицу, значимость показательных мероприятий.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Р.С. Хакимов

ДИХОТОМИЯ ИЕРАРХИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В развитом обществе в коллективном сознании выстраивается иерархия идентичностей. «В силу своей духовной конституции, – пишет Манхейм, – человек не только думает, но и *переживает* иерархически, т.е. для него постоянно существует в большинстве случаев неосознанная “система” вещей внутреннего и внешнего мира, на которую человек ориентируется в своих действиях, жизни и переживаниях – целое упорядоченное множество вещей земного и сверхчувственного мира; какой-либо отдельный элемент или целый круг предметных реальностей воспринимается в этом мире как некая высшая субстанция, которая выделяется из общего ряда, на которую равняются все прочие элементы данного явления и которая придает им их высший смысл. С этой *иерархической структурой жизни* теснейшим образом связано то обстоятельство, что, хотя оценка каждого элемента ряда зависит от оценки стоящего над ним, однако, самый последний элемент, стоящий выше всех других, получающий по этой иерархической шкале наивысшую оценку, должен как бы сам гарантировать свое качество»¹. Если в средние века эту функцию выполнял Бог, а религия несла идеологическую функцию, то сегодня над этническими и религиозными интересами находится система ценностей, легитимная в силу «общественного договора».

Иерархия идентичностей современного российского общества хорошо представлена в материалах этносоциологов. Если исходить из

¹ Карл Манхейм. Избранное: социология культуры. – М.-СПб., 2000. – С. 235.

имеющихся данных за последние 20 лет², и немного упростить схему, то можно говорить об «оболочках» идентичностей, надстраивающихся одна над другой.

Изначально этничность пронизана сакральностью. В первобытном обществе невозможно разделить этническое и религиозное. Традиционные (магические по определению Макса Вебера) религиозные представления, неразрывно связанные со светскими обычаями, придают стереотипность сложившейся социальной практике. Они вовлекают все сферы человеческой деятельности в круг символической магии и таким образом обеспечивают равномерное течение потока повседневной жизни в неизменном и строго определенном русле. Только в связи с усложнением жизни, дифференциацией общества начинается отделение этнического, религиозного и гражданского.

Несмотря на исторически тесную связь этнического и религиозного, этническая идентичность относительно самостоятельна, что хорошо видно на примере наличия среди татар как мусульман, так и православных. Базисная роль этничности ярко высвечивается в ходе революций или идеологических кризисов, когда начинают дискредитироваться существующие доктрины. Например, революция 1917 г., взорвав прежние ценности, привела к подъему самосознания народов России. Вплоть до утверждения новой формы советского гражданства, этнические представления доминировали, что вызвало процесс учреждения целого ряда государственных образований, объединившихся затем в советскую федерацию. Последовавший в 1992 г. распад СССР и кризис советской идеологии опять-таки привел к активизации этнической идентичности в структуре общественного сознания, а вновь образовавшиеся государства на постсоветском пространстве строились на этнической основе.

Опыт других стран показывает аналогичную картину. Антиколониальная борьба в Азии сопровождалась подъемом национального самосознания в самой различной форме. Освобождение британских

² См.: Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М., 1999; Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002; Этносоциологические исследования в Республике Татарстан. – Казань, 2008; Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань, 2010; и др.

колоний на Индийском субконтиненте привело к образованию Индии и Пакистана, затем отделению Бангладеш. В Индии штаты разделились по языковому/этническому признаку. Такая же ситуация наблюдалась и в Африке.

Этническая идентичность может выступать в двух ипостасях: приобретать форму шовинизма, расизма по схеме «свои – чужие», или же быть признанием многообразия мира, терпимости, взаимопонимания.

На следующем уровне находится религиозность. Предназначение религии в обществе заключается в решении извечных проблем, которые Макс Вебер называл «проблемами смысла» – как справиться со злом, страданием, крушением надежд, разочарованием и т.п. Религия решает эти проблемы по мере их возникновения – в случае смерти, неурожая, какого-то природного или социального бедствия – применяя свой арсенал обрядов, магических средств, библейских или коранических сказаний.

В развитом обществе религия теряет свою первобытную наивность, рационализируется и не так тесно переплетается с повседневностью. Сегодня можно говорить (за редким исключением) о разделении светской и религиозной сфер, как утвердившегося принципа. Поэтому религиозную идентичность следует рассматривать как относительно самостоятельную «оболочку».

Для религиозности также характерна дихотомия в виде, с одной стороны, духовности, веры в добро, придании осмысленности человеческому существованию, но, с другой стороны, верующим нередко присущ фанатизм или подмена веры интересами касты священнослужителей.

Религиозная идентичность тесно связана с этничностью, но не совпадает с ней или можно сказать, что эта связь неоднозначна. Достаточно взглянуть на религиозную принадлежность американцев, чтобы увидеть отсутствие какой-либо корреляции. Татар до революции, вплоть до XIX в., нередко называли просто мусульманами, у русских по этой же причине была тесная связь этнического сознания с православием и государственностью. Но эти примеры были обусловлены политической ситуацией и не нарушают общего тезиса о самостоятельном значении различных видов идентичностей. Современные процессы только подтверждают этот тезис. «Большую угрозу для религиозной веры в наше время (более точно – для качества и смысла

веры) представляет популистский национализм, – пишет Лукач. – К этому привела демократизация церквей, которая сама по себе представляет вторичное следствие, неотделимое от демократизации целых обществ. Первичный элемент проще и важнее. Он состоит в том, что религия нации, чувственные символы нации являются более мощными, чем религиозная вера, особенно если они с ней смешиваются. Я бы повторил, что национализм есть единственная популярная *religio* (*religio* – связующая вера) нашего времени. Так будет продолжаться не всегда, но пока это так»³. Такое доминирование этнического над религиозным благотворно влияет на социальные процессы, приближая веру к человеку и земным потребностям.

На следующем уровне иерархии находится гражданская идентичность, которая существует в любом государстве и в западной терминологии в основном совпадает с понятием нации. Гражданство, как правило, не включает религиозную и этническую принадлежность, оно зависит от государственных структур, а сознание формируется благодаря просвещению и системе образования. В отличие от имперского подхода, нация строилась на волне Французской революции, провозгласившей идеи равенства, братства и свободы, что стало мощным интегрирующим фактором. Конечно, в основе любой нации лежит доминирующий этнос, чей язык и культура становятся официальными, но современное государство может опираться также на принцип «единства многообразия», сочетая интересы различных этнических и религиозных групп. Такой подход характерен для Европы. В этом плане сильно отличается история образования США, где до появления единого государства не существовало понятия американского народа. «Национальная идентичность носит в США скорее гражданский, нежели религиозный, культурный, расовый или этнический характер, – пишет Фукуяма. – Это означает, что политические институты страны внушают людям почти набожное почтение, которое европейцы, обладающие более древними источниками идентичности, находят несколько странным»⁴. Несмотря на особенности складывания

³ Джон Лукач. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. – СПб., 2003. – С. 190.

⁴ Фрэнсис Фукуяма. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.-Владимир, 2010. – С. 189.

американской нации, можно говорить о доминировании в ней англо-саксонской культуры и сохранении многих этнических групп.

Особенности формирования американской нации привели к сознанию универсальности своих политических институтов, поэтому США в конце XX – начале XXI вв. начали навязывать свою модель другим странам, что было далеко небезобидным. Фукуяма пишет о негативных последствиях американской политики: «Больно видеть явную причинную связь между путем демократизации, которая в 1990-х гг. причинила столько страданий в странах тропической Африки, и незначительностью улучшений экономических показателей на континенте в тот же период»⁵. На практике политика вмешательства разрушала местный институциональный потенциал, не создав вместо них западные образцы, которые не могли прижиться в силу культурных различий. При этом местные институты порой могли быть достаточно развитыми и не нуждались в замене. Например, после войны американская миссия Гувера навязывала Японии свое видение политических и административных структур, в то время как японские институты были достаточно компетентными. Теодор Козн, комиссар по труду в миссии Гувера, так оценивал результаты деятельности американцев: «Американскую схему, исторически предназначенную для избавления от прогнивших систем, собирались применить в стране, где такой системы не было. Мне иногда приходило в голову, что если бы эту миссию отправили вместо Японии за Полярный круг, она бы предложила бы эти же самые рекомендации эскимосам, тюленям и чайкам»⁶. Американское сознание приводит к тому, что они склонны путать собственные интересы с более широкими интересами мира в целом.

Гражданственность можно оценивать с «позитивной» и «негативной» точек зрения, т.е. государство может быть прогрессивным, предоставляя свободу человеку и народам или, наоборот, выступать как «Левиафан».

Внешнюю «оболочку» в иерархической системе идентичностей составляет космополитическое сознание, которое когда-то было характерно только для крупного, транснационального капитала, а сегодня, благодаря развитию систем коммуникации и прозрачности границ, становится также частью сознания активной части населения. В

⁵ Фрэнсис Фукуяма. Сильное государство... – С. 57.

⁶ Цит. по: Там же. – С. 150.

этом сознании есть своя положительная составляющая, но есть и негативная часть. К первой относится более широкий взгляд на мир, заимствование опыта других народов, понимание многообразия мира и взаимозависимости людей различных частей планеты друг от друга. К явно негативной составляющей следует отнести денационализацию капитала, появление международных корпораций, ставящих свои интересы выше национальных и государственных. Пренебрежение к своим корням проявляется уже у крупных бизнесменов – «долларовых миллионеров», поклонников «Золотого тельца», а крупные игроки на мировых рынках могут даже ради своих интересов вмешиваться в дела отдельных государств. Впрочем, и транснациональные корпорации неоднородны, среди них существуют те, которые намеренно денационализируют собственную структуру, но есть опирающиеся на национальные традиции страны пребывания.

Негативные последствия глобализации в виде нивелирования различий и стандартизации мира компенсируются усилением культурного, регионального многообразия мира. Поэтому нередко социологи выделяют региональную идентичность как значимое явление. Пример Европы показывает, что региональная политика становится не только частью экономики, но затрагивает чисто политические процессы, что особенно заметно на примере Каталонии, Страны Басков, Шотландии, Северной Ирландии, регионов Бельгии.

Процесс регионализации задел и Россию. Вначале это выразилось в виде «парада суверенитетов» и заключения договоров субъектов с федеральным центром, затем регионализм закрепился в экономике и сознании. В Татарстане социологические опросы показывают, что многие жители республики себя называют татарстанцами, при этом отрицают, что они россияне. В 1990-е гг. региональная идентичность (гражданственность) проявлялась как более предпочтительная, нежели российская, причем это касалось всего населения республики. К началу XXI в. соотношение татарстанской и российской идентичностей стало меняться в пользу последней. В 2001 г. татарстанцами в большей степени называли себя 53,3% татар и 10,3% русских, россиянами – 6,7% татар и 35,9% русских, а 35,4% татар и 46,7% русских считали себя татарстанцами и россиянами в равной мере⁷. В 2010 г. количество «только» россиян остается на прежнем уровне – 7% татар и 36% рус-

⁷ Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте... – С. 194.

ских, а число тех, кто назвал себя одновременно и татарстанцем, и россиянином выросло до 62,1% у татар и 58,9% у русских⁸. Эти цифры говорят не только о сложности соотношения различных форм идентичностей, но также свидетельствуют об их динамике во времени. Анализируя ситуацию в России в целом, Л.М.Дробижева отмечает: «Регионализация страны может быть рассмотрена в разных аспектах и неоднозначно оценена. Но в плане обсуждаемых проблем она означает увеличение идентичностей и нейтрализацию этничности»⁹. Нет сомнения в появлении новых форм идентичностей вместе с усложнением общества, но насколько регионализация нейтрализует этничность? В случае с татарами и русскими в Татарстане это трудно утверждать. Даже можно выдвинуть тезис, что именно усиление самосознания компактно проживающих в Татарстане этнических групп стимулирует региональную идентичность, позволяющую объединить различные интересы вокруг общих ценностей республики. Иначе говоря, республиканская идентичность выполняет идеологическую функцию, потребность в которой вызвана усилением этнического самосознания.

Различные идентичности не только могут сосуществовать друг с другом, но абсолютно необходимы в сложно организованном обществе. Проблема конфликта идентичностей связана не с их существованием, а с отсутствием идеологии (системы ценностей*) в обществе, способной соединить различные интересы в целостность. В ситуации отсутствия эффективной идеологии эту функцию берет на себя этническая или религиозная «оболочка», что может создать межрелигиозную или межэтническую напряженность. Еще более сложная ситуация возникает при господстве в обществе крайних доктрин, будь-то фашизм, религиозный фундаментализм, шовинизм и т.д. Тогда начинает доминировать «демоническое», и общество вступает в полосу затяжного кризиса вплоть до полного распада.

⁸ Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте... – С. 195.

⁹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы... – С. 108–109.

* «Ценности – в смысле образца – мы рассматриваем как главный связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы, в отличие от ценностей, являются преимущественно элементами социальной системы. Они имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений, но не воплощают “принципы”, применимые за рамками социальной организации или, чаще, даже определенной *социальной системы*» (Толкотт Парсонс).

В целом на появление и усиление региональной идентичности следует смотреть как на позитивное явление. Конечно, при авторитарных наклонностях центральной власти, сильный регион объективно оказывается подобием «оппозиции», поскольку всегда будет учитывать не только распоряжения сверху, но и интересы населения. В нормальном федеративном или унитарном государстве центр опирается на принцип субсидиарности*, а значит, дает возможность максимального усиления регионов, что обеспечивает политическую стабильность и экономический рост.

В иерархии идентичностей, наряду с вышеперечисленными «оболочками», можно говорить и о других формах коллективного сознания. Во многих странах вместе с появлением крупных компаний стали практиковать разработку миссий организаций и поддержку корпоративных интересов, что усиливает преданность работников организации, сплоченность коллектива и, в конечном итоге, приводит к повышению производительности труда. Обобщенно, можно утверждать возможность появления идентичности в любой относительно автономной сфере жизни, где возникает достаточно прочная общность интересов. Разделяемая членами коллектива система представлений, ценностная интеграция коллектива для достижения общих целей и направленность на будущее обеспечивают их стабильную привязанность к такому сообществу, определяя не только трудовой процесс, но и личную жизнь. Учитывая, что человек проводит на работе большую часть времени, а нередко и в свободное время занимается повышением квалификации, следует указать на значимость этих отношений для формирования и существования индивида. Однако, тем не менее, в обществе в целом определяющими остаются гражданская, религиозная и этническая идентичности.

В иерархии «оболочек» каждая идентичность является сдерживающим фактором каких-то человеческих страстей. Этническая культура формируется в борьбе с первобытными, архаичными инстинктами, человек преодолевает животное состояние и вырабатывает «табу», которое осознается в форме норм поведения, указывающих как вести себя в той или иной ситуации. Впоследствии появляется нормативная религия, затем идеология, философия, политика, государственность.

* Принцип субсидиарности означает передачу полномочий на максимально низкий уровень, на котором они могут быть исполнены.

Все это ступени цивилизации. Но это не значит, что каждая новая ступень, безусловно, лучше предыдущей, или совершенно отвергает нижний уровень. Любая ступень вверх это усложнение, совершенствование, но в каждой из них существуют элементы «божественного» и «демонического». Эта дихотомия проявляется уже на уровне бессознательного, в самых глубинах человеческой личности и содержит все аспекты человеческой природы – свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость. Как предупреждал Фрейд, надо «считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, то есть антиобщественные и антикультурные тенденции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе»¹⁰. Если положительное не может взять вверх, то будет доминировать негативное, будь-то жажда наживы или власти, крайний национализм или фанатизм. Татарская поговорка гласит: «Ил иблиссез булмый» (Страна не бывает без дьявола). Внешняя респектабельность не исключает дикой одержимости, характерной для первобытного человека. Особенно опасны времена реформ, революций, войн, массовых выступлений, когда разрушается иерархия ценностей без возникновения альтернативных норм. Тогда в силу вступают более архаичные формы поведения, а, в крайнем случае, просыпаются первобытные страсти, человек сталкивается с древней проблемой необузданности и жестокости. Источник фанатизма следует искать в этом процессе «снятия» высших ценностей и возврата к первобытности.

У Сергея Есенина есть такие строки:

Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...

Гонения на православие после Октябрьской революции вернули к жизни культ дерева, о чем пишет С.Есенин. Подобный возврат к первичным архетипам происходит в виду снятия определенных запретов, что наблюдалось в ходе самой революции, а затем восстаний, гражданской войны, голода, доходившего до каннибализма, и т.д. Такое же

¹⁰ Зигмунд Фрейд. Будущее одной иллюзии. – М., 2011. – С. 183.

может случиться в уличной толпе, среди спортивных фанатов, на религиозных сборищах, где высвобождаются инстинкты и просыпаются демоны, дремлющие до поры до времени в подсознании. При массовом скоплении людей ослабляются нормативные «обручи» и в человеке начинают превалировать инстинкты.

По мере усложнения социальных структур в какой-то момент табу, запреты, заповеди, моральные предписания, законы начинают ограничивать свободу и становятся тормозом развития общества. В этой борьбе традиций и свободы нужно видеть диалектику. На самом деле историческая борьба идет не с традициями как системой, а с определенными нормами и охранителями прежних взглядов в лице священнослужителей и реакционных идеологов, которые представляют наиболее консервативную часть интеллектуалов. Вне традиций общество разрушается, ибо в таком случае у него остается только один путь – деградация и возврат к инфантильности. Трудно сказать, какова доля и значимость сознательного и бессознательного в этих процессах, но ясно, что и то, и другое обязательно присутствуют.

Традициям трудно противостоять и даже радикальные реформаторы вынуждены учитывать эти рамки, чтобы не оказаться вне общества. Если же брать основную массу населения, то люди предпочитают жить в соответствии с обычаями, привычками, ближайшими интересами, не задумываясь о вещах философских и тем более рациональной организации своей жизни. Бродель пишет: «Исходным моментом для меня была повседневность – та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, – привычка, или даже рутинa, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем наполовину погружено в такого рода повседневность»¹¹. Несмотря на успехи науки, влияние СМИ, деятельность партий и разного рода идеологов у основной массы людей мировоззренческие темы могут выглядеть как разговоры об НЛО, жизни на других планетах, а конкретная жизнь связана с ценами на товары первой необходимости. Даже цены на нефть, которые каждые полчаса старательно сообщают по телевидению, интересуют всего несколько тысяч человек. Большинство людей

¹¹ Фернан Бродель. Динамика капитализма. – М., 1993. – С. 4.

предпочитает жить не современным, а глубоко традиционным сознанием (чтобы не сказать первобытным).

К обычаям, традициям можно относиться как к предрассудкам, мешающим достижению цели, но деятельность без учета исторических корней, «зова крови», этнических, религиозных символов приводит к заполнению вакуума политическими и социальными конструкциями, поиском искусственных заменителей под видом перемен и нередко заканчивается кризисом общества. Самомнение новаторов пребывает в иллюзии, что старые боги низвергнуты, а демоны исчезли с исторической арены. Действительно, в лесу не стало леших, в пруду – водяных и русалок, пещеры перестали быть жилищем дивов, а человек больше не беседует с деревьями, но рационализм по этой причине вовсе не торжествует. Просто контакт человека с природой исчез, а с ним ушла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь. Люди утешаются тем, что стали якобы хозяевами своей жизни. На самом деле, как пишет Хайек, «человек никогда не был и не будет хозяином своей судьбы: самый разум его постоянно совершенствуется за счет того, что ведет его к неизвестному и непредвиденному, где приходится учиться новому»¹². Человек не может спланировать историческое развитие, но он может вписаться в течение судьбы.

Хайек в правилах поведения различает три слоя напластования: «Внизу, конечно, лежат прочные, мало изменившиеся инстинкты, генетически наследуемые и определяемые физиологической структурой человека. Затем располагаются остатки последовательных типов социальных структур, через которые человек прошел: правила, вовсе не выбранные человеком сознательно, но распространившиеся и закрепившиеся благодаря деятельности, благоприятствовавшей в прошлом определенным группам, экспансии которых, возможно, в большей мере служило привлечение неофитов, чем более активное размножение. На самом верху находится тонкий слой правил, сознательно отобранных или модифицированных ради известных целей»¹³. Как видим, виднейший экономист, представитель очень практичной науки рационализму отводит довольно скромное место, при этом весьма позитивно оценивает средний слой традиционно сложившихся структур, осо-

¹² Хайек Ф.А. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 259.

¹³ Там же. – С. 235.

бо отмечая в них исторически сложившиеся моральные нормы, как условие прогресса общества, добавляя ко всему сказанному весьма примечательную фразу: «Человека делает добрым не природа и не разум, а традиция». Конечно, это не означает принижения роли науки в прогрессе общества, но значимость рационализма во многом определяется знанием традиций.

Итак, для общества ценно укрепление каждой оболочки в иерархии идентичностей, причем с доминированием в каждой из них «божественного» начала. Трансформация ценностей и норм в каждой из них в ходе эволюции народа не предполагают разрушения самих «оболочек», а только внесения вариаций в сложившиеся традиции. Бесспорно, представляет опасность разрушение иерархии идентичностей. Разрыв идеологических «обручей», которые благодаря нормам и предписаниям сдерживают человеческие страсти, неизбежно ведет к бунту, революции, гражданской войне, нестабильности.

Г.И. Макарова

РОССИЙСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ¹

1990-е – первое десятилетие 2000-х гг. были периодом выстраивания и реализации федеральными и татарстанскими игроками политического поля стратегий мобилизации в обществе государственно-гражданской, региональной и этнических идентичностей. Насколько эти стратегии удалась в действительности, и какие национально-гражданские общности возникли либо были актуализированы на их пересечении? Какие еще обстоятельства сказались на данном процессе? Каково содержательное наполнение российской и татарстанской общностей, как они соотносятся друг с другом и с этническими идентичностями? Данная статья посвящена рассмотрению названных вопросов. Она основывается на материалах трендового массового анкетирования 2001 и 2010 гг., проводившегося в городах и сельских районах Татарстана², и данных исследования «НИК» по республике 1994 г. (рук. Л.М. Дробижева)³. Кроме того, в ней используются тек-

¹ Статья представляет собой видоизмененный и дополненный вариант статьи «Российская и региональная идентичности в постсоветском Татарстане: конкуренция или взаимодополнение?». (См.: Казанский федералист. № 4 (30), 2011. С. 60–76).

² При этом была изучена та же генеральная совокупность в разные периоды – в начале 2000-х гг. и на рубеже первого-второго десятилетий 2000-х гг. Первый опрос охватил 1000 человек (после выбраковки оставалось 957 анкет). При повторном анкетировании было опрошено 1003 человека в возрасте от 16 до 74 лет (По вопросам выборки см.: *Макарова Г.И.* Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан. ун-т, 2010. С. 9–10). Опрос 2001 г. проводился при финансовой поддержке РГНФ (код проекта: № 00-03-00002а, 2000–2002 гг., рук. Г.И. Макарова), анкетирование 2010 г. – в рамках проекта РГНФ (№ 10-03-00037а, 2010–2011 гг., рук. Г.И. Макарова) и при поддержке Франко-русского центра гуманитарных и общественных наук в Москве (2010 г.).

³ По РТ выборочная совокупность составила 1000 чел. О выборке см.: *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В.* и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 3–10.

сты интервью в семьях 2010–2011 гг.⁴. Обобщения, касающиеся этнополитического контекста, в котором происходило формирование и развитие российской и региональной идентичностей в Татарстане, опираются на осуществленный автором традиционный анализ официальных документов – законов, государственных программ, концепций, принимавшихся в РФ и в РТ в 1990–2000-е гг. и связанных с культурой, языками и этнокультурным развитием⁵.

На раннем постсоветском этапе, в условиях изменившегося соотношения сил на политической арене страны, национальная политика руководства РФ являлась, по справедливому замечанию ряда отечественных ученых⁶, политикой «уступок и консенсусных мер»⁷ по отношению к регионам и характеризовалась поиском путей разрешения периодически возникавших в стране этнополитических конфликтов. В данном контексте речь не могла идти о стратегии целенаправленного и последовательного формирования федеральными властными агентами тех или иных идентичностей. Однако на деле, под влиянием региональных агентов поля власти, это была политика признания и поддержки, институционализации этнокультурных различий, способствовавшая воспроизводству многообразия этнических общностей. Интегративные же моменты были тогда разработаны слабо. Одновременно сама сложившаяся ситуация (в силу вынужденной передачи центром

⁴ Всего было взято 45 качественных полуформализованных интервью, из них 23 – в семьях, члены которых относят себя к татарам, 17 – в семьях русских, 5 – в смешанных семьях РТ. Для интервью были отобраны семьи, состоящие из родителей 40–55 лет и их детей 16–25 лет, что дало возможность сравнить разницу во взглядах на этническую, региональную и российскую идентичность представителей разных поколений. Они были дополнены несколькими интервью с «молодыми» семьями, где оба супруга в возрасте 18–25 лет.

⁵ См.: *Макарова Г.И.* Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 242 с.

⁶ См.: *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 26–46; *Зорин В.Ю.* От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. №3. С. 122–154; *Павин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М.: Новое издательство, 2004. 248 с. и др.

⁷ *Дробижева Л.М.* Указ. соч. С. 34.

ряда полномочий в области этнокультурного развития в субъекты федерации, отказа от концентрации функций управления культурной жизнью в центральных органах власти и управления) косвенно содействовала укреплению региональных идентичностей, на формирование которых были направлены усилия властей республик.

В Татарстане на волне происходивших в стране процессов децентрализации, провозглашения суверенитета республики и в целях его укрепления региональными элитами в тандеме с элитами национальными начала разрабатываться относительно самостоятельная этнокультурная политика, в какой-то мере ставшая моделью для других республик в составе Российской Федерации. Она концентрировалась вокруг утверждения татарского языка наряду с русским в качестве государственного языка РТ и введения его обязательного преподавания в школах в равных с русским языком объемах, поддержки культуры татарской диаспоры, сохранения историко-культурного наследия титульной национальности. Русский язык и культура временно отошли в этнокультурной политике региона на второй план.

Таким образом, в условиях слабости центра и стимулируемого лидерами национального движения роста значимости этничности, языково-культурная стратегия местных игроков поля власти, вовлекших в политическое производство институты образования, культуры, СМИ, стала этноориентированной и не только базировалась на потребности части татар в сохранении своей идентичности, но и была призвана усилить ее значимость. В то же время, уже в 1992–1993 гг., руководством республики начинается поиск баланса интересов титульной и других этнических групп, провозглашается равенство языков и культур всех народов Татарстана, прежде всего, наиболее многочисленных в регионе – татар и русских. Тем самым закладываются социокультурные основы для становления новой региональной общности, поначалу позиционировавшейся местными властями как альтернативная общероссийской. Ее построению призвана была способствовать и особая экономическая стратегия республики – стратегия «мягкого вхождения в рынок»⁸.

⁸ См.: *Хакимов П.С.* Республика Татарстан: модель устойчивого развития. URL: http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=b3cd09cc7e23286c19e7d764c7fd44c7&node_id=1543 (дата обращения: 24.08.2010 г.); *Коротеева В.В.* Экономический национализм в республиках России // Суверенитет и этниче-

Проанализируем, каким образом в 1990-е гг. происходило формирование и развитие национально-гражданских идентичностей населения Республики Татарстан.

Согласно исследованию 1994 г. у большинства татар (трех пятых горожан и четырех пятых сельчан) чувство принадлежности к региону в 1990-е гг. доминировало⁹. Еще почти для трети горожан и десятой части сельчан региональная идентичность являлась важной наряду с государственной российской идентичностью. Процент же «исключительно россиян» среди них был ничтожно мал. Причем, следует заметить, что высокий уровень региональной идентичности среди представителей титульных этнических групп в 1990-е гг. был характерным не только для Татарстана, но и ряда других субъектов Российской Федерации – Якутии, Башкортостана, Северной Осетии-Алании и некоторых других субъектов РФ¹⁰. Такая интенсивность их самоотнесения к своим республикам была не в последнюю очередь обусловлена этнокультурными стратегиями регионов. Кроме того, в Республике Татарстан, как уже отмечалось выше, имел место и экономический фактор, связанный с ним относительно высокий по сравнению с некоторыми другими регионами России уровень жизни населения¹¹.

ское самосознание: идеология и практика. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 87.

⁹ На корреляцию «государственной идентичности» с «этническим признаком» указывает и Р.Н. Мусина (См.: *Мусина Р.Н.* Республика Татарстан: межэтнические отношения, этничность и государственность // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. С. 156).

¹⁰ См.: Российская идентичность в Москве и в регионах. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. С. 35. Так в Саха (Якутии) «в основном якутянами в 1999 г. считало себя 77% городских якутов и 85% сельских, а россиянами... около 20%, да и русских, считавших себя в основном россиянами было в республике около половины» (Там же).

¹¹ См.: *Столярова Г.Р.* Русское население Татарстана: к вопросу о социально-структурных факторах межэтнического взаимодействия // Этносоциологические исследования в Республике Татарстан: сб. науч. статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 113.

Соотношение региональной и российской идентичностей (1994 г.), %

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя больше чувствуете – татарстанцем или россиянином?»

Варианты ответов	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)
В равной мере татарстанцем и россиянином	31,8	11,2	35,3	36,9
Больше татарстанцем	58,8	83,7	19,0	29,2
Больше россиянином	2,7	0,9	36,1	20,0
Затрудняюсь ответить (и нет ответа)	6,7	4,2	9,6	13,9

Что касается русских, то они разделились в тот период на три группы. Треть горожан и сельчан региона ощущали себя россиянами и татарстанцами в равной мере, пятая часть горожан и четвертая часть сельчан чувствовали себя «больше татарстанцами». И в этих цифрах, несомненно, проявлялось признание ими политики региона в социально-экономической сфере¹². В то же время приведенные данные говорят и о том, что на первом из выделенных этапов этнокультурного развития в регионе начала формироваться особая идентичность части русских. Сосуществуя с «другим», политически и символически имеющим в те годы больший вес в региональной политике, они стали принимать новые «правила игры» и признавать право этого «другого» на развитие своей этнокультурной самобытности.

Тем не менее, более трети городских и пятая часть сельских русских Татарстана даже тогда, в условиях слабого и раздраемого социально-политическими и экономическими противоречиями центра и только начинавшей формироваться в рамках изменившихся границ, на иных идеологических принципах и с обновленным набором ценностей новой государственно-гражданской идентичности, указывали на то, что они относят себя в первую очередь к россиянам. То есть для них было более важным ощущать свою принадлежность к большой и еди-

¹² Среди положительных результатов политики суверенитета в ходе опроса 1994 г. экономические изменения назвала пятая часть респондентов-русских и шестая доля татар. На это также указывали в своих работах: *Коротеева В.В.* Указ. соч. С. 82–94; *Мусина Р.Н.* Указ. соч. С. 157; *Столярова Г.Р.* Указ. соч. С. 113 и др.

ной стране – историческому правопреемнику российской (советской) государственности. И этому косвенно способствовала этнокультурная политика региональных властей, сконцентрированная прежде всего на поддержке и развитии татарского языка и культуры, а также характерная в тот период для РТ «кадровая политика, главным образом в представительских слоях (органах власти Татарстана, других руководящих должностях)»¹³, в которых русские оказались в определенной мере «вытесненными» представителями титульного этноса. В связи с этим у части из них появляются настроения неудовлетворенности своим новым положением в региональном сообществе, утерей социально- и культурно-статусных позиций в нем.

В первое десятилетие 2000-х гг. усилия федеральных игроков политического поля России начинают концентрироваться, прежде всего, на объединении политико-правового и социокультурного пространства страны, на формировании единой российской нации. Эта стратегия осуществляется посредством: выдвижения требования к региональным властям о приведении законодательств субъектов РФ, в том числе в этнокультурной сфере, в соответствие с федеральным; законодательного закрепления национальных символов России, утверждения статуса русского языка и русской культуры как основы становления государственно-гражданской идентичности, принятия единого государственного образовательного стандарта; разработки и проведения ряда конкретных идеологических проектов интеграции с вовлечением в этот процесс агентов культурного и медиа- полей; специальных мер по укреплению толерантности населения. В то же время федеральные власти постепенно отказываются от спонсирования этнокультурного многообразия при сохранении его признания, а также стремятся уйти от политизации этничности и перевести этнонациональные проблемы в культурное русло путем разграничения вопросов относительной самостоятельности субъектов федерации и этнокультурного развития¹⁴. Все это призвано было вести к некоторой субъективизации этниче-

¹³ Мусина Р.Н. Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности. С. 211. См. также: Лучиева Л.В. Эксперт: этносоциальная ситуация в Татарстане меняется не в пользу русских // Вечерняя Казань. 2010. 29 января.

¹⁴ Об этнокультурной политике РФ 2000-х гг. см. подробнее: Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан... С. 157–192.

ских идентичностей, а также к ослаблению их связи с идентичностями региональными.

Стратегия властных агентов регионального уровня политической иерархии, несмотря на то, что ряд изменений этнонациональной стратегии России вызывает поначалу недовольство национальных и политических элит, строится во многом с учетом требований и предписаний руководства Российской Федерации. В частности, в Татарстане в условиях усиления позиций центра и ослабления татарского национального движения вносятся изменения в ряд законов РТ, принимаются новые законы, в которых имеются обязательные отсылки к соответствующим федеральным, предпринимаются дополнительные меры по развитию русского языка и русской культуры и т.д. (во взаимосвязи с этими процессами постепенно утрачивается высокая степень единства элитных групп региона). И все же руководство республики продолжает проводить стратегию преимущественной поддержки здесь татарского языка, образования, культуры. В результате встречного действия обозначенных тенденций на официальном уровне закрепляется лозунг паритетности развития татарской и русской культур в РТ. Предполагалось, что такого рода политика будет вести, с одной стороны, к сохранению высокого статуса и актуализированного самосознания татар, с другой – к нормализации социального самочувствия русских. Одновременно она должна была способствовать сохранению высокой степени значимости и для тех, и для других татарстанской солидарности, которая теперь стала артикулироваться местными властями как составная часть общероссийской.

Исследование 2001 г. показало, что, в обстоятельствах начавших проявляться в стране тенденций централизации и идеологических усилий федеральной власти, в Татарстане обозначается постепенный поворот к повышению значимости общероссийской идентичности. Однако он происходит в основном не за счет идентичности региональной, а наряду с ней. Так, доля идентифицирующих себя одновременно и с Россией, и с республикой возрастает к этому периоду как у татар, так и у русских (у горожан на 10–11%). Часть населения региона, относящая себя исключительно к татарстанцам, снижается: среди татар-горожан на 17%, сельчан – на 10%, городских русских на 9% и сельчан – на 20%. Процент же «россиян» у русских остается примерно на том же уровне, а у татар-горожан возрастает с 3% до десятой их части.

Т а б л и ц а 2

Соотношение региональной и российской идентичностей (2001 г.), %
 Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»

Варианты ответа	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)	Татары (в целом)	Русские (в целом)
Татарстанцем	42,2	74,2	10,4	9,1	53,4	10,3
Россиянином	9,3	1,8	37,0	24,2	6,7	35,9
И татарстанцем, и россиянином в равной мере	42,7	21,6	45,1	63,7	35,4	46,7
Кем-то другим	1,6	–	2,3	–	1,0	2,1
Затрудняюсь ответить	4,2	2,4	5,2	3,0	3,5	5,0

Тем самым уже в начале нового этапа развития этнонациональной политики число относящих себя к россиянам и татарстанцам, а также исключительно россиянам в республике начинает увеличиваться. И все же доля «чисто татарстанцев» среди представителей титульной этнической группы республики в этот период еще весьма высока, составляя их половину (среди русских – десятую часть). Вот как осмысливает те перемены, которые постепенно происходят в гражданской идентичности населения региона (а именно поворот от восприятия татарстанской идентичности как конкурирующей с общероссийской к дополняющей ее) молодой человек – татарин: «Если кто припомнит 1990-е гг., когда СССР распался, Татарстан был как отдельное государство. Потому что когда Ельцин пришел, он говорил: «Берите суверенитета сколько хотите». И Шаймиев «урвал» сколько мог. Пользовался привилегиями, не платил налоги. Я считаю, вырос в отдельном государстве, а не России. Это уж потом Путин пришел и порядок навел»¹⁵.

На протяжении последнего десятилетия обозначенная тенденция продолжает действовать. Доля «татарстанцев и россиян в равной мере»

¹⁵ Интервью в семьях № 2, 2010–2011 гг., татарин, 20 лет.

увеличивается к 2010 г. у татар более чем на их четверть, у русских – на десятую часть. Соответственно, процент «чисто татарстанцев» существенно снижается: у татар – с половины почти до четверти, у русских – с 10% до 3%, количество же «только» россиян остается и у тех, и у других на прежнем уровне – 36% русских и 7% татар. Теперь, так или иначе, относят себя к россиянам при ответе на названный вопрос уже 69% татар и 95% русских. Об изменении самоощущения себя в качестве гражданки страны, россиянки (в настоящий период по сравнению с 1990-ми гг.) размышляет наша интервьюируемая – русская.

Интервьюируемая: «...я могу сказать, что когда, допустим, мне было там двадцать лет /.../ да, я ездила за границу, я очень хотела уехать из этой страны. Ну, когда я приезжала туда, то мне хотелось быть как, я не знаю, может быть, это, как они... Я стеснялась то, что я вот русская (имеет в виду гражданскую принадлежность – Г.М.) /.../. Мне было почему-то ну, как-то стыдно, я не знаю, почему. А сейчас у меня такого нет, сейчас вот мне нравится /.../ И то есть, и сейчас я легко вот где-то за границей: «Да, я русская». И мне почему-то, и даже, ну, гордость не гордость, но я не стесняюсь этого, меня это устраивает.

Интервьюер: *Это что-то изменилось в стране за эти годы или в вас?*

Интервьюируемая: *Вот я не знаю, видимо, я думаю, что все-таки это и страна как-то все-таки, что-то тут это связано, что да, ощущение себя через все-таки изменения, которые в стране произошли»¹⁶.*

Таким образом, в условиях характерного для первого десятилетия 2000-х гг. относительно устойчивого социально-экономического (до октября 2008 г.) и социально-политического развития России усилия ведущих политических, интеллектуальных сил и связанных с ними социальных институтов – СМИ, образовательных и культурных организаций по укреплению ее имиджа как экономически и политически благополучного государства, по социальной интеграции населения стали приносить свои плоды. В то же время число татарстанцев, ощущающих свою принадлежность к стране, росло в этот период в регионе при сохранении важности для них локальной идентичности. То есть выдвигавшаяся до начала опроса 2010 г. гипотеза об уменьшении чис-

¹⁶ Интервью в семьях № 27, 2010–2011 гг., русская, 42 года.

ла приверженцев последней не подтвердилась. Идентификация с региональной общностью сохраняет свою значимость, хотя и уступает ведущие позиции общероссийской общности (о чем свидетельствует сравнение автором результатов применения теста М. Куна – Т. Макпартленда в исследованиях 1994 и 2010 гг.)¹⁷.

Названная тенденция объясняется, помимо обозначенной выше этнокультурной политики властей РТ, получающей поддержку у значительной части татар, также рядом других факторов. Во-первых, это по-прежнему относительно высокий уровень экономического развития республики, позволяющий Татарстану успешно осуществлять ряд социальных программ. Во-вторых, это усилия и воля политической элиты РТ, умеющей ставить и достигать стратегические цели и стремящейся к тому, чтобы о республике знали на общероссийском и мировом уровне (чему, в частности, благоприятствовал ряд социокультурных проектов, связанных с празднованием 1000-летия Казани, подготовкой к Универсиаде 2013 г. и т.д.). Непротиворечивому совмещению анализируемых идентичностей, по-видимому, способствовал и продвигаемый теперь на региональном уровне тезис о татарстанской идентичности как части общероссийской.

Следует заметить, что когда в ходе того же исследования 2010 г. был задан вопрос о гражданской макроидентичности отдельно, то есть опрашиваемым не приходилось выбирать между региональной и государственной идентичностью, в той или иной мере ощущающих единство со страной среди представителей титульной этнической группы оказалось несколько больше (на 12%) нежели при ответе на названный выше вопрос (см. табл. 3 и табл. 4). Следовательно, чтобы заполучить дополнительное число приверженцев российской идентичности, федеральным игрокам властного поля не стоит строить ее на замещении идентичности региональной (в условиях сохраняющейся значимости последней) и противопоставлении данных идентичностей друг другу.

¹⁷ См. Макарова Г.И. Идентичности татар и русских... С. 181–183.

Таблица 3

Соотношение региональной и российской идентичностей (2010 г.), %
 Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»

Варианты ответа	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)	Татары (в целом)	Русские (в целом)
Татарстанцем	22,5	41,2	1,9	7	28,9	2,6
Россиянином	8,0	3,6	38,2	22,8	6,5	36,1
И татарстанцем, и россиянином в равной мере	66,5	53,6	57,0	70,2	62,1	58,9
Кем-то другим	0,8	0,5	1,2	–	0,8	0,9
Затрудняюсь ответить	2,2	1,1	1,7	–	1,7	1,5

Таблица 4

Государственная российская идентичность русских и татар РТ (2010 г.), %
 Распределение ответов на вопрос:
 «Ощущаете ли Вы единство со страной, Россией?»

Варианты ответов	Татары	Русские
Да	53,0	63,6
Скорее, да	27,7	26,1
Скорее, нет	3,9	2,4
Нет	2,5	2,4
Затрудняюсь ответить	12,9	5,5

В результате, государственная российская идентичность оказалась свойственной 81% опрошенных татар и 90% русских Татарстана. И это в целом согласуется с показателями социологического исследования 2011 г., проводившегося сотрудниками Института социологии РАН по всероссийской выборке, где русских – доминирующее большинство. В этом исследовании общероссийская идентичность была зафиксирована у 95% опрошенных¹⁸. Тем самым, полученные показатели подтвержда-

¹⁸ См.: Дробижсва Л.М. Российская идентичность и межэтнические отношения // Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров).

ют, что общий тренд развития идентификационных процессов в Татарстане совпадает с тенденциями их развития в стране в целом.

В свою очередь, в ходе ответа на аналогичный вопрос об ощущении единства с Республикой Татарстан, число относящих себя к региональной (локальной) идентичности оказалось ощутимо большим, нежели при сравнительной его формулировке, теперь уже среди русских. И если там (см. табл. 3) доля «татарстанцев» и «татарстанцев и россиян в равной мере» составляла у определивших себя как русские 62%, здесь так или иначе ощущающих единство с республикой уже 85%. Тем самым для части респондентов-русских (23%) локальная солидарность тоже в некоторой мере значима, однако она «не выдерживает» сопоставления с общероссийской, в чем можно усмотреть негативное влияние продолжающей проводиться на региональном уровне (хотя и при определенной ее корректировке) стратегии приоритетной поддержки культуры титульной этнической группы.

Т а б л и ц а 5

Региональная идентичность русских и татар РТ (2010 г.), %
Распределение ответов на вопрос: «*Ощущаете ли Вы единство с республикой, Татарстаном?*»

Варианты ответов	Татары	Русские
Да	74,8	58,4
Скорее да	16,6	26,1
Скорее нет	1,8	4,5
Нет	0,5	2,4
Затрудняюсь ответить	6,3	8,6

При сравнительном изучении обозначенных идентичностей интерес также представляет тот факт, что, отвечая на вопрос «Если Вы ощущаете единство с Россией, то почему?», две пятых татар и треть русских выбрали вариант «регион, где я живу – часть России» (см. табл. 6). То есть они чувствуют общность со страной именно через свой регион – Республику Татарстан. «*Мне кажется, что это общее /.../. Что Татарстан, что Россия*»¹⁹. – говорит в процессе интервью 2010–2011 гг. информант-русская, 45 лет. В том же духе размышляет и интервьюируемая-татарка, 48 лет: «*Да, я в Татарстане, но в России,*

¹⁹ Интервью в семьях № 23, 2010–2011 гг., русская, 45 лет.

я почему-то не думаю, не задумываюсь над тем, что я только в Татарстане живу»²⁰. Здесь же следует заметить, что многие татарстанцы, особенно молодые, в ходе интервью в семьях признавались в том, что ни разу не выезжали за пределы своей республики. Поэтому отношение себя к России через регион, в котором они живут, является для них вполне естественным. Одновременно в качестве одного из направлений дальнейшего совершенствования стратегии формирования государственно-гражданской солидарности можно предложить организацию на конкурсной основе льготных поездок учащихся (то есть представителей подрастающего поколения) различных регионов РФ по городам страны, в первую очередь в ее столицу – Москву, включающих ознакомление с достопримечательностями и музеями, являющимися достоянием всех граждан России.

Т а б л и ц а 6

**Причины, по которым респонденты ощущают
единство с Россией (2010 г), %**

Варианты ответа	Татары	Русские
Я родился в этой стране	58,9	74,9
Регион, где я живу – часть России	37,9	33,7
Люди моей национальности живут в России	19,6	11,2
Горжусь Россией	13,1	21,3
Чувствую ответственность за страну	4,1	3,8
Такое чувство возникает, когда бываю в других странах	2,6	2,6
Россия – часть бывшего СССР	9,2	9,3
Иная причина	4,1	2,2
Нет ответа	6,3	3,6

Из приведенных данных также видно, что пятую часть татар и десятую русских спланирует со страной то, что люди их национальности проживают здесь²¹. Тем самым мы вновь убеждаемся не только в тес-

²⁰ Интервью в семьях № 25, 2010–2011 гг., татарка, 48 лет.

²¹ В данном случае, рассматривая полученные результаты в русле проблематики соотношения национально-гражданских идентичностей друг с другом и с идентичностями этническими, мы не останавливаемся на анализе всего спектра отмеченных респондентами вариантов ответа. Между тем следует отметить, что наибольшее число «голосов» и у русских, и у татар региона набрал такой, относительно формальный вариант ответа, как «я родился в этой стране».

ной взаимосвязи республиканской и общероссийской общностей относящих себя к русским и татарам в Татарстане, но и в связи национально-гражданских идентичностей с идентичностями этническими. Об этом, в свою очередь, свидетельствуют и обобщенные результаты исследования по специальному блоку вопросов анкеты 2010 г., касающемуся идей и смыслов, консолидирующих их с Россией и россиянами, с одной стороны, и с Татарстаном и татарстанцами, с другой.

Так на вопрос «Если Вы ощущаете единство со страной, Россией, то при каких обстоятельствах?», мы получили следующие ответы.

Таблица 7

Обстоятельства проявления единства с Россией (2010 г.), %

Варианты ответов	Татары	Русские
Ощущаю, когда говорится о памятных исторических событиях, датах (победа в Великой Отечественной войне и т.д.)	55,0	59,1
Когда слушаю выступления наших политиков, министров, говорится о наших успехах в международной политике	28,6	32,1
Когда речь идет о достижениях страны в области экономики	24,9	32,1
Когда чувствую обиду и досаду за неудачи нашей страны в области политики, экономики и т.д.	22,0	29,2
Когда слышу о достижениях России в области культуры, науки, искусства	30,5	43,3
Когда слышу о достижениях наших спортсменов, российских спортивных команд	36,7	43,3
Когда слышу о российских молодежных движениях («Наших» и т.д.)	5,6	7,4
При иных обстоятельствах	1,0	1,6
Затрудняюсь ответить	17,8	9,6
Нет ответа	5,5	3,8

П р и м е ч а н и е: допускалось любое число ответов.

При сравнении данных по относящим себя к русским и татарам в РТ обращает на себя внимание несколько большая активность первых в процессе указания объединяющих их со страной моментов. Причем эта разница в наибольшей степени проявляется в соотношении выбравших вариант ответа, связанный с достижениями России в области культуры и науки. Здесь доля татар оказалась в полтора раза меньшей,

чем русских, и это, по-видимому, говорит о том, что они реже ощущают свою принадлежность к общероссийской культуре. По-видимому, часть из них не находит в пропагандируемых нормах и образцах близкие собственному мировоззрению и художественным предпочтениям предметы культуры, ценности. Возможно, это связано и с тем, что в дискурсе отдельных политических лидеров РФ и СМИ в 2000-е гг. имело место отождествление российской культуры с русской (кроме того, Россия порой позиционировалась в этот период как страна преимущественно православная). В свою очередь, на такого рода результатах могла сказаться и стратегия властей Республики Татарстан первого десятилетия политически относительно автономного развития (1990-е гг.), в которой артикулировалась самобытность культуры татар и ее принципиальное отличие от русской и общероссийской.

И все же в целом, общее соотношение спланированных русских и татар со страной обстоятельство, а также показатели, полученные по каждому из них, весьма близки. В частности, наиболее выигрышными в качестве консолидирующих со страной для представителей двух основных по их численности в регионе этнических групп, оказались памятные исторические события (их отметили более половины всех опрошенных). Весьма удачным замыслом сплочения россиян стала и пропаганда спортивных достижений, поддержка на государственном уровне спорта. На третье место, несмотря на разницу в цифрах, и у русских, и у татар, вышли достижения страны в области науки и культуры.

По отношению к Республике Татарстан основными объединяющими компонентами являются: история, спорт, культура и экономические успехи региона – в равной мере (см. табл. 8). В степени же проявления локальной идентичности у относящих себя к татарам и русским также видны определенные различия: татарстанская идентичность несколько более значима для представителей титульной этнической группы региона, что особенно очевидно при сопоставлении данных по выбравшим вариант ответа «ощущаю, когда говорится о памятных для республики исторических событиях, датах». И в этом – косвенное воздействие этнокультурной политики, на этот раз РТ, поскольку в период утверждения суверенитета Татарстана его политическими и национальными элитами пропагандировались не только близкие и тем, и другим даты, но и способные разъединить их, как, например, взятие Казани Иваном Грозным.

**Обстоятельства, при которых респонденты
ощущают единство с Татарстаном (2010 г.), %**

Варианты ответов	Татары	Русские
Ощущаю, когда говорится о памятных для республики исторических событиях, датах	53,6	39,0
Когда слушаю выступления наших политиков, министров, говорится о наших успехах в общероссийской и международной политике	32,1	25,4
Когда речь идет о достижениях республики в области экономики	34,4	28,5
Когда чувствую обиду и досаду за неудачи нашей республики в области политики, экономики и т.д.	19,9	16,3
Когда слышу о достижениях в области культуры, науки, искусства	35,6	30,1
Когда слышу о достижениях наших спортсменов, спортивных команд республики	37,2	30,6
Когда слышу о республиканских молодежных движениях («Салат» и т.д.)	9,2	2,9
При иных обстоятельствах	0,8	1,4
Затрудняюсь ответить	10,9	14,1
Нет ответа	3,4	8,1

П р и м е ч а н и е: допускалось любое число ответов.

В качестве разобщающих со страной и регионом факторов, по результатам количественного и качественного исследования 2010–2011 гг., выступают и для русских, и для татар: отсутствие должного взаимодействия государственно-управленческой элиты и связанных с ней институтов, с одной стороны, и рядовых граждан – с другой; осложненная бюрократическими механизмами обратная связь между властью и социальными субъектами, ею не наделенными; коррумпированность чиновников; правовая и социальная незащищенность населения, его глубокое социальное расслоение и слабая материальная поддержка работников бюджетной сферы, а также отсутствие в РФ и в Татарстане продуманной и последовательной идеологии, способной объединить различные этнические и конфессиональные группы общества. При этом отдельные интервьюируемые татары, рассуждая о недостатках этой идеологии, подчеркивали неверный, на их взгляд, новый поворот России к стратегии сглаживания этнокультурных различий.

Интервьюируемый 1: *Вот самый тонкий вот из всех вопросов, который есть в любом государстве и в жизни. Самый тонкий вопрос – это национальный. Самый большой политик считается тот, который очень тонко разбирается вот в этих вопросах. Это я считаю, высшее искусство, да.*

Интервьюер: *А у нас умеют национальный вопрос поставить так в стране?*

Интервьюируемый: *У нас всегда в перевернутом состоянии.*

Интервьюер: *А что в этом плане не нравится?*

Интервьюируемый: *Сейчас, видите, опять началось наступление России на национальные вопросы*²².

В свою очередь некоторые русские в ходе обсуждений в семьях специально выделяли те особенности культурной политики Республики Татарстан, которые препятствуют формированию у них чувства солидарности с регионом. Главным образом их не устраивает меньшее, чем в других субъектах РФ, количество часов, отводимое в школах на преподавание русского языка в результате введения уроков татарского.

Интервьюируемая 1: *Ну, больше да, наверное, потому что внедряют же татарский язык, все требуют постоянно.*

Интервьюируемая 2: *Слишком уж. Можно конечно так, как бы, ну, без фанатизма. Сейчас с фанатизмом очень, вот /.../. Во-первых, в школе очень много языка и не только языка, и литературу татарскую ввели. Можно, мы не против, но уж очень много!*²³.

Необходимо отметить, что среди наших информантов даже оказались те, кто участвует в митингах, организуемых в последние годы Обществом русской культуры в Татарстане: *«Да, я сама там была, я выступать не стала, потому что я с Егором (младший сын интервьюируемой), против того..., за то, чтобы заменить количество уроков татарского языка на русский там, литературу, вот, и, то есть, слишком много татарского языка»*²⁴.

О тесной связи самоотнесения населения региона к национально-гражданским общностям, с одной стороны, и этническим с другой, говорит и то, что при ответе на открытый вопрос о консолидирующих с россиянами моментах некоторая часть русских самоопределялась в терминах этнонациональной и этнокультурной идентичности. Так поч-

²² Интервью в семьях № 8, 2010–2011 гг., татарин, 52 года.

²³ Интервью в семьях № 42, 2010–2011 гг., интервьюируемая 1 – русская, 17 лет; интервьюируемая 2 – русская, 40 лет.

²⁴ Интервью в семьях № 43, 2010–2011 гг., русская, 40 лет.

ти десятая доля отнесших себя к русским в ходе опроса указала, что их роднит с россиянами национальность (имеется в виду «этническая группа», см. табл. 9). В свою очередь, татары, размышляя над темой единства с россиянами, писали, что у них есть родственники и друзья – русские, и что они дружат с ними, и именно это объединяет их – татар с «ними» – россиянами (читай «русскими»). То есть, в сознании части населения страны, и региона в частности, этническая идентичность «русские» сливается с российской, о чем говорят и данные интервью: «... я живу в России, я русская. Я считаю, что и русской-то национальности как таковой нет. Просто это слово «русская» просто с Россией, не потому что это национальность...»²⁵.

Т а б л и ц а 9

Факторы, объединяющие с россиянами (2010 г.), %

Варианты ответов	Татары	Русские
Государство, президент, Конституция, закон и т.д.	25,3	17,4
Язык	7,1	23,4
Культура (а также образование, СМИ)	5,5	16,3
История	5,9	6,5
Родина, родная земля, соотечественники	18,4	22,0
Судьба, жизнь, вместе живем	11,8	8,4
Мир, дружба, общение	15,1	4,9
Русский, родственники русские, люди моей национальности живут в России	0,2	7,6
Вера, религия	–	2,4
Все объединяет, выражение позитивных эмоций	2,4	7,1
Общие проблемы	1,4	0,8
Общие цели, интересы	1,6	2,7
Менталитет, черты характера	1,4	3,8
Республика Татарстан – часть России	4,7	2,4
Экономика, работа	2,0	0,3
Спорт	0,4	0,8
Другое	5,1	3,5
Ничто не объединяет, выражение негативных эмоций	4,9	1,4
Затрудняюсь ответить ²⁶	6,1	4,1

П р и м е ч а н и е: % к ответившим.

²⁵ Интервью в семьях № 17, 2010–2011 гг., русская, 46 лет.

²⁶ Ряд респондентов указывали, что не видят различий между этим вопросом и вопросом об объединяющих с Россией моментах, и что они уже ответили на данный вопрос.

В то же время обращает на себя внимание то, что в качестве солидаризирующих с согражданами факторов написали «культура» шестая часть русских, «язык» – почти четверть. «Русский язык нужен как связующее звено для единого народа, культуры, – подчеркивает в ходе интервью 2010–2011 гг. информант-русский, 52 лет, – если мы заговорим все на своих языках только, то это ослабит нашу страну, причем значительно»²⁷. Одновременно среди татар язык и культуру как объединяющие с россиянами элементы назвали в ходе опроса лишь 6% и 7% соответственно. Такая разница в показателях опять-таки демонстрирует, что татары реже чувствуют свою сопричастность к культуре страны как к некоей целостности, составляющей основу российской общности. Наконец, показателем некоторых сохраняющихся до сих пор различий в национально-гражданских идентичностях русских и татар Татарстана выступает и тот факт, что несколько большее число первых использовало данный вопрос для выражения позитивных, а чуть больший процент вторых – негативных эмоций по отношению к России и россиянам.

Сравним приведенные результаты с аналогичными, касающимися общности респондентов с татарстанцами.

Таблица 10

Факторы объединения с татарстанцами (2010 г.), %

Варианты ответов	Татары	Русские
Республика, президент, территория, Конституция и т.д.	22,3	35,4
Язык	22,5	2,2
Культура, СМИ	14,1	5,0
История	3,6	2,8
Родина, родная земля, природа, соотечественники	21,9	22,0
Судьба, жизнь, вместе живем	5,9	11,9
Мир, дружба, общение, многонациональность и т.д.	7,3	8,6
Татарин (татарка), люди моей национальности живут в Татарстане	11,0	0,6
Вера, религия	6,6	0,6
Все объединяет, выражение позитивных эмоций	4,2	1,9
Общие проблемы	0,6	0,6
Общие цели, интересы	3,2	5,3
Менталитет, черты характера	2,4	0,8

²⁷ Интервью в семьях № 16, 2010–2011 гг.

Татарстан – часть России, бывшего СССР	2,2	6,7
Экономика, работа	0,4	0,8
Спорт	0,2	0,8
Другое	6,0	6,7
Ничто не объединяет, выражение негативных эмоций	1,6	2,4
Затрудняюсь ответить	4,0	3,9

Примечание: % к ответившим.

Сопоставление данных таблиц 9 и 10 обнаруживает близкое к зеркальному соотношение показателей по респондентам, определившим себя в качестве русских и татар. Так, язык, культуру, а также религию и менталитет указывали в качестве «роднящих» с другими татарстанцами, главным образом, относящие себя к титульной этнической группе. Десятая же доля татар заявила, что их объединяет с населением республики их национальность. Тем самым на этот раз мы наблюдаем тесное переплетение в сознании части опрошенных уже этнической татарской и региональной татарстанской идентичностей²⁸. В свою очередь русские, как и татары, когда их просили поразмышлять о близости с россиянами, при определении своей общности с жителями РТ «вынуждены» были искать иные, не связанные с культурой, а также с этнической «принадлежностью» моменты. Отсюда – достаточно большой процент русских написавших, что их объединяет с другими татарстанцами общая трудовая жизнь, быт, судьба, а также общение, мир и дружба, добрососедство и уважение, многонациональность региона, общие цели и интересы. При этом некоторая доля респондентов-русских (7%) не преминула здесь лишний раз напомнить, что Татарстан – это часть России а также бывшего СССР, показывая тем самым первостепенную для себя значимость общероссийской, а не региональной солидарности. Наконец, нужно отметить, что русские среди объединяющих с населением региона признаков чаще, нежели татары, называли такие формальные, связанные с административно-территориальной принадлежностью моменты, как территория республики, ее Конституция, президент; по отношению же к россиянам те же признаки указывались в первую очередь татарами.

²⁸ Причем если, там в целом более активными при ответе были русские, то здесь – татары. Кроме того, среди татар было чуть больше тех, кто использовал этот вопрос для выражения позитивных эмоций по отношению к своему региону.

Обобщая содержание статьи, сделаем следующие выводы.

1. В 1990-е гг., в условиях происходивших в стране и в республике в частности бурных трансформационных процессов, а также в обстоятельствах конкуренции федеральной и локальных властей по формированию идентичностей в регионе начинают складываться новые национально-гражданские солидарности – российская и татарстанская. При этом в связи с ослаблением позиций центра, провозглашением суверенитета Татарстана и выдвиганием местными элитами республиканских экономических и этнокультурных программ региональная общность, позиционировавшаяся в тот период руководством РТ как конкурирующая с государственно-гражданской, оказалась предпочтительной для большинства татар и части русских. Ощутимо большая приверженность первых данной общности являлась обусловленной присутствием в стратегии региона элементов этнонационализма. В то же время для значимой доли русских уже в ранний постсоветский период российская идентичность была преобладающей.

2. Начавшееся в 2000-е гг. активное нацистроительство в России, новая политика государства, направленная на объединение многообразного социально-политического и этнокультурного пространства страны, в первую очередь на основе русского языка и культуры, а также соответствующая корректировка региональной языково-культурной стратегии привели к заметному росту субъективной значимости российской идентичности. Поворот в этом направлении обозначился уже в начале 2000-х гг. и проявился в полной мере к концу первого десятилетия. Тем самым мобилизация лидерами РФ идеологических усилий на формирование новой государственно-гражданской общности и реализация ряда конкретных проектов интеграции возымели действие: предлагаемый идеологический конструкт нашел отклик в самосознании граждан.

3. Региональная идентичность также остается в первое десятилетие 2000-х гг. в той или иной мере востребованной у большинства русских и подавляющей части татар Татарстана. То есть усиление роли государственно-гражданской идентичности происходит здесь в основном не за счет татарстанской, а наряду и в сочетании с ней. Это объясняется помимо одобряемой существенной долей татар политики поддержки в регионе языка и культуры титульной этнической группы, относительно активным социально-экономическим развитием республики, успешными действиями политических элит, их шагами по направлению повышения статуса региона внутри страны и его известности в мире. Не по-

следнюю роль в этом играет и изменившаяся этнонациональная стратегия РТ, трактующая татарстанскую идентичность как часть общероссийской и подчеркивающая возможность полноценного этнокультурного развития татар в рамках единого российского государства. Благодаря такой смене акцентов в осуществляемой властями республики политике им удастся сохранить лояльность к себе большей части населения и поддержать актуальность региональной идентичности.

4. В степени выраженности российской и локальной идентичностей у относящих себя к двум основным по их численности в республике этническим группам существуют определенные различия. Российская идентичность несколько более значима для русских, региональная – для татар. И это помимо ряда исторических и социокультурных факторов обусловлено стратегиями Российской Федерации и Республики Татарстан в постсоветский период, которые при конструировании национально-гражданских общностей в той или иной мере опирались на элементы культур этнических. Причем в сознании и рассуждениях ряда респондентов имеет место свободная «подмена» национально-гражданских общностей этническими (когда российская идентичность отождествляется с русской, а татарстанская – с татарской). При наличии указанных различий общего во взглядах и представлениях русских и татар РТ несомненно больше.

5. Данные социологических исследований показали, что на конец первого десятилетия 2000-х гг. российская, региональная и этнические идентичности населения Татарстана чаще не находятся в конфликтном противостоянии друг другу, выступая в определенной субординации и образуя сложную многоуровневую систему. Однако в некоторых случаях актуализированные этнические идентичности вступают в противоречие с общероссийской либо региональной, что в свою очередь связано с особенностями стратегий федеральных и региональных игроков поля власти, использующих этнические компоненты для формирования национально-гражданских общностей.

Л.Р. Низамова

СМЕШАННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Тематика мультикультурализма как идеологии и политики демократического признания, «включения» в гражданское сообщество современных национальных государств является в России довольно новой и вызывает разноречивые оценки¹. Мультикультурализм в российском обществе имеет своих горячих сторонников и не менее решительно настроенных оппонентов. К числу преимуществ и позитивных сторон политики культурного плюрализма относят стойкое отторжение ксенофобии, этнических и религиозных предрассудков, шовинизма; воспитание уважения, терпимости и добрых взаимоотношений между группами и секторами общества; защита многообразных меньшинств и устранение практик социального исключения и негативной стереотипизации и многие другие. По признанию большинства отечественных ученых и исследователей, и для российского общества – это актуальные задачи, настойчиво требующие своего разрешения. Известно, что в 2000-х гг. страна столкнулась с небывалым ростом расизма и экстремизма, этнических предрассудков и ксенофобии.

Однако практика реализации политики культурного многообразия за рубежом выявила и уязвимые стороны этой стратегии. Среди ключевых недостатков мультикультурализма его противники называют: создание «угрозы» национальной гармонии и единству; преувеличенная этнизация социальных отношений и увековечивание культурных различий и границ через их институционализацию; отказ от либерального принципа приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов; и, наконец, неспособность наряду с этническим плюрализмом признать культурную гибридность и формирование космопо-

¹ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002; *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003; *Малахов В.С.* «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. – М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001; *Уолцер М.* О терпимости. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

литических или смешанных идентичностей. Данная статья посвящена рассмотрению последнего аспекта критики многокультурности.

Проблематика смешанных этнических идентичностей в условиях национальных государств конца XX – начала XXI вв. также относится к числу малоизученных, хотя формирование гибридных этнических идентичностей в обществе высокого (позднего) модерна и глобализации становится все более заметным явлением. О субъектах этнической смешанности, об этнической миксации (гибридизации) или не говорят вообще (как, например, их не замечает официальная статистика), или принимают как нечто уже состоявшее и неоспоримое. Пожалуй, чаще всего данная тема поднимается в рамках исследования межэтнических браков и этнически-смешанных семей, которые, как кажется, перестали быть по-настоящему интересными научному сообществу. По сравнению с советским периодом число публикаций по этому вопросу заметно сократилось, исследований потомков смешанных браков и выходцев из таких семей крайне мало. Тем не менее, новые социальные условия, задаваемые растущей мобильностью населения, поликультурностью позднесовременных обществ, разнонаправленностью векторов локализации и глобализации, а также научный контекст начала XXI столетия заметно актуализируют эту тему. Известно, например, что в контексте подготовки переписи населения РФ 2010 г. рассматривалась возможность указания сложных смешанных форм национальности россиян, но в окончательную программу этот пункт все же не был включен.

Формирование многоуровневых и плюралистичных этнокультурных идентичностей усугубляется наличием «модусов этничности», т.е. вариативности конкретной этничности в поле достаточно связанной сети социальных отношений, отличающихся от «других» и узнаваемых в своей инаковости. Практика конкретно-социологических исследований убедительно свидетельствует о наличии модусов этничности – о том, например, что можно не знать татарского языка и говорить преимущественно на другом языке (русском, турецком, английском и т.п.), но чувствовать себя татарин(ой) и участвовать в иных татарских этнических практиках². Можно быть (и признаваться дру-

² Низамова Л.Р. Множественные идентичности татарского сообщества г. Нью-Йорка (опыт полевого исследования за рубежом) // Социология. 2006. – № 1. – С. 165–177.

гими) русским при этнически смешанном происхождении, не будучи православным и проживая постоянно за границами России. Действительно, субстантивистская и эссенциалистская методология, лежащая в основе «фрагментарного» («мозаичного») мультикультурализма, не позволяет должным образом отразить неизбежные в условиях индустриального общества и текущей глобализации процессы изменения этнических границ, этнокультурного смешения и слияния³.

В данной статье предпринимается попытка ответить на ряд связанных между собой вопросов:

– может ли рефлексивный «демократический мультикультурализм» исправить вышеназванный дефект политики культурного многообразия?

– сложились ли в современной России массовые и устойчивые смешанные этнические идентичности?

– если да, то каковы их особенности, характерные черты? Если не сложились, то по какой причине?

Аналитические выводы и заключения строятся на материалах исследования отдельного и вместе с тем типичного случая – кейс-стади (case study) этнического самосознания и межпоколенных трансмиссий этничности студентов Казанского госуниверситета. Полевой этап был проведен в феврале-марте 2009 года с помощью массового анкетного опроса, в котором приняли участие 1500 студентов дневного отделения университета по репрезентативной квотной выборке. Из их числа по объективному критерию этничности предков представителями смешанного происхождения оказались 474 человека (31,6% от общей выборки 1500 человек): это значило, что названная респондентом этничность представителей двух старших поколений в семье (бабушек, дедушек, матери, отца) – не одна и та же. Степень смешения могла быть разной: от соотношения 50 на 50% двух этнических культур до присутствия 25% «другой» этничности» или четырех и более разных этнических групп (татары, русские, чувашы, украинцы, марийцы, евреи, кряшены, армяне и др.). Преобладающими, тем не менее, стали случаи русско-татарского смешения.

Выбор данного случая как типичного и показательного объясняется следующим:

³ Levy J.T. The Multiculturalism of Fear. – Oxford; N.York: Oxford Univ. Press, 2000.

1. Город Казань – это столица бикультурной территории, где веками сосуществуют и взаимодействуют татарская и русская, мусульманская и православная, а также другие культуры и религии. Наибольший интерес представляет этническое смешение представителей разнородных славянских и тюркских народов, а не близких с точки зрения этнической дистанции русского и украинского, татарского и башкирского (тем не менее, в выборку попали и такие случаи);

2. Казань – город с численностью населения более миллиона человек, а городская социально-гетерогенная территория является местом интенсивного взаимодействия и «перемешивания» человеческих судеб;

3. Студенчество – это вступающее во взрослую жизнь новое поколение молодежи, среди которого есть носители смешанной этнической идентичности. Это повзрослевшие дети от этнически-смешанных браков, о которых довольно много писали в советскую эпоху. В современной студенческой аудитории численно преобладают жители крупных городов;

4. По оценке российских ученых, люди с высоким уровнем образования и культурного капитала более открыты и непредвзяты с точки зрения выбора брачного партнера⁴. Студенты ведущего классического университета столицы Татарстана являются выходцами из семей с относительно высоким социальным, культурным, а также экономическим капиталами.

Однако определение этнически-смешанной идентичности по «объективно-формальному критерию» несовпадения этничности предков двух старших поколений не является достаточным, поэтому респондентам предоставлялась возможность самим определиться с национальностью и решить, является ли их происхождение смешанным. Их просили заполнить дополнительную часть анкеты, адресованную респондентам, имеющим этнически смешанное происхождение. Доля заполнивших составила 381 человек (25,4% от общей выборки 1500 человек или 80,4% от числа объективно имеющих смешанное происхождение).

Наличие устойчивой гибридной идентичности проверялось вопросом: *«Вы считаете или не считаете себя представителем одно-*

⁴ Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.253.

временно двух (нескольких) этнических культур?». Это уточнение сокращало долю представителей смешанной идентичности до 174 человек, отвечавших утвердительно (11,6% от общей выборки и 36,7% от выборки смешанного происхождения), при 49 респондентах 3,3% от общей выборки, затруднившихся с ответом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Вы считаете или не считаете себя представителем одновременно двух (нескольких) этнических культур?»

Варианты ответов	Частота	Доля (в %)
Да, считаю	174	36,7
Нет, не считаю	144	30,4
Затрудняюсь ответить	49	10,3
Нет ответа	107	22,6
Всего	474	100,0

То, что не все респонденты, имеющие этнически-смешанное происхождение де-факто, считают это существенным для себя и проблемным, подтверждалось распределением ответов на вопрос: «Вы испытываете или не испытываете затруднение с определением своей этничности (национальности)?». «Да» с большей или меньшей степенью уверенности сказали 100 респондентов (6,7% от общей выборки и 21,1% от смешанной выборки), а большинство – 270 (56,9% от смешанной выборки) – более или менее уверенно отрицали факт затруднений (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Вы испытываете или не испытываете затруднение с определением своей этничности (национальности)?»

Варианты ответов	Частота	Доля (в %)
Да, испытываю	48	10,1
Скорее испытываю, чем нет	52	11,0
Скорее не испытываю, чем испытываю	67	14,1
Нет, не испытываю	203	42,9
Затрудняюсь ответить	10	2,2
Нет ответа	94	19,9
Всего	474	100,0

Исследовательская анкета была построена так, чтобы не «провоцировать» актуализацию проблематики этнического смешения. Она

начиналась с формальной «паспортички» – привычных вопросов о поле, возрасте, национальности и других. Примечательно, что 5,3% студентов смешанной выборки не дали никакой информации об их национальности, проигнорировав вопрос или затруднившись ответить, а 13,3% – указали смешанную национальность (нередко с написанием через дефис, черточку). Например, «мультинациональная» (при смешанном мордовско-татарском происхождении); «многонациональный, в анкетах пишу татарин»; «русская-украинка», «азербайджанка-русская», «русский-украинец-поляк-татарин», «татарус» и прочие. В сумме – это 5,9% от общей выборки и 18,5% от величины смешанной выборки.

Подавляющая доля респондентов смешанного происхождения по сложившейся отечественной традиции сумели *выбрать* национальность. Большинство идентифицировали себя как «русские» (48,3%), заметную группу составили «татары» – титульная для региона национальность (27,2%). Доля остальных групп была очень невелика. Третью строку по представительности занимает «смешанная русско-татарская национальность» (9,5%), а в целом представители смешанной этничности – более 13 %. Это цифра, которую уже невозможно игнорировать (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Ваша национальность (этничность)» по выборке респондентов,
имеющих этнически-смешанное происхождение**

Варианты ответов	Частота	Доля (в %)
Русский (-ая)	229	48,3
Татарин (-ка)	129	27,2
Смешанная русско-татарская*	45	9,5
Смешанные другие	18	3,8
Другая	15	3,2
Украинец (-ка)	5	1,1
Еврей (-ка)	4	0,8
Чуваш (-ка)	3	0,6
Башкир (-ка)	1	0,2
Нет ответа	25	5,3
Всего	474	100,0

* Строка включает также 5 случаев (1,1%) смешения трех национальностей: русской, татарской и другой.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что практики *выбора* этничности в соответствии с официальными классификациями и устоявшимися политико-административными категориями весьма глубоко укоренены в сознании людей, несмотря на политику деинституционализации этничности в нашей стране последнего десятилетия.

Информация об этничности родителей позволяла выявить основные факторы выбора национальности (этничности) респондентами смешанного происхождения. Они были очень разными и могли накладываться друг на друга.

1. «Моноэтничность» родителей (24,5%), то есть в свое время родители сделали выбор в пользу одной этничности, несмотря на присутствие «другой крови»; это значит, что для внука, например, 25% иной «крови» тем более не имеют существенного значения.

2. Патриархальная традиция определения этнической идентичности ребенка по идентичности отца (27,6%).

3. Примечательно, что значение патрилинейности уже не является довлеющим. Довольно часто респонденты выбирают этничность матери (24,4%), прежде всего по двум основным причинам:

– выбор этничности матери – это выбор идентичности большинства и доминирующей культуры. Так, по данным кейс-стади, русскую идентичность при русском отце выбрали 17,6%, а при русской матери – аналогичный показатель – 17,6%;

– выбор этничности матери по семейным обстоятельствам – дети воспитывались матерью и в ее семье (их отцы или рано умерли или не участвовали в судьбе детей).

Немаловажным является и традиционное определение еврейской национальности по материнской линии (0,6%).

4. Выбор титульной идентичности (русской идентичности как общенациональной или татарской как титульной региональной). Некоторые, не вполне обоснованные случаи выбора доминирующей титульной идентичности составили незначительную долю – 3,3% (например, при объективно белорусско-татарском происхождении респондент считает себя русским).

Известно, что в паспортах граждан РФ графа национальность отсутствует, но иногда в целях статистической оценки состава населения она все же применяется. В контексте нашего опроса респондентам был задан вопрос: «В официальных документах (например, переписях населения и некоторых анкетах) обычно предлагается отнести себя к

одной из этнических групп; отсутствуют графы смешанной (например, двойной) этничности (национальности). Как Вы считаете, нужно или не нужно предоставлять возможность указания двойной этничности (национальности) людям смешанного происхождения?».

Примечательно, что позиции разделились; преобладало мнение о необходимости предоставить гражданам такую возможность (почти 41 % от смешанной выборки). Им возражали более 25,3% участников анкетирования, а почти 14 % затруднились с ответом. Каковы же мотивы такого решения?

Сторонники включения графы «смешанная этничность» чаще всего отмечали, что есть люди, относящие себя к двум и более национальностям, что важно избежать затруднений определения национальности и самоидентификации. Кроме того, подчеркивалось, что у каждого должны быть формальное право и реальная свобода такого выбора; осознавалась значимость корректности и полноты социальной информации, ведения точного учета населения страны.

Противники нововведений объясняли свою позицию тем, что человек обычно самоопределяется, делает выбор и в большей степени относит себя к одной из национальностей. Другая часть уверенно заявила, что национальность «не имеет значения и не обязательна»; ее не надо указывать, а графа «национальность» в официальных документах не нужна.

Нередко ориентиром для современных российских преобразований в условиях реформ является зарубежный опыт. Немалый интерес сегодня представляет практика переписей населения США, в частности анализ применяемых категорий статистического учета. В 2000 г. в США были внесены изменения в стандарт расового и этнического учета; впервые у граждан появилась возможность отметить не одну, а несколько рас, чтобы обозначить свою расовую идентичность. Стало возможным выбрать из 57 комбинаций основных 6 расовых групп США⁵: 1) белые; 2) чернокожие или афроамериканцы; 3) американские индейцы и коренное население Аляски; 4) американцы азиатского происхождения; 5) коренные гавайцы и выходцы Тихоокеанских островов; 6) «другая раса» – категория, которая была призвана

⁵ См.: Census 2000 Profile. U.S. Summary: 2000 / U.S.Census Bureau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.census.gov/prod/2002pubs/c2kprof00-us.pdf>, свободный. – Проверено 10.01.2011.

учесть мулатов, креольское население и метисов. Испаноязычные, или латиноамериканцы, учитывались как этничность, что позволяло выбрать одну из вышеназванных рас.

Доля, отметивших две или более рас, варьировалась в разных штатах: Вашингтон – 3,6%; Нью-Йорк – 3,1%; Калифорния – 4,7%. В среднем по США – 2,4%. Интересны данные по категории «Другая раса»: Вашингтон – 3,9%; Нью-Йорк – 7,1%; Калифорния – 16,8%. В среднем по США – 5,5%.

Удельный вес представителей смешанных расовых групп уступает по численности белым, афроамериканцам, но явно превосходит долю индейцев и приближается к численности американцев азиатского происхождения. Американский опыт учета культурного многообразия весьма интересен (например, стоит обратить внимание на использование разных языков в практике статистического учета; известно, что пятым по счету официальным языком переписи в 2010 г. стал русский язык), однако не может быть механически заимствован. Все всякого сомнения в России, где проживают представители 183 национальностей, возможные комбинации единиц учета гибридных идентичностей будут исчисляться не десятками, а тысячами, что заметно усилит позицию тех, кто считает новации в регистрации этнического разнообразия неоправданными и несвоевременными.

Проведенное кейс-стади подтвердило поколенческий рост доли смешанных идентичностей. Если в поколении бабушек / дедушек доля представителей смешанного происхождения колеблется от 1,3 до 2,1%, то в поколении матерей / отцов увеличивается более чем в 2 раза (в 2,35 раза – 3,8 – 4,2%). В поколении внуков уже составляет 13,3%, а это почти в 8 раз больше по сравнению с поколением бабушек/дедушек и более чем в 3 раза больше по сравнению с поколением родителей.

Если к информации об этничности поколения бабушек / дедушек стоит относиться с некоторой осторожностью (в силу фактора времени, неполноты или противоречивости информации), то данные по росту доли смешанных идентичностей в поколении детей по сравнению с поколением родителей – весьма красноречивы. Они в какой-то мере позволяют делать прогноз о дальнейшем росте числа индивидов этнически смешанного происхождения. Тем не менее, в этом случае придется сделать поправку на действие макросоциальных (этническая политика в стране и регионе, состояние межэтнических отношений) и

микросоциальных факторов (например, семейные обстоятельства), нивелирующих значение смешанности.

Характерными особенностями смешанной этнической идентичности, по данным проведенного кейс-стади, являются:

– относительное уменьшение субъективной значимости этничности в жизни человека. Это черта подтверждается ответами на вопрос о роли национальности (этничности) в жизни человека, свидетельствующими о большей распространенности ответов *«играет незначительную роль»* и *«не играет никакой роли»* по сравнению с общим массивом опрошенных. Весьма характерно явления этнонигилизма проявились в ответах: *«Национальности не имеют значения»*; *«это лишь формальное обозначение»*; *«мне неприятны данные темы»*; *«не считаю, что надо об этом задумываться вообще!»*;

– относительное уменьшение субъективной значимости религии и религиозной веры в жизни человека. В ответах на вопрос о роли религии в жизни в отличие от общей выборки преобладают ответы *«незначительная роль»* и *«не играет никакой роли»* (50% смешанной выборки, тогда как в общей выборке доля таких ответов ниже – 40%); *«важную»* и *«довольно заметную роль»* отметили – 43% (по общей выборке эта доля заметно выше – 55%);

– значительно большая, чем в среднем по выборке, русскоязычность и меньшая распространенность двуязычия; выявлена минимальная практика использования других языков, например, татарского. В целом, в значительном числе случаев можно говорить о доминировании мировоззрения русского человека при объективно смешанном происхождении.

Социально-психологический «портрет» личности смешанного происхождения противоречив, что, видимо, является следствием их одновременно позитивной и негативной социальной «привилегированности». В ответах на вопрос: *«На Ваш взгляд, принадлежность одновременно к двум (нескольким) этническим культурам дает или не дает человеку какие-либо преимущества в обществе?»* – мнения респондентов разделились приблизительно поровну. Среди преимуществ человека смешанной идентичности были названы:

– Знание и понимание нескольких культур (особенно языка, истории, традиций); равноправное представительство культур: *«Я могу находиться в двух этнических группах»*;

– Умение находить общий язык с представителями других национальностей; лучшие адаптивные способности человека: *«дает возможность лавировать между этническими группами»; «стирает границы в общении»; «свой среди многих групп»;*

– Знание нескольких языков; широкий кругозор и взгляды на жизнь; толерантность; богатство и разносторонность личности.

Среди негативных и создающих проблемы отмечена внутренняя рассогласованность смешанной идентичности. Респонденты признают, что *«трудно понять себя»*, есть *«чувство неудовлетворенности»; «я не знаю, кто я!»*. Среди иных проблем выделены:

– дискомфорт и неудовлетворенность этнического самоопределения и отнесения к конкретной национальности и культуре: *«угроза»* быть чужим для обеих культур: *«внутри достаточно сложно»; «между двух огней»; «получается эффект «серединка наполовинку»;*

– проблемы, возникающие из-за религиозных различий, отсутствия одной религии и необходимости выбора религии: *«кому-то хочется сделать выбор религии, а не может»;*

– существующие в обществе этнические предрассудки, рост национализма и нацизма; неприятие отдельными людьми и социальными группами этнически смешанных браков.

Реже упоминаются внутрисемейных разногласия и ссоры, желание родителей «перетянуть» на свою сторону; проблемы с родственниками.

Однако в целом лишь 13,9% респондентов смешанного происхождения уверенно полагают, что принадлежность одновременно к двум (нескольким) этническим культурам создает проблемы.

В заключение можно сделать вывод, что смешанные этнические идентичности в российском обществе сложились, но не являются массовыми и устойчивыми. По материалам данного исследования, они составляют не более 4–6% от общей выборки величиной в 1500 респондентов и 18,5% от числа студентов объективно имеющих смешанное происхождение. С одной стороны, наблюдается поколенческий рост доли индивидов этнически смешанного происхождения, что несколько не удивительно в условиях индустриального общества, урбанизации и современных коммуникаций. Уже в данном исследовании зафиксированы случаи смешения не только с представителями российских этнических групп, но и наличие выходцев из международных семей. Тем не менее, с другой стороны, действуют и факторы нивели-

рования социального значения и субъективной значимости идентичности гибридного происхождения.

К макросоциальным факторам можно отнести, во-первых, характер этнической политики в стране и регионах. В данный период в России доминирует ориентация на политику ассимиляции как условие формирования единой общероссийской гражданской идентичности. Она распространяется на большинство субъектов федерации, за исключением тех, в которых среди региональных элит сильны устремления к автономии и самостоятельности. Нельзя недооценивать фактор роста русского национализма, с одной стороны, и национализма титульных национальностей в республиках РФ, с другой. В то же время следует отметить и положительные эффекты политики ассимиляции и неприятия социального исключения «других». Политическая программа «включения» в сообщество российской гражданской нации не позволяет закрепить за носителями смешанных идентичностей ярлык «чуждых» и «отличительных», что типично для общества этнической сегрегации и иерархизации. Еще одним макросоциальным фактором является неприятие мультикультурализма как идеологии и политики признания культурного плюрализма и равноправия этнических культур в России. Преобладает негативистская трактовка мультикультурализма как нового варианта национализма и сепаратизма, неизбежно грозящего сецессией. Эффект отторжения культурного плюрализма и прав социально-исключенных групп подкрепляется укорененным в российском обществе антидемократическим антиэгалитарным дискурсом. В условиях существования этнических предрассудков и ксенофобии, углубления этносоциальной стратификации общества вряд ли можно ожидать формирования массовых и устойчивых гибридных идентичностей.

Среди микросоциальных факторов, сдерживающих восходящую динамику этнической гибридизации, можно выделить:

– особенности семейной социализации в условиях нестабильности семьи и роста числа разводов, отказ одного из родителей (чаще отца) выполнять родительскую роль, воспитание в неполной материнской семье;

– преобладание в повседневной коммуникации русского языка, отсутствие жестких этнических границ и массового этнического исключения в публичной сфере (на работе, в школе, в соседской среде и

т.п.) среди этнических групп, издавна проживающих на одной территории;

– смещение фокуса бытовых этнических предрассудков и фобий в сторону «новых» приезжих и иммигрантов.

Программа реализации мультикультурализма имеет перспективы в российском обществе не потому, что доля носителей гибридных этнокультурных идентичностей пока невелика, и ее можно проигнорировать. Возможности будущего заложены в потенциале вариативности идеологии и политики многокультурности и одновременной приверженности демократическим ценностям. Проблема признания гибридных идентичностей является препятствием, главным образом, для «мозаичного» (по терминологии С.Бенхабиб), или «фрагментарного» (по М.Вевьерка), или «параллельного» (по К.Цюрхеру), или «неистового и разобщающего» (по М.Уолцеру) мультикультурализма⁶. «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом, – поясняет С.Бенхабиб, – я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы»⁷. Сегодня такой подход, действительно, мало устраивает ученых и практиков, поэтому в качестве альтернативы выдвигается проект интегративной многокультурности.

Представляется, что рефлексивный и критический «демократический мультикультурализм», приняв во внимание справедливую критику, опираясь на присущие ему принципы недискриминации, «включения» в общее согражданство и последовательного поддержания культурного многообразия, сможет более гибко реагировать на вызовы времени и продемонстрируют способность к признанию новых и пока немногочисленных этнокультурных идентичностей, являющихся результатом социальной эволюции последних десятилетий.

⁶ См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003; Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 13–24; Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Политические исследования. – 1999. – № 6. – С. 105–118; Уолцер М. О терпимости. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

⁷ Бенхабиб С. Притязания культуры... С. 9.

З.А. Махмутов

КОМПОНЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР КАЗАХСТАНА*

Татары Казахстана – одна из самых многочисленных татарских диаспор в мире. В настоящее время, по данным Общеказахстанской переписи 2009 г., их насчитывается 204229 человек¹. Татарское население Казахстана представляет собой своеобразный конгломерат трех субэтнических групп волго-уральских (касимовских, казанских, татармишарей) и сибирских татар, сформировавшийся в регионе в результате интенсивных процессов миграции.

Широту, или объем, этнической идентичности показывают косвенные индикаторы этнической самоидентификации, то есть те элементы национального бытия, которые сближают одного этнофора с другими этнофорами своей национальности. Индикаторы этнической самоидентификации часто называют этноконсолидирующими факторами этнической идентичности. Они оказывают значительное влияние на формирование границ этнической идентичности, определяют их подвижность.

Важнейшее место среди индикаторов этнической самоидентификации традиционно у большинства народов занимал язык. Однако абсолютная доминанта данного критерия в шкале этноконсолидирующих признаков и в более раннее время была достаточно сомнительна: общий язык не мешал разным народам иметь отличную друг от друга

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, гранты № 07-01-18015е «Современное татарское население Северного Казахстана» (рук. Т.А.Титова) и 10-01-18034е «Современное татарское население Казахстана» (рук. Т.А.Титова). В период 2005–2010 гг. осуществлено полевое этносоциологическое исследование среди татарского населения Алматинской, Карагандинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областей. Выбор респондентов производился по методу «снежного кома» (было опрошено свыше 800 чел.). В этих же населенных пунктах был проведен ряд глубинных интервью с жителями указанных регионов, с представителями «символьной элиты», власти, служителями мечети.

¹ Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. – Астана, 2010. – С. 5.

этническую идентичность, потеря национального языка не всегда приводила к нивелированию этнических границ. Эпоха глобализации еще в большей степени пошатнула сформированные традиционные культурные символы и поставила перед научным сообществом новые исследовательские задачи, связанные с изучением процессов трансформации этнической идентичности в стремительно меняющейся реальности. Очевидно, что наибольшему изменению идентичности подвержены малые этнические группы в полиэтничном окружении, поскольку их этноконсолидирующие маркеры подвергаются воздействию как глобализационной, так и локально-доминирующей культуры.

Для выявления индикаторов этнической консолидации татарского населения в разных регионах Казахстана нами был использован вопрос: *«Что, по Вашему мнению, больше всего сближает Вас с людьми Вашей национальности?»*. В качестве ответа были предложены десять основных компонентов: происхождение, культура, язык, религия, родная земля, черты характера, этническое самосознание, историческое прошлое, внешний вид, что-то неуловимое, которые требовалось проранжировать по степени значимости. Кроме того, можно было дать и свои варианты ответа. Выяснилось, что татар Казахстана помимо вышеизложенного объединяет решительное желание отстаивать интересы своего народа, любовь к музыке и к национальной кухне, стремление сохранить традиции собственного народа, талант и упорство, вредность и хитрость, татарстанский флаг, а также спортивные символы: хоккейный клуб «Ак Барс» и футбольный клуб «Рубин».

В глубинных интервью, отвечая на данный вопрос, многие респонденты весьма эмоционально выражали позитивное отношение к своему народу.

Из интервью:

«Нас роднит гордость и какое-то внутреннее отличие. Чувство, что мы можем больше, чем от нас ждут, то, что мы любим и трепетно относимся к своей нации» (жен., 1988 г.р., г. Алматы).

Наиболее популярные стандартные варианты ответы респондентов на вопрос *«Что, по Вашему мнению, больше всего сближает Вас с людьми Вашей национальности?»* представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, больше всего сближает Вас с людьми Вашей национальности?»

	Алматинская область	Карагандинская область	Костанайская область	Павлодарская область	Северо-Казахстанская область	Казахстан
1	Язык	Язык	Происхождение	Язык	Язык	Язык
2	Происхождение	Происхождение	Язык	Происхождение	Происхождение	Происхождение
3	Культура	Культура	Культура	Культура	Культура	Культура
4	Религия	Религия	Религия	Религия	Религия	Религия
5	Этническое самосознание	Родная земля	Ист. прошлое	Ист. прошлое	Черты характера	Ист. прошлое

Как видим из таблицы, четыре базовых составляющих: язык, происхождение, культура, религия – являются основными этноконсолидирующими индикаторами для татар Казахстана. Шкала значимости данных элементов в разных регионах практически идентична, исключением является Костанайская область, где важнейшую объединяющую роль играет происхождение, а не язык. Превалирование происхождения над языком в этноконсолидирующей структуре нередко встречается среди малых этнических групп в полиэтничном окружении². В то же время доминирование языка как основополагающего интегрирующего показателя характерно для татарского населения³, что свидетельствует о том, что татары склонны трактовать этническую принадлежность в традиционном ее понимании и наделяют ее

² Титова Т.А. Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. – Казань, 2007. – С. 158.

³ См., напр.: Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. – Казань, 1998. – С. 148; Гарипов Я.З. Функциональное развитие татарского языка как государственного // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков. – Казань, 2007. – С. 29.

духовной составляющей. Однако культурный компонент среди татар Казахстана менее актуализирован, чем среди татарского населения Татарстана⁴. По нашему мнению, это связано с постепенной утратой культурной специфики, свойственной малым этническим группам в инокультурном окружении.

Прочное место в шкале этноконсолидирующих факторов у татар в разных регионах Казахстана твердо занимает религия. Отметим, что ислам был специфической чертой любой классической дореволюционной татарской общины, на основе его функционировала и развивалась вся национальная инфраструктура (школы, библиотеки, газеты, религиозные и светские общества). Не были исключением и татары Казахстана. Татарские переселенцы в городах Казахстана селились достаточно компактно, практически в каждом крупном городе существовал татарский район, в котором находилась мечеть и медресе, а в начале XX в. и мусульманские библиотеки. В некоторых городах, таких как Петропавловск и Семипалатинск, где татарские районы были особенно большие, функционировало одновременно сразу несколько мечетей, формируя систему махалли. Национальная инфраструктура, этнические ценности и культура не рассматривались татарами того времени вне контекста религиозного мировоззрения. Идея пантюркизма, получившая особую популярность в татарском обществе в конце XIX – начале XX вв., провозглашала доминату конфессиональных маркеров над этническими границами. В 1917–1919 гг. разворачивается борьба за создание Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, где активнейшее участие принимали татары Казахстана. В советское время важной составляющей государственной политики становится уничтожение религиозных институтов. К концу 1930-х гг. практически все мечети и медресе в Казахстане были закрыты. Несмотря на насаждение в течение более чем полувека идеологии атеизма, религия оставалась важным компонентом этнической культуры, татары продолжали соблюдать национальные ритуалы, базирующиеся на исламской обрядности, пытались строить мечети. Небывалым всплеском религиозности ознаменовались 1990-ые годы. Религия быстрыми темпами стала отвоевывать утраченные ранее позиции, национальные движения на этой волне стали активно использовать ислам для достижения

⁴ Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. – Казань, 1998. – С. 148.

эффекта этнической консолидации. «Идеологами татарского национализма исламизация татар рассматривается как один из инструментов этнической мобилизации, способ «духовной консолидации нации», которой, по их мнению, угрожает русификация и культурная ассимиляция», – отмечает исследователь Е.О. Хабенская⁵.

В настоящее время влияние ислама на татарскую идентичность оценивается от сдержанного⁶ до фундаментального⁷. Этномобилизующую роль ислама для татар историки, этнографы, религиоведы усматривают в исторических предпосылках, а именно в попытках насильственной христианизации татар, когда смена религии рассматривалась как символ предательства и русификации⁸. Дж. Де Вос, видимо имея в виду подобные случаи, отмечает: «Приверженность этнической группы какой-либо религии может стать символом сопротивления доминирующей группе и, таким образом, превратить религиозную принадлежность в способ отстаивания этнической идентичности»⁹.

Однако необходимо отметить, что существенное воздействие на этнические процессы ислам оказывает не только у татар. Например, ряд исследований свидетельствует о том, что в целом у мусульман религиозная идентификация более актуализирована¹⁰, а конфессио-

⁵ Хабенская Е.О. Татары о татарском. – М., 2003. – С. 126.

⁶ Коростылев А.Д. Религиозность в контексте межэтнических отношений // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. – М., 1998. – С. 219.

⁷ Уразманова Р.К. Этнография «мусульманского» в бытовой культуре современных татар // Материалы VII Конгресса этнографов и антропологов России. – Саранск, 2007. – С. 110.

⁸ См., напр.: Мусина Р.Н. Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. – М., 1998. – С. 231; Мухаметшин Р.М. Исламский фактор в общественном сознании татар // Татарстан. 1994. № 3–4. – С. 122; Ермолаев И.П. Город Казань по писцовым книгам 1565–68 годов. – Казань, 1992. – С. 7.

⁹ Де Вос Д. Этнический плюрализм: Конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – М., 2001. – С. 238.

¹⁰ См., напр.: Телебаев Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социологические исследования. 2003. № 3. – С. 104; Кушкумбаев С. Ислам в Казахстане и этническая идентичность // Материалы международной конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве». – Казань, 2004. – С. 96;

нальная принадлежность в шкале этноконсолидирующих факторов более значима, чем у христиан¹¹. Таким образом, вероятно, не только исторические предпосылки определяют подобное влияние религии на этническую идентичность татар, а важную причину таит в себе и сама специфика ислама.

Иные причинно-следственные связи между религией и этничностью пытается рассмотреть казахстанский исследователь А.К. Султангалиева. По ее мнению, сама актуализация этнической идентичности повышает религиозность этнофоров, а не наоборот¹².

Действительно, как свидетельствуют глубинные интервью, для многих татар Казахстана, особенно для младшего и среднего поколения, приверженность исламу не столько свидетельствует о наличии у них религиозного сознания, сколько является символом их этнической принадлежности.

Из интервью:

«Я считаю, что если ты считаешь себя татаринном, то должен находить время хотя бы по праздникам ходить в мечеть» (муж. 1958 г.р., г. Костанай).

«Я родилась в настоящей татарской семье и, естественно, я мусульманка» (жен. 1987 г.р., г. Алматы).

Утрату же своей профессиональной принадлежности некоторые наши респонденты связывают с потерей традиционных татарских ценностей и постепенной ассимиляцией с русским населением.

Из интервью:

«Татары, которые отходят от ислама, теряют свою суть. Они по-другому относятся к семье, к окружающим их людям. Теряют интеллигентность, перестают соблюдать традиции, знать национальный язык и этот список можно продолжать до бесконечности» (жен., 1982 г.р., г.Павлодар).

Ландау Я., Кельнер Б. Языковая политика в мусульманских государствах – бывших союзных республик. – М., 2004. – С. 16; Мельков С. Трансформация военной политики России под влиянием исламского фактора // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. – С. 65.

¹¹ См., напр.: Титова Т.А. Армяне г. Казани // Диаспоры. 2004. № 3. – С. 21; Ганеева Э. Диаспоральный Узбекистан: Традиции и новации // Диаспоры. 2006. № 2. – С. 91.

¹² Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история. – Алматы, 1998. – С. 64.

«Местная татарская молодежь потихонечку начинает терять свою национальность, главной причиной этого является то, что они отходят от религии, от веры своих предков» (муж., 1948 г.р., г. Петропавловск).

Рассмотрим актуальность тех или иных этноконсолидирующих факторов для разных возрастных групп татарского населения в Казахстане.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, больше всего сближает Вас с людьми Вашей национальности?» в разных возрастных группах

	Старше 60 лет	От 30 до 60 лет	От 18 до 30 лет
1	Язык	Язык	Происхождение
2	Происхождение	Происхождение	Культура
3	Культура	Культура	Язык
4	Религия	Религия	Религия
5	Родная земля	Историческое прошлое	Этническое самосознание

Данная таблица наглядно демонстрирует определенный процесс трансформации интегрирующих показателей среди татарского населения Казахстана. Для представителей старшего поколения наивысшую ценность представляет язык, а также такие базовые элементы, как происхождение, культура, религия. Пятое место по степени важности занимает родная земля, что в определенной мере является отражением мифологизации данного понятия. По мнению некоторых исследователей, мифологизация исторической родины является неотъемлемым компонентом ущемленного, а потому гипертрофированного этнического самосознания¹³. На наш взгляд, в данном случае сакрализация «родной земли» старшим поколением, в первую очередь, связана с исторической судьбой татар Казахстана: многие покинули родные края в молодые годы и приехали сюда для освоения целины, для работы на новых промышленных предприятиях. Однако тоску по детству, по родной земле и сейчас можно обнаружить во многих глубинных интервью.

¹³ См., напр.: Хабибуллин К.Н., Скворцов Н.Г. Испытания национально-го самосознания. – СПб., 1993. – С. 18; Хабенская Е.О. Татары о татарском. – М., 2003. – С. 127.

Из интервью:

«Мы приехали с мужем в г. Караганду в 1956 году. Он всю жизнь был шахтером, я проработала медсестрой. Мужа уже пять лет как нет. В Татарстане остались две родные сестры и брат. Иногда езжу к ним, пока ноги ходят. В последнее время часто вспоминаю детство, родную улицу, татарскую речь за окном. Хотелось бы переехать и умереть там, но дети все здесь. А куда я без них?» (жен., 1936 г.р., г. Караганда).

«Когда приехал в Казахстан после армии, не думал, что здесь задержусь надолго. Но женился, появилась семья, дети. Сколько прожил здесь, все равно иногда тянет обратно, хоть и дома родительского уже нет, родственников толком уже не осталось и такого количества песен татарских не играют, как в детстве было. Бывал там пару раз, атмосфера все равно – родная» (муж., 1940 г.р., г. Алматы).

Для респондентов моложе 30 лет родная земля уже не имеет особого значения, а язык не является первостепенным объединяющим моментом, данную позицию занимает происхождение. Актуализируются психологические индикаторы: наряду с происхождением, культурой, языком и религией пятым по степени важности элементом становится этническое самосознание. Данное явление, безусловно, связано с возрастающим дефицитом культурной отличительности¹⁴.

Из интервью:

«Определяющим для большинства молодых татар при незнании языка, культуры, религии становится мода. А мода сейчас – это самый важный инициатор этнического самосознания. Мы придумали и провели в г. Алматы интерактивный спектакль – «Моя большая татарская свадьба». Люди в кафе видели спектакль с татарскими обычаями и сидели за столом, как на настоящей свадьбе, из этого проекта родилось много чисто татарских семей. Молодежь реально увидела, что татарские свадьбы – это не антимодно и неустаревшая версия, а красивый реальный обычай... и стало модно делать татарские свадьбы, и для татарских свадеб начали искать татарских партнеров... вот так мода напрямую объединяет татар и рождает новых татар» (муж., 1975 г.р., г. Алматы).

¹⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – С. 28–29.

Потеря культурной отличительности, в первую очередь, связана с утратой языковой компетенции. В следующей таблице сравним этноинтегрирующие признаки татар, в совершенстве владеющих национальным языком, и татар, не владеющих им вовсе.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, больше всего сближает Вас с людьми Вашей национальности?» в зависимости от языковой компетенции

	Свободно владеющие национальным языком	Не владеющие национальным языком
I	Язык	Происхождение
II	Религия	Культура
III	Культура	Религия
IV	Происхождение	Язык
V	Родная земля	Этническое самосознание

Представленная таблица свидетельствует о несовпадении этноконсолидирующей шкалы у татар, не знающих национального языка, и татар, владеющих им, что может служить объяснением возрастной трансформации этнообъединяющей структуры, а также определенным ее отличием в некоторых регионах Казахстана.

Рассмотрим актуальность этнической идентичности в социальной структуре респондентов, для которых наиболее очевидными объединяющими признаками являются происхождение и культура.

Таблица 4

Актуальность этнической идентичности в структуре социальной идентичности татар Республики Казахстан с разными этнодоминирующими индикаторами (%)

	Респонденты, считающие важнейшим этноконсолидирующим маркером происхождение	Респонденты, считающие важнейшим этноконсолидирующим маркером язык
Этническую принадлежность поставили на 1 место	22	33
Упомянули этническую принадлежность	42	53

Мы видим, что у татар, маркирующих идентичность, главным образом, национальным языком, этничность более актуализирована, чем у татар, объединенных, в первую очередь, происхождением (корреляция $r=0,13$ («слабая» по Шкале Чеддока, коэффициент корреляции статистически значим)). Таким образом, этноконсолидирующие индикаторы свидетельствуют о процессах трансформации национальной идентичности в условиях ассимиляции.

Итак, важнейшими этнообъединяющими индикаторами татар Казахстана являются язык, происхождение, культура и религия. Степень значимости данных компонентов не во всех регионах Казахстана идентична. В настоящее время происходит трансформация этноконсолидирующей шкалы. В условиях ассимиляции все большую ценность для татар приобретает фактор общего происхождения, меньшую роль начинает играть язык, который постепенно утрачивает вслед за коммуникативной и символическую роль.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ

Г.Р. Столярова

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАНИ: ТРАДИЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

История межэтнических отношений народов в нашем регионе насчитывает не одно столетие. За это время сформировались различные каналы взаимодействия, среди которых в отдельные исторические периоды нашлось место и для немирных форм. Однако, несмотря на большие различия в языке, религии, этнической культуре и психологии поволжских народов, имевшиеся противоречия никогда не носили характера этнических войн. Напротив, многочисленные исследования этнической истории народов края показывают, что межэтническое взаимодействие явилось мощным фактором в их формировании и развитии, в том числе и местного русского населения, получившего в литературе специальное название – поволжские великороссы. Парадоксально, но факт, что русские, появление которых в регионе связывают с аннексией Русским государством Казанского ханства в XVI веке, не только быстро адаптировались в новой культурной среде, но и стали восприниматься окружающими этносами как паритетный партнер.

В советский период осуществлявшаяся национальная политика при своих плюсах (стимулирование развития профессиональной культуры, всеобщее образование, социальный рост, урбанизация и др.) заложила немало мин замедленного действия в фундамент уже сложившихся межэтнических взаимоотношений. К этим негативным явлениям можно отнести принципы национально-государственного строительства с ранжированием субъектов государства на союзные, автономные республики, края, национальные округа по малообъяснимым признакам; произвольное проведение границ; волюнтаристское вмешательство в этнокультурные и этноязыковые процессы, и целый ряд других. Последствия незамедлительно проявились в перестроеч-

ный и постперестроечный периоды по всей России, но имели специфические региональные особенности.

Для жителей Татарстана постсоветский период оказался непростым. Формулировались основные вопросы: мы в России или нет? как расценивать амбиции лидеров национальных движений? не пора ли русским выезжать за пределы Татарстана в «русские» области? Обозначились и этнокультурные проблемы других этнических групп, закономерно не признающих себя диаспорами в Татарстане: мордвы, чувашей, мари, удмуртов, башкир. Не последний вклад в общий дискомфорт внесли в свое время средства массовой информации: вокруг Татарстана складывался имидж острова сепаратизма.

В Татарстане состояние межэтнических отношений определяется, прежде всего, взаимодействием групп этнического большинства – татар и русских. Положение их было и остается различным. Татары в советское время имели все основания для накопления негативного этноцентрического начала: их обошли в форме национально-государственного устройства; произвольно резались этнические границы; произошло насильственное вторжение в языковую, этнокультурную и конфессиональную среду и т.д. Русские же, будучи в статусе этнического большинства, естественно, никакого дискомфорта не испытывали, хотя их проблемы также очевидны: исход русского населения из села и подрыв тем самым корней этнической культуры; конфессиональные запреты; потеря защитной реакции как этнической группы. В результате к историческому моменту, объявленному «перестройкой», создалась ситуация благодушного неведения одних (русских) и накопившегося раздражения других (татар). Наиболее ярко это отразилось в том, что на первом этапе суверенизации – разворачивании национальных движений – при широкой активности партий и организаций татарской ориентации подобные образования русской ориентации либо запаздывали, либо быстро распались.

В настоящее время ситуация изменилась. Татары являются титульным этносом, и это заметно во многих сферах жизни. Для русского населения потеря роли «старшего брата» оказалась слишком стремительной – отсюда неадекватная реакция на события, наиболее проявляющаяся в инерционности общественно-политического мышления и развития. Между тем, состояние межэтнических отношений является одним из самых важных факторов, влияющих на различные общественные сферы, и требует постоянного к себе внимания.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием межэтнических отношений в г.Казани на основе материалов этносоциологического опроса, осуществленного по проекту «Трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Постсоветский опыт» (далее в тексте – «ТиА-2006»)¹, а также ряда проектов ЦИМО ИЭА РАН в Татарстане, в которых автор принимала участие. Казань – столица Республики Татарстан, один из крупнейших и старейших городов Волго-Уралья и России, в котором проживает 40% всего городского населения Республики Татарстан. Культурно-антропологический облик Казани издавна определяется совместным проживанием представителей двух крупных этнических групп – русских и татар, доля которых в населении города составляет свыше 96%².

По проекту «ТиА-2006» опрашивались татары и русские в г. Казани; более половины их проживает в столице Татарстана с рождения. Большинство опрошенных – 74,2% татар и 77% русских – устраивает место их жительства, и они не собираются никуда переезжать. К потенциальной миграции готовы 5,7% татар и 9,1% русских; не определились в решении о возможном переезде, соответственно, 19,2% и 15,6% опрошенных. И, если для русских наиболее предпочтительными местами для переезда являются области России и другие страны (по убыванию), то для татар – другие районы Татарстана и зарубежные страны. В качестве мотивов переезда у татар доминирует «невозможность решить жилищную проблему»; второе-третье места делят «неустойчивое экономическое положение» и «ухудшение межнациональных отношений в Татарстане» (по 6 человек, т.е. 1,2% от общей выборки). Для русских основным мотивом возможного переезда названы «семейные причины», второе-четвертое места занимают экономические причины (неустойчивое экономическое положение, невозможность решить жилищную проблему, рост цен), на проблемы в сфере межэтнических отношений указали всего 2 русских респондента.

Несмотря на явно невысокую значимость этнического фактора среди мотивов эмиграции, его наличие все же не может не настораживать. К тому же среди проявлений несправедливого отношения к себе 7,1%

¹ Опрошено 1000 человек (500 татар и 500 русских). Подробнее о проекте см.: Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / Редакторы составители: Л.В.Остапенко, И.А.Субботина. Общая редакция М.Н.Губогло. М., 2008.

² <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/нац%20состав.pdf> – [Электронный ресурс] – Проверено 23.12.2012 г.

русских и 9,4% татар отметили, что это было связано с их национальной принадлежностью. Это не самая часто встречающаяся причина неприязни со стороны окружающих: ведущие позиции здесь занимают гендерные, социальные и политические показатели, а в числе самых острых социальных проблем напряженность в межнациональных отношениях отметили всего несколько человек (татар и русских). Тем не менее можно вести речь о проявлениях бытового национализма. Понятно, что в такой высокочувствительной сфере, как этническая, достаточно одного инцидента (вызванного зачастую вовсе не этнофобией со стороны окружающих, а элементарным невниманием, небрежностью или невежеством), чтобы возник отрицательный стереотип, способный внести диссонанс в благоприятную в целом обстановку.

Важным индикатором межэтнических отношений является ориентация респондентов на этнически смешанные контакты в семейно-брачной сфере. Нарушение этнической эндогамии означает выход личности за рамки этноцентристского «мы» и психологическую готовность к восприятию иноэтнического «они». Как правило, положительная ориентация на этническое смешение в брачной сфере сопрягается с толерантностью в других сферах жизни, и может, таким образом, замерять уровень межэтнической напряженности в обществе.

Феномен межнациональной брачности в регионе имеет довольно длительную историю. Особенно интенсифицировались процессы заключения этнически смешанных браков и образования национально-смешанных семей в советское время. Материалы опросов 1960–80-х годов указывают на то, что в обществе в целом сложились благожелательные установки на межэтнические браки. На уровне обыденного сознания декларированная «нерушимая дружба народов» интерпретировалась как жизненная «дружба людей». Параллельно укреплялось мнение оппонентов, нашедшее яркое выражение в программах радикальных национальных движений и высказываниях их лидеров. В качестве главных аргументов здесь фигурировала боязнь ассимиляции и аккультурации, и в связи с этим оказалась закономерной апелляция к этническому самосознанию соотечественников с призывом к эндогамии. В этом процессе необходимо выделить два уровня: уровень политического этноцентризма и уровень обыденного этноцентризма, хотя в практике они нередко пересекаются. Обыденный этноцентризм строится на чисто психологических основаниях: личностной неприязни, негативном жизненном опыте, некоторых биологических отклонениях и других. Политический этноцентризм вырастает из обыденного

и представляет собой сложную конструкцию, в которой доминируют популистские настроения. Именно на этом уровне распространяются различные неподтвержденные данные. Между тем, доля межэтнических браков в Татарстане в целом и в Казани, в частности, не только не уменьшается, но и продолжает расти, что свидетельствует об объективном течении процесса в условиях полиэтничного региона: в 1970 г. доля межэтнических браков в Казани составляла 20,3%; в 1980 г. – 23,6%; в 1990 г. – 28,1%; в 1999 г. – 32,0%³.

В опросах, проведенных нами в различные периоды, ставился вопрос об отношении к межэтническим бракам в разных формулировках: отношение к межэтническому браку вообще, к проективному браку своих детей (сыновей и дочерей по отдельности), к возможности самому респонденту вступить в межэтнический брак.

Опросы 1993–2003 гг. дали следующие результаты:

- В целом положительно к межэтническим бракам вообще относятся большинство респондентов – свыше половины и татар, и русских. К этой же группе примыкают ответы респондентов, выбравших вариант «безразлично», что, по сути, означает, что для них национальность в браке не имеет значения, по крайней мере, они не против смешанных браков.

- Русские, в целом, более положительно относятся к межэтническим бракам, чем татары, разница в позициях составляет чуть более 10%. Хотя статистически эта разница значима, все же считаем ее не столь существенной, во всяком случае, она много ниже, чем это можно было бы предположить. Видимо, дело заключается в том, что голоса противников национально-смешанных браков звучат гораздо громче и тем заметнее; люди же, считающие межэтнические браки делом обычным, не находят нужным эту само собой разумеющуюся «обыденность» защищать.

- Респонденты, сами родившиеся и выросшие в национально-смешанных семьях, позитивнее относятся к межэтническим бракам; особенно отчетливо это выражено у татар.

- При выражении своего отношения к проективному межэтническому браку собственных детей различий между сыновьями и дочерьми не делается.

³ Подсчитано автором по материалам Архива ЗАГС РТ.

- Русские несколько позитивнее относятся к межэтническим бракам своих детей, чем татары; мужчины, в целом, позитивнее, чем женщины (кроме мужчин-татар из национально-смешанных семей).

- У всех групп отношение к абстрактному межэтническому браку лучше, чем конкретно к проективному межэтническому браку своих детей.

Материалы опроса «ТиА-2006» показали большую полярность оценок к проективным межэтническим бракам своих детей: вариант ответа «национальность не имеет значения» выбрали 39,2% русских респондентов и 17% респондентов-татар; вариант ответа «считаю брак нежелательным» – соответственно 19,5% и 37,1%. Треть респондентов – и татар (35,5%), и русских (31,9%) – не стали бы возражать против вступления своих детей в межэтнические браки, хотя предпочли бы в качестве проективных брачных партнеров представителей своей национальности.

Более негативная позиция татар, в сравнении с русскими, в отношении к межэтническим бракам, очевидна из следующих данных (таблица 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на суждение: «межнациональные браки – это скорее негативное явление, которое ведет к ассимиляции» (% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– полностью согласны	8,3	17,3
– скорее согласны	18,3	21,4
– скорее не согласны	29,5	21,4
– полностью не согласны	26,0	19,5
– затрудняюсь ответить	17,9	20,4

Как видим, несмотря на преобладание положительных оценок межэтнических браков, доля лиц, относящихся к ним отрицательно и считающих их нежелательными для своих собственных детей, остается довольно высокой, что, впрочем, не удивительно, поскольку семейно-брачная сфера является наиболее интимной. В других сферах межэтническая толерантность выражена намного отчетливее.

Так, всего лишь 3,8% опрошенных татар и 1,8% русских предпочли бы работать под руководством человека только своей национальности; для 48,1% татар и 45,1% русских национальность руководителя не имеет никакого значения. Аналогичны показатели, харак-

теризующие отношение респондентов Казани к работе в многонациональном коллективе: для 48% опрошенных (и татар, и русских) национальный состав рабочего коллектива не имеет значения, а 6% татар и 3,5% русских полагают, что работать в этнически смешанном коллективе сложнее. При этом примерно пятая часть респондентов (и татар, и русских) полагает, что национальность человека должна учитываться при приеме его на работу; 10% опрошенных русских и 17% татар затрудняются определить свое отношение к этническому фактору; остальные респонденты – явное большинство – считают, что при трудоустройстве национальность человека не имеет значения.

На вопросы об интенсивности общения респондентов с людьми других национальностей в различных сферах были получены следующие ответы (таблица 2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Представителей какой национальности больше среди людей, с которыми Вы общаетесь»
(% к числу ответивших).

	Русские				Татары			
	1	2	3	4	1	2	3	4
а)	40,1	32,7	21,5	5,7	47,5	27,7	16,7	8,1
б)*	18,6	32,7	23,3	5,9	26,4	32,4	23,6	5,7
в)	23,0	44,0	23,3	9,7	28,6	46,2	19,5	5,7
г)	75,8	10,6	9,7	3,9	78,0	10,4	7,5	4,1

Условные обозначения: а) – ваших близких друзей; б) – Ваших коллег по работе (учебе); в) – Ваших соседей; г) – Ваших родственников. 1 – большинство людей моей национальности; 2 – русских и татар примерно поровну; 3 – люди разных национальностей; 4 – затрудняюсь ответить.

* Сумма ответов меньше 100%, т.к. не учтены не работающие и не обучающиеся.

Как следует из приведенных данных, и татары, и русские чаще общаются с представителями своей национальности в семейно-родственной сфере. В остальных сферах – дружеской, производственной, соседской – общение с представителями других национальностей не намного реже (в дружеской сфере, к примеру), а порой и чаще, чем с членами своей этнической группы. Отличия между татарами и русскими по рассмотренным вопросам незначительны, хотя у татар более

заметно стремление к общению с людьми собственной национальности. Причем, судя по реакции респондентов, они вполне удовлетворены качеством своих отношений с представителями других национальностей (таблица 3).

Между тем лишь треть русских респондентов и четвертая часть респондентов-татар относится к увеличению в республику потока мигрантов как к нормальному, обычному явлению; большинство же относится к этому явлению безусловно отрицательно или скорее отрицательно (таблица 4).

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы отношениями, которые складываются у Вас с людьми других национальностей?» (% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– полностью удовлетворен	35,7	39,6
– скорее удовлетворен	49,9	43,4
– скорее не удовлетворен	3,5	3,8
– полностью не удовлетворен	0,3	1,3
– затрудняюсь ответить	10,6	11,9

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к увеличению в Татарстане числа мигрантов из других регионов России?» (% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– безусловно отрицательно	18,0	23,0
– скорее отрицательно	29,5	35,5
– нормально	36,6	23,9
– положительно	5,6	3,8
– затрудняюсь ответить	10,3	13,8

Сегодня можно говорить о кардинальных переменах в общественном мнении в отношении к мигрантам. Если в советское время передвижения по стране людей различных национальностей были абсолютно обычным явлением и проблемы не выходили за рамки локальных бытовых недоразумений, то в постсоветский период общество поляризовалось в отношении мигрантов, причем, сектор негативно настроенных местных жителей намного превышает долю тех, кто относится к мигрантам, если не с явной симпатией, то хотя бы с пониманием.

При ответе на более конкретный вопрос «Представителям каких национальностей, проживающих в Казани, Вы больше доверяете?» лидирует вариант ответа «всем в равной мере» – так ответили 32,1% татар и 37,5% русских. Вторую позицию доверия занимает отношение к представителям собственной этнической группы – 31,8% у татар и 20,9% у русских. Далее следуют варианты «затрудняюсь ответить» – соответственно, 16,4% и 13,6% и «никому» – соответственно, 7,2% и 12,1%. Показатели взаимного доверия составляют у татар по отношению к русским 2,5%, а у русских по отношению к татарам – 3,2%; В целом уровень доверия к представителям иных национальностей в г.Казани следует признать достаточно высоким.

Отношение к своей этнической группе и представителям иных этносов в определенной степени определяется ответами на вопрос «Представители каких национальностей, по Вашему мнению, легче всего приспосабливаются к современной жизни?». Большинство наших респондентов считает, что – никто, «всем одинаково трудно». Так считают 46,3% русских и 35,8% татар. Вторую по численности группу респондентов составляют затруднившиеся с ответом – соответственно, 18% и 23,3%. На третью позицию и русские, и татары вывели представителей своей собственной этнической группы – соответственно, 10,3% и 14,2%. Следующее место русские отдали татарам, а татары – русским, но доля татар, полагающих, что адаптация русских к современным реалиям протекает легко, составляет 9,1% (что близко к самооценке русских), а доля русских, считающих, что легче адаптируются в условиях современности татары – лишь 4,4%, что более чем в три раза меньше самооценки татар. Из перечня других народов, которые обладают наибольшими адаптивными свойствами, опрошенные русские и татары единодушно выделили «кавказцев» – соответственно, 8,3% и 6,3% (как варианты на выбор предлагались чуваша, украинцы и другие). Полагаем, что налицо стереотип, сформированный, в первую очередь, средствами массовой информации (пресловутые «лица кавказской национальности» – наиболее часто упоминаемый в СМИ объект из всей многоэтнической палитры народов России), стереотип уже весьма устоявшийся, сколь и далекий от истины.

Респонденты обеих национальностей считают, что наибольших успехов добиваются их соплеменники в сфере науки, культуры, здравоохранения и просвещения. Среди русских доля таких респондентов составляет 16,5% (еще 17,5% респондентов назвали эту сферу в комбинации с другими), среди татар – 19,8% (дополнительно – еще

23,8%). На второе-третье места также синхронно выведены сферы экономики и финансов – соответственно, 8,8% и 5,6%, с точки зрения русских респондентов, и 8,2% и 6,6% – по мнению респондентов-татар. Наименьших успехов, по мнению опрошенных, добились русские и татары в сфере политической деятельности – соответственно, 2,7% и 3,8%.

Дополняют эти материалы ответы на вопрос о сопоставительной оценке возможностей представителей своей и основной контактной этнических групп в различных сферах деятельности (таблица 5).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, имеют ли татары и русские равные возможности?»
(% к числу ответивших).

	Русские				Татары			
	1	2	3	4	1	2	3	4
а)	61,4	4,1	23,9	10,6	69,5	11,3	7,5	11,7
б)	58,4	6,2	24,5	10,9	64,8	11,6	8,5	15,1
в)	74,3	4,1	9,1	12,5	77,7	6,0	3,5	12,8

Условные обозначения: а) – продвигаться по службе; б) – занять руководящую должность; в) – заниматься предпринимательством. 1 – возможности равны; 2 – у русских возможности выше; 3 – у татар возможности выше; 4 – затрудняюсь ответить.

Как видно из материалов таблицы, большинство и русских, и татар полагают, что представители обеих этнических групп имеют равные возможности, особенно в занятиях предпринимательством и продвижении по службе. Несколько отстает по показателям позиция «занять руководящую должность», но и тут свыше половины респондентов полагают, что возможности татар и русских равны. В остальных вариантах ответов проявляется общая закономерность: и русские, и татары оценивают возможности партнеров из контактной этнической группы выше, чем свои. Особенно это характерно для русских, которые считают, что у татар в 4–6 раз больше шансов продвигаться по службе или занять руководящую должность, чем у русского населения Казани. Среди опрошенных татар также больше лиц, считающих русских успешнее в указанных позициях, но разница в показателях между этой категорией респондентов и сомневающимися существенно

меньше, чем у русских. Кроме того, весьма близки мнения опрошенных людей по вопросу о приоритетах в определении социального статуса человека, где, явно, предпочтение отдается профессиональным качествам (таблица 6).

Таблица 6

Ответы респондентов на суждение: «Социальный статус человека определяется его профессиональными качествами, а не его национальностью» (% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– полностью согласны	51,6	45,0
– скорее согласны	19,8	26,1
– скорее не согласны	12,4	11,0
– полностью не согласны	5,9	5,3
– затрудняюсь ответить	10,3	12,6

Данные опроса, на наш взгляд, позволяют утверждать, что в социальной сфере конкуренция между татарами и русскими, безусловно, существует, но ее нельзя назвать критической, тем более – предвещающей социальный взрыв.

Очень важный вопрос – как люди в целом оценивают весь комплекс межэтнических отношений. Как показывают исследования, на мнение людей влияют самые разные факторы. Наиболее значимые из них – наличие и длительность традиций межэтнических контактов; изменения общеполитического и социально-экономического фона; личный опыт участия в межэтническом взаимодействии; уровень знаний об истории и культурно-бытовых особенностях различных народов. Мнение по состоянию межэтнических отношений может быть и локально-ситуативным, когда оно формируется, к примеру, под воздействием сиюминутного настроения и самочувствия человека. Для массового сознания имеет наибольшее значение не частота распространенности какого-либо явления, а сам прецедент. Отдельные негативные явления носят локальный и частный характер, не вызывая серьезных и массовых конфликтов. Но недооценивать их нельзя, и стратегия управления межнациональными отношениями должна основываться на выявлении и предупреждении конфликтов уже на ранних стадиях.

Опрос населения по проекту «ТиА-2006» дал следующие результаты (таблица 7).

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Казани?»
(% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– отношения нормальные, спокойные	63,4	65,7
– в целом нормальные, но временами ухудшаются	21,2	16,4
– отношения напряженные	5,0	4,4
– другое	0,6	1,9
– затрудняюсь ответить	9,8	11,6

Таблица 8

Ответы респондентов на вопрос: «Изменились ли, на Ваш взгляд, отношения между татарами и русскими после распада СССР и обретения Республикой Татарстан суверенитета?»
(% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– нет, не изменились	39,5	45,6
– отношения улучшились	15,9	17,3
– отношения ухудшились	7,7	4,1
– отношения зависят от людей, а не от национальности	14,2	14,5
– затрудняюсь ответить	22,7	18,5

Таблица 9

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете перспективу развития межнациональных отношений в Татарстане?»
(% к числу ответивших).

Варианты ответов	Русские	Татары
– отношения улучшатся	28,9	32,1
– отношения останутся прежними	40,7	33,3
– отношения ухудшатся	3,8	2,5
– затрудняюсь ответить	26,6	32,1

С ответами на вопрос о состоянии межэтнических отношений сопрягаются показатели, отражающие мнение респондентов на их динамику и перспективу развития (таблицы 8, 9), из которых следует, что население столицы в целом позитивно оценивает состояние межэтни-

ческих отношений. Кроме того, перспектива развития межнациональных отношений также видится респондентами как благоприятная.

Таким образом, межэтническую ситуацию в г.Казани следует признать стабильной с преобладанием позитивного вектора развития. Доказательствами тому служат отсутствие зон открытых конфликтов, весьма незначительная социальная и культурная дистанция между группами этнического большинства, открытость, прозрачность и взаимопроницаемость этнических границ. Весьма близки позиции татар и русских по наиболее важным вопросам внутриреспубликанского и общероссийского развития. Сложившееся положение опирается как на исторические традиции мирного и добрососедского сотрудничества, генетические закрепленные в памяти народов, так и на взаимное понимание необходимости соблюдения баланса этнических интересов для поступательного развития. Русская и татарская общины в Казани занимают в целом позицию, достойную изучения в плане извлечения уроков межэтнического взаимодействия. Пока еще трудно судить о причинах этого феномена; в нем может быть заложен и социокультурный генотип, и защитная реакция, и множество других факторов. Но результат налицо – лояльность этнокультурная, этноконфессиональная, этноязыковая, этнополитическая. Очень важно, что в постсоветский период произошедшие существенные изменения в статусах русских и татар не повлияли кардинальным образом на их взаимоотношения. В первую очередь, это свидетельствует в пользу русского населения, которое восприняло многие требования татар как закономерные.

Вместе с тем, диалектическая противоречивость процессов современного общественного развития народов Татарстана заключается в наличии зон реальной и потенциальной напряженности, связанного с объективными и субъективными факторами. Основное объективное противоречие процессов модернизации в российском обществе наблюдается между процессами национальной консолидации и поддержанием межэтнического взаимодействия. Эти процессы разнонаправлены, но одинаково необходимы для прогрессивного развития. Важно соблюдать соотношение этих процессов, не допускать ущемления прав одного народа за счет предоставления условий наибольшего благоприятствования другому и одновременно содействовать формированию поля широкого и глубокого взаимодействия, свободного от идеологических наслоений любой формы и содержания.

Р.И. Зинурова

**ЭКСТРЕМИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
ЭКСТРЕМИЗМА: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА***

Об экстремизме сегодня много говорится с самых разных трибун, данная тема практически постоянно присутствует и в средствах массовой информации. Интернет фактически стал таким удобным полем функционирования и распространения экстремистских идей, взглядов и даже организаций экстремистской направленности, что во многих европейских странах и в России были введены ограничения доступа к сайтам соответствующего содержания, а их создателями заинтересовались компетентные органы. На государственном уровне был принят Федеральный закон «О противодействии экстремизму и экстремистской деятельности».

Действительно, в условиях современного российского общества после кровавых войн на Северном Кавказе и «решений национальных вопросов» в некоторых субъектах Российской Федерации сползание в перманентные конфликты на этнической, конфессиональной или социальной почве было бы если не самоубийственно (хотя может быть и так), то уж точно контрпродуктивно для достижения целей развития страны. Поэтому понятно стремление власти пресечь распространение экстремистских идей и организаций «на корню».

Вместе с тем известный террорист-эсер Б.В. Савинков в свое время высказался по поводу этого, что идею нельзя запретить, нельзя победить силой, ее можно только победить другой идеей. А это невозможно без тщательного исследования сущности экстремистской идеологии. В самом деле, что такое экстремизм? Относительно понятно, что подразумевает понятие «коммунистическая идея» или «либеральная идея». А что такое экстремистская идея? Могут ли быть названы экстремистами защитники свободы распространения «легких» наркотиков, радикальные демократы-рыночники, сторонники идей немед-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Особенности идеологического дискурса экстремизма в национальных республиках Поволжья» (№ 07-03-00482а). В проведении исследования принимали участие А.Р. Тузиков, Р.И. Зинурова, С.А. Алексеев, Ф.Ф. Фатыхова.

ленного достижения социальной справедливости посредством национализации богатств «олигархов», футбольные фанаты, борцы за экологию, требующие немедленного запрета атомной энергетики, адепты радикальной языковой политики и этнические предприниматели – «спасители» титульных этнических групп в регионах Российской Федерации? Ответы на данные вопросы не столь просты и очевидны.

Законодательно государство пытается ограничить действия экстремистской направленности. Однако, как представляется в силу неоднозначности и недостаточной исследованности сущности понятия «экстремизм», под понятие «действия экстремистской направленности» может попадать очень большое количество проявлений общественной активности. Но допустим даже, что удастся законодательно пресечь все, что, так или иначе, подпадает под действие соответствующих статей. Но можно ли законодательно запретить мыслить в экстремистском стиле? А ведь мысль рождает действие. Поэтому предметом наших исследований мы выбрали идеологические проявления экстремизма и идеологический дискурс экстремизма в современном российском обществе, а конкретно в национальных республиках Поволжья.

На наш взгляд, приблизиться к ответам на данные вопросы возможно, только опираясь на тщательные исследования сущности такого неоднозначного и социально опасного феномена, как экстремизм.

При анализе такого сложного социально-культурного и социально-психологического явления, как идеология, мы опирались на введенное А.А.Зиновьевым понятие «идеосфера», а также на обоснованную А.Р.Тузиковым конструкционистскую версию интерпретативного подхода к понятию «идеология», сочетающую следующие базовые идеи:

– во-первых, идеология способна не только в той или иной степени отражать социальную реальность, но и «конструировать» ее с помощью языковых и других символических средств;

– во-вторых, в современном обществе идеологическая борьба протекает в форме конкуренции за истолкование актуальных в данный момент времени идеологием (свобода, порядок, справедливость и т.п.).

В современной социологии описываемые А.А.Зиновьевым феномены идеологического способа мышления принято концептуализировать в рамках понятия «дискурс». По нашему мнению, термин «идео-

логизированный дискурс», введенный А.Р. Тузиковым¹, позволяет более точно «схватить» те аспекты экстремизма в массовом сознании в условиях «медиатизации» социума, которые ускользают от изучения в рамках использования понятия «идеология», воспринимаемого респондентами в большинстве случаев как некая партийная доктрина. В современном социуме большое значение с точки зрения влияния на идеосферу играет публичный дискурс, постоянно присутствующий в масс-медиа и задающий смыслы трактовкам событий общественной значимости и определяющий, в сущности, что считать общественно значимыми событиями.

Идеологизация публичного дискурса определяется акцентами в интерпретации базовых понятий, относящихся к пониманию общества, а, кроме того, проявляется в использовании идеологом (то есть ценностно окрашенных понятий, имеющих неоднозначное истолкование, типа «свобода» и «народ» и т.п.). Идеологемы являются одними из основных структурных элементов любой идеологии. При этом одни и те же идеологемы часто могут входить в корпус идей различных идеологий современного общества, и одновременно именно они выступают одним из способов борьбы за монополию интерпретаций социальной реальности.

Содержательно термин «идеологизированный дискурс» на основании концепции С.Жижека² и Ж.Лакана функционально можно трактовать как совокупность «плавающих означаемых» (идеологом) и означающих (императивов), то есть смыслов в форме ценностных суждений, которые могут занимать доминирующее или недоминирующее положение в идеосфере общества.

Отечественные исследователи В.И.Чупров, Ю.А.Зубок³ определяют экстремизм через понятие «экстремальность» как «имманентное свойство молодости». Экстремальность трактуется как двуединство сознания (эмоциональный уровень восприятия явлений в гиперболизированной, максималистской форме) и поведения (импульсивность мотивации, агрессивность, склонность к риску, эпатаж и склонность к

¹ Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим: монография. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005.

² См. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

³ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // СоцИс. 2008. №5. С.38.

рisku либо подавленность и депрессия). На наш взгляд, в данном случае имеет место фокусировка на социально-психологических аспектах проблемы в ущерб анализу собственно социальной сущности такого феномена, как экстремизм. В результате авторы свое эмпирическое исследование проводят в стиле оценок возможностей проявлений экстремальности как имманентного свойства личности в конкретных социально-экономических и социально-культурных условиях.

Мы в своем исследовании исходили из иного подхода, фокусируя внимание на социальной сущности идеологического дискурса экстремизма, который способен осуществлять «интерпелляцию» (оклик – термин Л.Альтюссера) и мобилизовывать сторонников, превращая их в экстремистов.

Семантическое поле экстремизма логически связано с терминами «радикализм» и «нетерпимость», которые неразрывно вписываются в контекст «внесистемности». В результате анализа прежних исследований мы пришли к выводу, что для более точной детализации семантики экстремизма очень важно наличие оправдания «внесистемности» идейными мотивами «высокого звучания» типа «спасение народа», «спасение расы», «спасение цивилизации» и т.п.

В качестве другого важного маркера экстремизма как социокультурного феномена мы выделяли интолерантность – нетерпимость. Дискурс экстремизма крайне бескомпромиссно проводит границы между «своими» и «чужими» в обществе, более того, институционализируется постоянное воспроизводство символов принадлежности к МЫ и ОНИ, а политика опирается на данное контрастное деление общества.

Таким образом, в уточненном понимании идеология экстремизма – это «внесистемный радикализм», характеризующийся социокультурной нетерпимостью и рационализирующий «внесистемность» своих социальных действий идейными смыслами «высокого звучания». Данное понимание идеологии экстремизма было взято за основу его эмпирического изучения в 2008 году.

Экстремистский идеологизированный публичный дискурс характеризуется прямо или косвенно высказываемыми идеями о допустимости и желательности выхода за пределы доминирующих моральных норм и норм права в различных видах социальных взаимодействий (внесистемный радикализм) в контексте неких «высоких» идейных смыслов (обусловленных ими).

Учитывая многоплановость явлений, которые могут быть определены понятием «экстремизм», мы ограничили авторский интерес в рамках экстремистской интерпретации этнополитических и этноконфессиональных аспектов социальных взаимодействий по следующим причинам:

1. Существует риск перехода нынешнего российского общества в гражданское противостояние по этническому принципу и риск политизации этнического фактора в национальных республиках на фоне несформированности общегражданской российской нации.

2. Выявленные в предыдущих наших исследованиях тенденции латентного этнического и конфессионального экстремизма требуют уточнения и проверки.

3. Возрастание роли религиозного фактора в мировоззренческих вопросах на фоне слабости традиционных идеологий создает потенциал «игры» с высшими религиозными смыслами в пропаганде экстремистского характера.

4. В исследованиях данной проблематики неприемлема позиция «толерантности вне контекста», формируемая зарубежными грантами, и заведомая «русификация» или «исламизация» экстремизма.

5. Стремление властей законодательно обеспечить правоохранительные органы в противодействии экстремизму, выразившееся во внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и сам Федеральный закон № 114 от 25.07.2002 г. нацелены на пресечение действий экстремистского характера, но они не могут, в принципе, запретить исповедовать идеи экстремизма. Юридическое преследование идей приведет только к героизации и романтизации их носителей, особенно в глазах молодежи.

6. Именно этнополитические и этноконфессиональные смыслы мобилизуются идеологией экстремизма в регионах и составляют главную региональную особенность экстремистского дискурса.

Для уточнения пространства смыслов, задающих интерпретации базовых идеологем, которые формируют идеологию экстремизма в трех национальных республиках Приволжского Федерального округа, мы дополнили проведенный ранее массовый опрос населения интервьюированием с использованием проективных методик (ситуации для оценки и семантический дифференциал). При их конструировании несколько уточнили содержащиеся в массовом опросе маркеры индоктринированности экстремистским идеологическим дискурсом.

Были уточнены и дополнены следующие признаки, позволяющие говорить об индоктринированности идеями экстремистского толка:

- внесистемный радикализм в желаемых и реальных действиях;
- крайняя нетерпимость ко всему не подпадающему под признаки «свой/свое»;
- «одухотворенность» насилия и дискриминации «высокими» идейными мотивами и смыслами (в противовес насилию бандитского толка);
- выход за пределы (не только правовые, но и моральные) «рациональной допустимости» применения насилия и дискриминации «чужих», явная (с точки зрения морали мейнстрима) избыточность применения насилия и дискриминации⁴.

В методологии нашего исследования мы исходили из феноменологических принципов. С этих позиций как такового (в вещной форме) экстремизма не существует. Он представляет собой феномен, возникающий в контексте социальных отношений и распадающийся на составные части, которые сами по себе (в отдельности) экстремистскими не являются. Но в конкретных обстоятельствах возможны самые разнообразные конфигурации «бацилл экстремизма» (аналог – бинарный боевой отравляющий газ, состоящий из безвредных компонентов). Маркировка данных конфигураций как экстремистских есть результат социальных механизмов конструирования феноменов. То, что в одних социально-исторических обстоятельствах не считается экстремизмом, становится таковым в других. Поэтому изучение феномена экстремизма может быть только конкретно историческим. По каким признакам, кем и с каким объяснением «экстремистскости» происходит эта маркировка, может быть предметом отдельного социологического исследования. Таким образом, в нашем понимании

⁴ Например, право запрещает применение смертной казни и по отношению к преступникам, а мораль большинства ее приветствует и одобряет самосуд, скажем, педофилов. Это еще не экстремизм. Но, допустим, в ответ на преступление, совершенное «чужаком», предлагается в мирное время осуществить жестокие карательные акции (коллективная ответственность всех чужаков, массовые репрессии по отношению к ним, внесудебные расправы, конфискация имущества, массовые выселения) по этническому или религиозному признаку. В конкретном случае данные идеи явно избыточны с точки зрения морали большинства и поэтому могут стать маркерами экстремизма.

экстремизм – это то, что считается экстремизмом в рамках публичного дискурса и воспроизводится в групповом сознании.

Эмпирическое исследование данной проблемы было направлено на выявление региональной специфики распространенности экстремистского идеологического дискурса. На первом этапе исследования, в 2006 году, (N=500 в каждой республике) мы пытались диагностировать экстремистские взгляды прямыми вопросами: «Какие лозунги должна выдвигать партия, которую Вы поддержали бы?». По результатам ответов этнический экстремизм в той или иной степени оказался свойственен примерно 11% респондентов.

На втором этапе исследования, в 2008 году, кроме прямых вопросов, мы использовали и проективные ситуации, которые респондентам предлагалось оценить по шкале интенсивности поддержки/неподдержки (N=500 в каждой республике). Интервьюирование проводилось в столицах Татарстана, Башкортостана и Удмуртии, так как, на наш взгляд, именно в крупных городах экстремизм наиболее социально опасен. Из ситуаций для анализа мы выбрали три наиболее провокативные, на наш взгляд, ситуации, которые позволяют диагностировать некоторую склонность к избыточному насилию и радикализму за пределами доминирующей морали. В табл. 1–3 приведены данные по Республике Татарстан.

- *Ситуация 1.* Жители одной из провинций африканской страны Судан борются за ее независимость, убивая «чужих» и всех, кто против призывов к независимости данной провинции.

Таблица 1

Распределение мнений относительно допустимости насилия по отношению к «чужим», (%)

Мнения	Национальность			Всего
	Русские	Татары	Другие	
Поддерживаю полностью	1,2	0,9	–	1,0
Скорее поддерживаю, чем нет	3,7	4,7	–	4,1
Скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	14,8	12,3	28,6	13,9
Не поддерживаю	61,8	63,2	71,4	63,0
Затрудняюсь ответить	18,5	18,9	–	18,0

- *Ситуация 2.* Выступая против ликвидации садового товарищества, садоводы перекрыли автотрассу, переворачивая и поджигая автобусы и возлагая вину за действия власти на всех, кто подвернулся под руку, особенно на милицию.

Таблица 2

Распределение мнений относительно допустимости нарушения общественного порядка, (%)

Мнения	Национальность			Всего
	Русские	Татары	Другие	
Поддерживаю полностью	1,2	4,7	–	3,1
Скорее поддерживаю, чем нет	3,7	4,7	–	4,1
Скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	14,8	18,9	–	16,5
Не поддерживаю	69,2	56,6	71,4	62,4
Затрудняюсь ответить	11,1	15,1	28,6	13,9

- *Ситуация 3.* В некоторых южноамериканских странах среди ряда племен под запретом браки с представителями не своего племени, при этом детей, родившихся в результате таких «нелегальных» браков, сдают в приюты или даже убивают под лозунгами борьбы за «чистоту породы».

Таблица 3

Распределение мнений относительно допустимости запретов браков с представителями других этнических групп, (%)

Мнения	Национальность			Всего
	Русские	Татары	Другие	
Поддерживаю полностью	3,7	2,8	–	3,1
Скорее поддерживаю, чем нет	–	0,9	–	0,5
Скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	6,2	13,2	28,6	10,8
Не поддерживаю	80,2	78,4	71,4	78,9
Затрудняюсь ответить	9,9	4,7	–	6,7

Как и ожидалось, большинство респондентов не склонны поддерживать избыточно радикальные действия и не одобряют их. При этом 5,1% опрошенных принципиально поддерживают «радикальное реше-

ние» по отношению к противникам политической независимости регионов, 7,2% – одобряют избыточно насильственные поступки по отношению к властям и чужому имуществу, а 3,6% – готовы поддержать даже принципы «крайне радикальных решений» по отношению к межплеменным бракам. Сходные данные получены и в Республике Башкортостан, где радикалов соответственно 5,6%; 7,2% и 3,9%.

Несколько отличаются – но не намного, учитывая погрешность выборки в 3,5% – данные по Республике Удмуртия. Здесь 7,7% респондентов принципиально поддерживают «радикальное решение» по отношению к противникам политической независимости регионов, 10,7% – одобряют избыточно насильственные поступки по отношению к властям и чужому имуществу, а 9,1% – готовы поддержать даже принципы «крайне радикальных решений» по отношению к межплеменным бракам. Конечно, можно говорить о том, что оценки респондентов приведенных ситуаций не связаны с их отношением к подобным ситуациям в собственной жизни. Однако, пусть и косвенно, но в каждой такой оценке содержится проявление собственной позиции. Что и требовалось, собственно, и доказать.

Ориентация на «внесистемность» диагностировалась оценками допустимости выхода за пределы законодательства. В табл. 4–5 приведены данные по Республике Татарстан.

- *Ситуация 4.* Как Вы считаете, все ли необходимые преобразования в нашей стране должны осуществляться строго в рамках действующей Конституции или нет?

Таблица 4

Распределение мнений относительно допустимости выхода за пределы конституционного законодательства, (%)

Мнения	Национальность			Всего
	Русские	Татары	Другие	
Только в рамках закона	44,5	49,1	42,8	46,9
Необходима коррекция законов	40,7	33,0	28,6	36,1
Не надо обращать внимания на законы	14,8	17,9	28,6	17,0

- *Ситуация 5.* Какие из следующих акций протеста кажутся Вам сегодня наиболее допустимыми и приемлемыми?

Таблица 5

**Распределение мнений относительно допустимости
тех или иных акций протеста, (%)***

Мнения	Национальность			Всего %
	Русские	Татары	Другие	
Никакие акции неприемлемы	17,3	17,9	–	17,0
Письма в органы власти и прессу	50,6	53,8	28,6	51,5
Критические выступления на собраниях	29,6	32,1	42,9	31,4
Массовые митинги и демонстрации	38,3	38,7	42,9	38,7
Забастовки	21,0	22,6	28,6	22,2
Финансовая поддержка протестующих	11,1	11,3	–	10,8
Акты гражданского неповиновения	6,2	2,8	28,6	5,2
Голосование на выборах за оппозицию	23,5	17,9	14,3	20,1
Вооруженные выступления	4,9	3,8	14,3	4,6
Иные акции протеста	1,2	2,8	–	2,1

* Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Признающих свободу от конституционных ограничений в осуществлении необходимых преобразований в Татарстане – 17%, готовых взяться за оружие в акциях протеста – 4,6%. В Республике Башкортостан таковых соответственно 10,5 и 1,7%; в Удмуртии – 10,7 и 4,1%.

Одной из задач нашего исследования было определение соотношенности приверженности/ отрицания экстремистских ценностей с социально-демографическими характеристиками населения. Исследование показало, что мужчины по сравнению с женщинами более склонны поддерживать избыточно радикальные и внесистемные социальные действия. Например, в Татарстане 7,6% мужчин принципиально поддерживают «радикальное решение» по отношению к противникам политической независимости регионов, 11,4% одобряют избыточно насильственные поступки по отношению к властям и чужому иму-

шеству, а 5,1% готовы поддержать даже принципы «крайне радикальных решений» по отношению к межплеменным бракам. Среди женщин таковых соответственно 3,5, 4,3 и 0,9%. «Внесистемщиков» с акцентом на правовой нигилизм среди мужчин 22,8%, а среди женщин – 13%. Странников вооруженных акций протеста 10,1% против 0,9%.

В Республиках Башкортостан и Удмуртия – сходные показатели. Радикалов, ориентированных на избыточное насилие, среди мужчин примерно в два раза больше, чем среди женщин. Правда, женщины Башкортостана и Удмуртии в большей мере, чем мужчины, готовы не считаться со статьями Конституции для осуществления необходимых преобразований. Возрастные различия зафиксированы по вопросу о поддержке внеправовых действий во имя благих целей. В Татарстане 19,5% респондентов моложе 30 лет против 3,3% в возрасте старше 30 лет готовы не обращать внимания на конституционные нормы. В Башкортостане 11,4% против 4,3%, в Удмуртии 20% против 7,7%. Естественно, молодежь более радикальна и в выборе диапазона приемлемости протестных акций.

В области ориентации на внесистемные и избыточно радикальные действия в Татарстане и Удмуртии не было выявлено заметных этнических различий. Более заметны они в Башкортостане (табл. 6 и 7).

- *Ситуация 6.* Жители одной из провинций африканской страны Судан борются за ее независимость, убивая «чужих» и всех, кто против призывов к независимости данной провинции

Таблица 6

Распределение мнений относительно допустимости насилия по отношению к «чужим», (%)

Мнения	Национальность				Всего
	Русские	Татары	Башкиры	Другие	
Поддерживаю полностью	1,5	6,0	1,9	–	2,8
Скорее поддерживаю, чем нет	4,4		1,9	11,1	2,8
Скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	20,6	14,0	9,3	11,1	14,9
Не поддерживаю	58,8	66,0	77,7	66,7	66,9
Затрудняюсь ответить	14,7	14,0	9,2	11,1	12,6

На наш взгляд, данные различия объясняются большей этнической «пестротой» в процентном соотношении главных этнических групп в Башкортостане и «подавленной латентной напряженностью» межэтнических взаимодействий.

- *Ситуация 7.* В некоторых южноамериканских странах среди ряда племен под запретом браки с представителями не своего племени, при этом детей, родившихся в результате таких «нелегальных» браков сдают в приюты или даже убивают под лозунгами борьбы за «чистоту рода».

Таблица 7

Распределение мнений относительно допустимости запретов браков с представителями других этнических групп, (%)

Мнения	Национальность				Всего
	Русские	Татары	Башкиры	Другие	
Поддерживаю полностью	–	4,0	3,7	–	2,2
Скорее поддерживаю, чем нет	1,5	2,0	1,9	–	1,7
Скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	8,8	8,0	7,4	–	7,7
Не поддерживаю	82,3	78,0	81,4	77,8	80,7
Затрудняюсь ответить	7,4	8,0	5,6	22,2	7,7

При исследовании специфики смысловой нагрузки потенциально экстремистских сюжетов, использующихся в экстремистском публичном дискурсе, нами был применен метод семантического дифференциала. Этот метод, как правило, используется при раскрытии аффективных и модальных компонент смыслов, вкладываемых в те или иные суждения, и выделении групп людей, имеющих сходную картину изучаемых смыслов, образующих соответствующее психосемантическое пространство.

Техника метода семантического дифференциала заключается в том, что для оценки конкретного объекта, явления, понятия или суждения составляется множество пар терминов, соответствующих некоторому коннотативному непрерывному признаку (пары терминов образуют своеобразные полюсы). Диапазон изменения данного признака измеряется по семизначной шкале.

В нашем случае оценке были подвергнуты следующие явления, которые юридически могут рассматриваться как проявления экстремизма:

- вооруженная борьба за независимость Вашего региона;
- публичное оправдание действий чеченских «боевиков»;
- физическое наказание юношами студента-африканца, «ухаживающего» за девушкой-россиянкой;
- публикация в газете статьи о беспорядках в Вашей республике, за которые отвечают представители северокавказского региона;
- распространение листовок против незаконных мигрантов из Средней Азии;
- отказ в получении работы по национальному принципу;
- демонстрация фашистской символики в подростковой компании;
- финансирование предпринимателем молодежной радикальной группировки;
- допустимость неограниченного законом государственного насилия для достижения «больших целей».

В соответствии с нашей концепцией экстремистский дискурс задает «высокую идейную» рационализацию тех или иных социальных действий. При этом оценивается позитивно, героически, законно, романтически то, что с позиций морального большинства или буквы закона таковым не является. Для оценки приведенных явлений была использована следующая шкала:

Законно	3	2	1	0	-1	-2	-3	Противозаконно
Приемлемо	3	2	1	0	-1	-2	-3	Неприемлемо
Одобряемо	3	2	1	0	-1	-2	-3	Порицаемо
Героически	3	2	1	0	-1	-2	-3	Преступно
Романтично	3	2	1	0	-1	-2	-3	Обыденно
Неординарно	3	2	1	0	-1	-2	-3	Обыкновенно

По принципу рассчитанной нами общей оценки интенсивности и направленности измерений установки показатель изменяется от плюс единицы до минус единицы. В нашем случае, чем он ближе к +1, тем менее выражены «высокие идейные» смыслы экстремистских проявлений, а чем ближе к -1, тем они более выражены.

Исследование показало, что в целом существенно заметных различий в плане «одухотворенности высокими идейными смыслами» действий экстремистского плана по параметрам национальность, пол и возраст не выявлено. Однако некоторые различия все же имеются. Так, например, в Татарстане большая «рациональная агрессивность» по отношению к межрасовым половым контактам свойственна русским и респондентам моложе 30 лет (табл. 8, 9).

Таблица 8

**Отношение к межрасовым контактам
респондентов разной национальности**

Национальность	V21
Русские	0,2165
Татары	0,3371
Другие	0,1429
<i>Всего</i>	0,2797

Таблица 9

Отношение к межрасовым контактам респондентов разного возраста

Возраст	V21
До 30 лет	0,4157
Старше 30 лет	0,6389
<i>Всего</i>	0,4502

На основании авторской методики А.Р.Тузиковым и С.А.Алексеевым был сформулирован индекс индоктринированности экстремистскими идеями. Под ним понимается количественный конструкт, построение которого основано на выделении в обследуемой группе специфических кластеров, обладающих маркерами «внесистемности», «крайней нетерпимости» и «одухотворенности». Область пересечения этих трех выделенных кластеров позволяет указать на существование некоторой группы людей, индоктринированных экстремистскими идеями, и является долей таковых в генеральной совокупности.

Возможная формула для расчета индекса индоктринированности экстремистскими идеями:

$$I = (A \cup B) \cap (C) \cap (E_-),$$

где A – доля тех, кто не считает, что преобразования должны осуществляться исключительно в рамках конституции; B – доля тех, кто считает вооруженные выступления допустимыми и приемлемыми; C – доля выразивших согласие с ситуациями, диагностирующими проявление экстремизма, E_- – доля респондентов, для которых показатель интенсивности и направленности на совершение экстремистских действий меньше нуля.

Мягкий случай

INDEX 1=

(V31 = 2 или 3 или V32 = 10) и (V10 = 3 или 4 или V11 = 3 или 4 или V14 = 3 или 4) и (V23 < 0)

Жесткий случай

INDEX 1=

(V31 = 3 или V32 = 10) и (V10 = 3 или 4 или V11 = 3 или 4 или V14 = 3 или 4) и (V23 < 0)

Таблица 10⁵

	КАЗАНЬ I=0,11			
	Национальность			
	Русские		Татары	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Возраст до 30 лет	7 (0,0364)	1 (0,0052)	8 (0,0416),	5 (0,026)

Таблица 11

	КАЗАНЬ I=0,052		
	Национальность		
	Русские	Татары	
	Муж.	Муж.	Жен.
Возраст до 30 лет	6 (0,0312)	3 (0,0156)	1 (0,0052)

⁵ В таблицах 10–15 указаны абсолютное количество индоктринированных и их доля, выраженная индексом индоктринированности экстремистскими идеями. По каждому городу приведены две таблицы, раскрывающие мягкий и жесткий вариант индекса индоктринированности.

Таблица 12

		УФА I= 0,115				
		Национальность				
		Русские		Татары		Башкиры
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Возраст	До 30 лет	5 (0,0275)	4 (0,022)	3 (0,0165)	2 (0,011)	6 (0,033)
	Старше 30 лет					1 (0,0055)

Таблица 13

		УФА I=0,033		
		Национальность		
		Русские	Татары	Башкиры
		Муж.	Муж.	Жен.
Возраст до 30 лет		3 (0,0165)	1 (0,0055)	2 (0,011)

Таблица 14

Возраст		ИЖЕВСК I= 0,08					
		Национальность					
		Русские		Татары	Удмурты		Другие
		Муж.	Жен.	Жен.	Муж.	Жен.	Жен.
До 30 лет	4 (0,022)	1 (0,0055)	1 (0,0055)	1 (0,0055)	1 (0,0055)	1 (0,0055)	
Старше 30 лет	2 (0,011)	1 (0,0055)			1 (0,0055)		

Таблица 15

		ИЖЕВСК I=0,02		
		Национальность		
		Русские		Удмурты
		Муж.	Жен.	Жен.
Возраст	До 30 лет	2(0,011)	1(0,0055)	
	Старше 30 лет			1(0,0055)

В целях выявления специфики публичного экстремистского дискурса нами были организованы три фокус-группы в каждом из регионов исследования. Среди участников мы в соответствии с нашим под-

ходом отбирали тех, кто участвует в его производстве, а именно представителей академического сообщества (занимающихся исследованиями в данной сфере) и работников масс-медиа, преподавателей школ и техникумов, представителей студенчества. Мы не контактировали с представителями организаций, которые характеризуются экстремистской направленностью, во-первых, ввиду их закрытости, а во-вторых, ввиду того, что в настоящее время они практически не имеют выхода в публичное медийное пространство и поэтому их влияние на производство публичного дискурса незначительно.

Среди представителей академического сообщества спектр оценок сущности идеологического дискурса экстремизма можно свести к двум позициям.

– Экстремизм как оппозиция дискурса толерантности. При этом подчеркивалось, что имеется значительное сходство православного и мусульманского дискурсов толерантности на основе принципов терпимости и гуманности по отношению к человеку другой веры и культуры при условии, что речь не идет о «нормализации греха» (убийство, педофилия и т.п.). Экстремизм же трактуется как разрыв с этими принципами.

– Экстремизм как «чрезмерный радикализм» по отношению к «другому» (оправдываемый его демонизацией), граничащий с преступлением или являющийся таковым.

Представители масс-медиа высказали следующие мнения:

– экстремизм – это во многом то, что в данном обществе считается экстремизмом;

– экстремизм – это экстремистское действие или одобрение подобных действий других;

– экстремизм – выход за нормы, установленные государством, и незаконное присваивание функций государства (например, права на насилие);

– экстремизм всегда деструктивное посягательство на сферы государственного регулирования (например, миграционная политика).

Проведенные исследования показывают, что применительно к изучению такого сложного феномена, как экстремизм, вполне функциональным является использование полипарадигмального подхода (позитивизм и феноменология), опирающегося на сочетание количественных и качественных методик. Данный подход вполне логичен, учитывая, что экстремизм являет собой одновременно и структуриро-

ванные взаимодействия в рамках организованностей различного рода (группировки, партии и т.п.), и субкультурные проявления, и идеологические конструкции, и дискурсивные практики.

Исследования также выявили, что несмотря на то, что за прошедшие несколько лет из региональных печатных СМИ практически полностью исчезли материалы, содержащие негативные высказывания в отношении представителей других национальностей, рас, конфессий и, очевидно, наметилась тенденция не акцентировать внимание на межэтнических проблемах, а конструировать картину толерантного мультикультурного общества, актуальность проблем распространения идеологии экстремизма и индоктринации населения идеологическим дискурсом экстремизма достаточно высока и требует своего постоянного мониторинга.

Т.А. Титова, В.Е. Козлов, Р.Р. Кушаев

**«СВОИ – ЧУЖИЕ»: ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ
В ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН***

В современном мире одной из основных сил, определяющих облик XXI века, становится миграция, являющаяся неотъемлемой компонентой процесса глобализации. Прямым следствием масштабных перемещений мигрантов – в соответствии с потребностями быстро развивающихся экономик, по политическим, социальным и иным мотивам – является всё возрастающее этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие социумов. Обратной стороной этого явления становится возникающая напряженность между местным населением и мигрантами, которые по этническим, расовым, конфессиональным, социальным и культурным параметрам могут существенно отличаться от принимающего населения. Эта напряженность, фиксируемая во всем мире, опасна и для многонациональной России, в истории которой можно найти не только позитивные примеры межэтнических взаимодействий.

В Российской Федерации на протяжении 90-х годов XX века и в начале XXI века наблюдается большое разнообразие видов и форм миграционных потоков. Очевидно присущее им общее обстоятельство – влияние на них этнических факторов. Этническая миграция внутри страны и из стран ближнего зарубежья (Азербайджан, Армения, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и др.), пополняя уже существующие диаспоры и создавая новые, заметно воздействует на обстановку в принимающих регионах. Иноэтничные мигранты и принимающее их общество находятся в сложном взаимодействии, отражающем противоречивость интересов сторон. Достаточно типичным примером российских регионов, подвергшихся в 1990-е годы и в начале XXI века влиянию этнических миграционных процессов, является Республика Татарстан. Репутация относительной экономической и политической

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Общественной палаты РФ и Института Общественного Проектирования, в рамках проекта «Деструктивные факторы социального взаимодействия в многонациональном регионе».

стабильности делает этот субъект РФ привлекательным регионом для переселенцев. Значительная часть населения Республики Татарстан проживает в городах, которые в той или иной степени являются полиэтничными по составу населения. Как результат, полиэтничность неизбежно накладывает отпечаток на всю культуру и быт горожан. Фиксируемый в настоящее время миграционный прирост населения делает еще более сложной этническую структуру городов Республики Татарстан. В связи с этим возникает проблема взаимной адаптации представителей разных национальностей, живущих в городах.

Этническая принадлежность и сегодня часто выступает определяющим маркером отношений «свой – чужой». В обычных ситуациях при контакте представителей разных этнонациональных групп между собой вступает в действие сложный комплекс эмоций амбивалентного характера: любопытство к иной культуре, доброжелательность, и готовность взаимодействовать переплетаются с настороженностью и готовностью к защите. Впрочем, решающую роль, как в индивидуальном, так и в социальном плане имеет в данном случае реальный опыт межнационального общения с его положительными и отрицательными моментами.

Национальное самосознание включает в себя весьма сложные, нередко взаимоисключающие элементы, представляющие собой, с одной стороны, различные способы и структуры национальной самоидентификации, а с другой – разнообразные варианты восприятия и оценки иных национальных общностей¹. Иными словами, в национальном самосознании «мы» постоянно соотносится с «они», и лишь через это соотношение национальные самоидентификации приобретают определенный смысл. При этом характер соотношений «мы» – «они», «свои» – «чужие» не остается неизменным. Во многом оно определяется реальными межнациональными связями и контактами. Наиболее подвержены этому жители мегаполисов, что ярко отражается на примере города Казани. Складывающиеся под влиянием миграционных процессов социальные взаимодействия в местах локального поселения этнических мигрантов нередко носят проблемный характер, сопровождающийся ростом социальной напряженности и конфликтов.

¹ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика / А.Г. Здравомыслов // Общественные науки и современность. – 1997. – №4. – С.115–122.

Чем это вызвано? Что является причиной обозначенных проблем? В чем они находят свое выражение? На эти вопросы есть несколько вариантов ответов, в зависимости от того, с чьих позиций подходить к их решению: с позиций мигрантов или с позиции принимающего населения. В последнее десятилетие по мере актуализации проблемы взаимодействия принимающего населения и этнических мигрантов, в Татарстане был осуществлен ряд исследований, затрагивавших те или иные аспекты общей проблемы. Среди наиболее значимых можно отметить, такие как «Проблемы диаспоры и миграционного обмена национальных республик России: реальность и перспективы» (1998–2000 гг.) – руководитель Я.З. Гарипов; «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001 гг.) – руководитель Л. М. Дробижева; «Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания» (2001–2002 гг.) – руководитель А.М. Зинуров; «Новая миграционная политика России и права мигрантов» (2004 г.) – руководитель Ж.А. Зайончковская; «Правовые механизмы формирования этнического фона в условиях многонационального региона: опыт Республики Татарстан» (2007– 2008 г.) – руководитель Т. А. Титова, «Милиционеры и этнические меньшинства: практика взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» (2006–2008 г.) – руководители: В.Воронков и Л.В. Сагитова.

Присутствие в чужой культурной среде предполагает, что такие группы этнических меньшинств как этнические мигранты будут вынуждены определенным образом строить взаимодействие с представителями этнического большинства. Характер этих взаимодействий интересовал в последнее время этнологов, психологов, политологов и других специалистов в области межэтнических отношений. В связи с этим стоит заметить, что определяющей во взаимоотношениях указанных групп остается все же позиция принимающего населения, от которой в большей степени зависит позитивный или негативный вектор межгрупповой коммуникации. В свете сказанного выше, весьма актуальным является анализ степени влияния внешних условий и социо-культурных паттернов в формировании общей позиции группы принимающего населения. Подобное уточнение позволит охарактеризовать реальный уровень межэтнической толерантности, рассматриваемой авторами как готовность принять и взаимодействовать с «другими» как они есть. Это также даст возможность более объективно оценить потенциал для дальнейшей актуализации общегражданской

идентичности и модернизации татарстанского сообщества, являющегося неотъемлемой частью общероссийского социума.

Таким образом, целью настоящей статьи является комплексный анализ внутренних и внешних факторов, определяющих позицию представителей принимающего населения по отношению к группам этнических мигрантов.

Исходя из указанной цели, были проанализированы социально-экономические факторы межэтнического взаимодействия групп этнических мигрантов и принимающего населения; изучены установки представителей принимающего населения в отношении групп этнических мигрантов, которых местное сообщество часто воспринимает как чужих; выявлены и обозначены корреляции между социальными атрибутами и уровнем этнической толерантности в группах этнического большинства.

В рамках настоящего исследования, проведенного в 2008–2009 гг. было опрошено 1300 респондентов в четырех городах Республики Татарстан – г. Казань, г. Набережные Челны, г. Альметьевск и г. Арск с использованием метода полуструктурированного интервью. Параметры выборочной совокупности были приведены в соответствие с официальными статистическими данными (согласно данным переписи населения РФ 2002 г.) по основным характеристикам – пол, возраст, этническая принадлежность. При этом исследование проводилось в два этапа: первый – «пилотный» был реализован осенью 2008 г. в г. Казань – всего было опрошено 300 респондентов, в рамках второго этапа, завершено в 2009 г., исследование проводилось в четырех указанных выше населенных пунктах. Кроме того, в ходе исследования было проведено 10 глубинных интервью с экспертами в области межэтнических отношений и 4 фокус-группы с представителями принимающего населения.

Татарстан – полиэтничная республика, где основными этническими группами являются татары (52,9%) и русские (39,5%)². В структуре населения Республики Татарстан группы этнических меньшинств составляют 7,6%, из которых 5,5%³ – представители автохтонных этни-

² Национальный состав населения Республики Татарстан: статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. / Комгосстат РТ. – Казань, 2004. – Т. 4. – С. 7.

³ Здесь и далее доля представителей этнических меньшинств в составе населения РТ подсчитана авторами по: Национальный состав населения Рес-

ческих групп, «... которые формально могут являться этническим меньшинством в пределах отдельной республики, но не воспринимаются в качестве таковых в сознании регионального большинства, например, финно-угорские народы края, тюркские народы края»⁴. Помимо них 0,9% населения составляют ряд этнических групп, имеющих длительную историю проживания в регионе и интегрированных в общекультурное пространство региона на уровне групп этнического большинства и вышеуказанных автохтонов (например, украинцы и евреи). Таким образом, общая представленность групп этнических меньшинств, сложившихся в последние десятилетия из числа этнических мигрантов и сохраняющих заметные этнокультурные отличия, составляет 1,2%. При этом, стоит учесть, что подавляющее большинство представителей данных групп проживает в крупных городах республики, в первую очередь, в Казани и Набережных Челнах, что делает их присутствие в зоне активного социального и межэтнического взаимодействия значительно более выраженным и является важным фактором, влияющим на общую комфортность этнического поля республики. Исходя из представленной выше структуры групп этнических меньшинств, в авторы включили группы автохтонных и длительно проживающих в крае этнических меньшинств в общий массив принимающего сообщества, допуская определенную степень условности данной исследовательской модели, без которой вряд ли обходится любое исследование социо-культурной реальности. Группы этнических меньшинств, которые воспринимаются принимающим сообществом в качестве «чужих», были отнесены к категории «этнические мигранты» и для удобства обработки и систематизации получаемых данных предварительно объединены в условные группы на основе культурно-географического принципа, например, народы Кавказа, народы Средней Азии, африканцы, представители стран Азии и Востока. При этом группы этнических мигрантов, в отношении которых, как мы полагали, в местном общественном сознании существует самостоятельная позиция, рассматривались нами отдельно, среди них, чеченцы, турки, цыгане и грузины.

публики Татарстан: статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. / Комгосстат РТ. – Казань, 2004. – Т. 4.

⁴ Столярова Г.Р., Титова Т.А., Токсубаева Л.С. Этнография народов Волго-Уралья: учебное пособие / Г.Р. Столярова, Т.А. Титова, Л.С. Токсубаева. – Казань, 2007.

В рамках поставленной цели, авторами, было выдвинуто две рабочие гипотезы. Первая предполагала, что негативный социально-экономический фон будет оказывать большее влияние на межэтнические установки таких категорий принимающего населения, которые находятся с этническими мигрантами в реальных конкурентных отношениях. Согласно второй гипотезы, установки представителей принимающего населения, отражающие уровень этнической толерантности и ксенофобии по отношению к различным группам этнических мигрантов, имеют сложно зависимый характер с их социальными атрибутами. Под этим мы подразумеваем, что уровень толерантности и ксенофобии будет зависеть не только от конкретных социальных характеристик респондентов как таковых, но и от того, насколько данные характеристики взаимосвязаны с иными факторами социальной реальности (например, определяют большую или меньшую подверженность их носителей влиянию СМИ).

Характеризуя методический инструментарий исследования, отметим, что для определения общего уровня декларируемой этнической толерантности представителей принимающего населения к представителям групп этнических мигрантов авторами была использована «шкала Богардуса». В данном случае авторы исходили из следующего допущения: если межэтническая толерантность рассматривается как готовность принять и взаимодействовать с другими «такими каковы они есть», то предлагаемые респондентам в рамках теста различные по степени интенсивности взаимодействия с мигрантами, социальные роли вполне могут интерпретироваться в характеристиках уровня декларируемой межэтнической толерантности и ксенофобии.

Проводя содержательный анализ ответов респондентов, можно констатировать, что общая картина, которая отражала бы уровень этнической толерантности / интолерантности и ксенофобии в принимающем сообществе, достаточно противоречива. Отметим некоторые тенденции. Достаточно очевидно наличие в общественном сознании дифференцированного отношения к различным группам этнических мигрантов при заметной поляризации мнений по отдельным вопросам. Наиболее отчетливо это проявилось по отношению к таким резонансным группам как «чеченцы» и «грузины». Выявилась и этническая группа, которую можно охарактеризовать как «группу изгой» – это «цыгане». Так, результаты исследования по «шкале Богардуса» в группе «цыгане» оказались значительно ниже уровня толерантности, нежели в остальных

группах этнических мигрантов. Например, на вопрос «*Готовы ли вы принять представителей данных этнических групп в качестве своего брачного партнера или брачного партнера своих детей?*» в отношении турок готовность выразили – 21,1% респондентов; народов Кавказа – 20,3%; арабов – 18,8%, народов Средней Азии – 18,6%; грузин – 17,3%; чеченцев – 16,4%; представителей стран Азии и Востока – 16%; африканцев – 15,4%. Явным аутсайдером в качестве потенциальных брачных партнеров стали именно цыгане. Лишь 8,9% респондентов готовы были принять представителей этой группы в качестве таковых. Ответы респондентов на вопрос: «*Какие ощущения (чувства) вызывает у вас совместное проживание в одном городе с представителями перечисленных этнических групп?*» также отражали значительные эмоциональные оппозиции, сложившиеся в отношении некоторых этнических групп. В частности, респонденты продемонстрировали достаточно двойственное отношение к таким группам, как представители «*кавказских народов*» и «*народов Средней Азии*» – 40,8% опрошенных выразили свое положительное отношение к первой группе и 36,5% обозначило свое негативное отношение, относительно второй группы – соответственно 40,9% и 36,1%. Несколько менее позитивным, но одновременно столь же неоднозначным, стало отношение респондентов к такой группе, как «*грузины*» – позитивные ощущения от проживания с ними выразили 34,5% респондентов, а негативные – 37,6%. При этом в отношении групп – «*чеченцы*» и «*цыгане*» были продемонстрированы негативные установки: отрицательные ощущения от совместного проживания в одном городе с чеченцами присутствует у 49,2% респондентов, в то время как положительное лишь у 29,7%, а по отношению к группе цыган результаты свидетельствуют о критическом неприятии, сложившимся у местного населения – 63,8% респондентов высказались об отрицательных ощущениях от совместного проживания, в то время как об положительных – лишь 19,0%.

Описанные выше результаты свидетельствуют, на наш взгляд, о наличии в обществе разнонаправленных установок, формируемых противоречивым информационным полем, а именно: официально декларируемой государственными СМИ ценности межэтнической толерантности и одновременным педализированием этнического фактора при описании криминальных событий и различных конфликтных ситуаций. Вместе с тем, факты свидетельствуют: интолерантность как свойство социальных взаимодействий и отношений между местным

населением и группами этнических мигрантов не содержит высокого потенциала агрессивности и продуцируется, прежде всего, трудностями и проблемами, возникающими в процессе узнавания и определения новых ситуаций взаимодействия со стороны местных жителей.

Содержательным оказался анализ соотношения установок респондентов в отношении групп мигрантов и их социальных атрибуций. Отчетливо проявилась взаимосвязь между уровнем декларируемой толерантности респондентов из групп этнического большинства и социально-экономическими факторами. Менее толерантные установки продемонстрировали респонденты возрастной группы 36–45 лет, хотя опыт прошлых исследований показывал, что более низкий уровень толерантности, как правило, свойственен представителям самой старшей возрастной группы – от 55 лет и старше. Но, сравнение результатов ответов представителей различных возрастных групп на вопрос: *«Если совместное проживание в одном городе с представителями перечисленных народов вызывает у Вас дискомфорт, то в чем его причина?»* сделало возможным объяснение подобной коллизии. Выяснилось, что наибольшее количество выбравших в качестве пояснения своего негативного отношения к представителям мигрантов вариант ответа – *«опасение, что они займут мое рабочее место или рабочее место моих родственников, друзей»* было как раз в возрастной группе 36–45 лет. Поскольку данная группа является одной из наиболее экономически активных среди всех возрастных групп, можно сделать вывод, что обострившая во время кризиса конкуренция на рынке труда, повысила степень влияния экономического фона на уровень межэтнической толерантности. Этот тезис подтверждает анализ данных об уровне доходов респондентов и уровне их межэтнической толерантности. В частности, наименьший уровень межэтнической толерантности стабильно проявлялся в группе респондентов с самым низким доходом – менее 5000 рублей на одного члена семьи в месяц. Таким образом, уровень декларируемой этнической толерантности в группе представителей этнического большинства республики и уровень их экономического благосостояния имеет характер прямой зависимости. При этом на данную корреляцию влияют как внешние экономические факторы, так и зависящий от них внутренний психологический фон, а именно – уровень фрустрированности индивида.

Еще одним важным социальным параметром, имеющим корреляционную зависимость с уровнем этнической толерантности, стал гео-

графический фактор – более высокий уровень толерантности демонстрировали респонденты в городах Альметьевск и Набережные Челны, а наименьший – г. Казань и г. Арск. Это можно объяснить тем, что и г. Альметьевск и г. Набережные Челны – молодые города, которые изначально формировались как общесоюзные стройки и имеют помимо полиэтничного состава населения иную общегородскую ментальность. Это в частности, отмечается и в проводившихся в данных населенных пунктах исследованиях по проблеме межэтнической брачности⁵. В отличие от них г. Казань продолжительное время сохраняла стабильный этнокультурный ландшафт, который подвергся весьма интенсивному миграционному влиянию в последние десятилетия, что, очевидно, повлияло и на самоощущения этнического большинства города. Город Арск представляет собой иную – отличную от остальных городскую среду – этнически однородную, с ярко выраженным сельским консервативным компонентом, что и стало, видимо, определяющим фактором в установках респондентов. В отличие от указанных выше социальных параметров, взаимосвязь между уровнем межэтнической толерантности и гендерными характеристиками респондентов не имела выраженного характера, однако, в целом, мужчины демонстрировали более высокий уровень декларируемой толерантности в пределах статистической погрешности 3–5%. Если попытаться смоделировать социальный портрет представителя этнического большинства республики, который условно может быть охарактеризован как менее толерантный, чем остальные – это, в нашем случае, житель малого города с консервативным моноэтническим культурным ландшафтом, среднего или пожилого возраста с доходом менее 5000 рублей в месяц, с устоявшимися нормативными гетеростереотипами.

Следует подчеркнуть, что в представлениях молодежи из числа представителей принимающего населения среди причин, способствующих комфортному проживанию этнических мигрантов в Республике Татарстан, отмечается *«толерантность местного населения»* и существенно меньше *«хорошие условия жизни»*. В то же время среди причин дискомфорта проживания этнических мигрантов в Респуб-

⁵ Столярова Г.Р. Русские в межэтнических браках в национальных республиках Среднего Поволжья // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. – Казань, 2009. – С.171–176.

лике Татарстан отмечаются варианты *«интолерантность местного населения»* и *«дискриминации со стороны местного населения»*. Это говорит о том, что какая-либо определенная оценка межэтнических отношений в Республике Татарстан не заняла еще прочного места в картине мира молодых людей из числа местного населения. Они еще находятся в процессе размышления и постепенного формирования своего отношения к процессам межэтнического взаимодействия. Поэтому требуется особое внимание и работа с молодежью, в целях предотвращения роста интолерантных установок и возможных социальных конфликтов. Важно отметить, что очень большая роль здесь принадлежит СМИ, а также общественным организациям и институтам. Лидеры национально-культурных объединений Республики Татарстан неоднократно отмечали нехватку информационно-просветительских программ на местном телевидении и публикаций на страницах газет, которые рассказывали бы о жизни представителей этнических меньшинств (в том числе и из мигрантских сообществ), об их вкладе в научную, экономическую, общественную и культурную жизнь местного сообщества. Тем самым, восполнение пробелов в этой сфере поможет избежать формирования ксенофобских представлений местного населения об этнических мигрантах.

Взаимоотношения этнических мигрантов и принимающего населения Республики Татарстан нельзя назвать глубокими⁶. Как правило, это поверхностные контакты по работе или в других социально-бытовых сферах, вызванные жизненной необходимостью (продавец-покупатель, хозяин-квартиросъемщик и т.д.). Но даже на таком уровне около 15% от числа респондентов хотели бы свести к минимуму общение с представителями мигрантов. Примеры более глубокого общения встречаются намного реже, хотя практически большинство респондентов не против установления дружеских отношений. Парадоксально, но факт, что большинство из опрошенных настороженно относятся к возможному сближению с представителями иноэтничных мигрантов. При этом они ссылаются на *«различие языка, традиций»*, считая, что это существенным образом затруднит общение и негативно повлияет на дальнейшее развитие событий.

⁶ Габдрахманова Г.Ф. Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. – Казань, 2003. – 148 с.

Это мнение наиболее ярко выражено у значительной части респондентов. В целом, создается впечатление отстраненности и сдержанности принимающего населения от мигрантов. Хотя абсолютное большинство респондентов согласилось с утверждением, что *«когда люди разных национальностей живут рядом, общество становится богаче и культурнее»*.

В этой связи стоит отметить, что по данным исследований в представлениях принимающего населения и в стереотипизировании ими иноэтничных мигрантов в Татарстане заметна сильная, ярко-выраженная степень интолерантной эмоциональности, в первую очередь в отношении *«цыган»* и *«кавказцев»*. Однако, как правило, при личном контакте стереотип теряет свою актуальность, и представители принимающего населения выстраивают отношения, исходя из логики непосредственного взаимодействия. В то же время, по мнению самих представителей мигрантов, у них нет ощущения того, что отношение к выходцам с Кавказа распространяется и на их группу. Более того, они подчас соглашались с тем, что в поведении многих *«кавказцев»* присутствуют моменты, которые справедливо могут не нравиться представителям местного сообщества.

Довольно часто, не имея личных контактов с этническими мигрантами, представители принимающего сообщества высказываются негативно по отношению к представителям тех или иных национальностей, используя стереотип отношения к данной этнической общности, принятый в обществе. Склонность оперировать жесткими стереотипами говорит о неумении представителя той или иной этнической общности самостоятельно сопоставлять факты, творчески подходить к ситуации. В рамках исследования респондентам из числа представителей принимающего населения было предложено определить в чем, на их взгляд, могут состоять положительные и отрицательные моменты пребывания этнических мигрантов в Республике Татарстан.

Среди положительных моментов были названы такие, как *«радость от возможности общения с представителями другой культуры»* – 27,5%, и *«мне приятна мысль, что в нашем городе проживают люди разных национальностей и культур»* – 20,7%, *«мне просто приятна мысль, что все мы разные»* – 14,9%. При этом декларируемая межэтническая толерантность не всегда отражала реальное отношение отвечающего к данной проблеме. Например, абсолютное большинство респондентов ответили, что их отношение к представителям перечис-

ленных этнических мигрантов останется в любом случае неизменным. На втором месте по частоте был ответ, что *«отношение улучшится, если этих людей станет в городе меньше»*. В итоге это означает, что больше половины опрошенных не готовы изменить своего отношения к данным группам. Подтвердили, что их отношение может стать лучше при определенных условиях только треть респондентов (большинство из них отметили, что их *«отношение улучшится, если представители этнических мигрантов будут вести себя как большинство горожан»*, *«если они будут лучше владеть русским языком»*, а также, *«если больше узнают об особенностях их культуры из СМИ»*).

Участники фокус-групп отметили, что главные позитивные моменты пребывания мигрантов в республике связаны с экономическими соображениями: *«переселенцы работают там, где не хочет работать местное население»*, *«мигранты доставляют дешевые товары и продукты»*, *«дешево и качественно строят и ремонтируют дома и квартиры»*. Немногие участники отметили социальные преимущества миграции, такие как *«улучшение демографической ситуации»*, *«расширение этнического и культурного разнообразия города»*.

В качестве значимых негативных моментов пребывания мигрантов в Республике Татарстан назывались *«тревога за безопасность свою и близких»* – 24,6%, *«мне неприятно находиться с ними в одних и тех же общественных местах по причине их поведения»* – 15,5%, *«опасение, что из-за их присутствия повышается вероятность инфекционных заболеваний»* – 10,2% и, наконец, *«меня раздражает само их присутствие в городе»* – 21,1%. Вторая и последняя причины отражают уровень распространенности в обществе ксенофобии, которая трактуется как неприятие отличного, непохожего.

Чем вызвано негативное отношение принимающего населения республики к представителям этнических мигрантов? Одна из главных причин, на наш взгляд, связана с широко распространенными среди населения искаженными представлениями о масштабах и характере современных миграционных процессов. По оценкам участников фокус групп из числа этнического большинства: *«объемы миграции в Казани достаточно большие»*, многие из них считают, что *«мигрантов в городе очень много»* или *«достаточно много»*.

Завышенные оценки масштабов миграции среди местного населения, на наш взгляд, связаны и с тем, что отдельная группа переселенцев занимает публичные сферы как легальной, так и теневой экономи-

ки города – торговля, строительство и т.д., что в представлениях местного населения создает мнение о массовости миграции. Абсолютное большинство участников фокус – групп из числа представителей принимающего населения уверено, что мигранты в основном торгуют на рынках, частным образом ремонтируют квартиры, строят дома, дачи. Большую конструктивистскую роль играют СМИ, распространяя мнение о криминальном сопровождении миграционных потоков: среди представителей этнического большинства часто встречалось мнение, что переселенцы занимаются криминальным бизнесом. Противники миграции также считают, что переселенцы являются источником преступности, заболеваний, появления некачественных товаров и продуктов. Достаточно распространено среди местного населения ощущение обострения конкуренции на рынке труда – в связи с приездом мигрантов и боязнь того, что переселенцы занимают рабочие места, снижают уровень зарплаты⁷.

Представления о масштабах миграции и сфере деятельности прибывающих мигрантов дополняются стереотипами об их национальном составе. Половина участников фокус-групп полагают, что в город приезжают, в основном, представители народов Кавказа. Причем, почти каждый третий респондент уверен, что среди приезжающих в город преобладают азербайджанцы. Другая треть представителей этнического большинства указали, что мигранты в основном представляют народы Средней Азии, а также выразили предположение, что среди мигрантов преобладают таджики и узбеки.

По данным официальной статистики из источников УФМС РФ по РТ около 30% пребывающих мигрантов составляют граждане Узбекистана. Это могут быть узбеки, татары, русские – но все они граждане Узбекистана. В миграционных картах национальность мигранта не учитывается. На втором месте по количеству пребывающих мигрантов – граждане Таджикистана (около 12%); далее – граждане Азербайджана (9%), Киргизии (7%), Казахстана (6 %) и т.д.⁸

Результаты эмпирических исследований показали, что степень вклада мигрантов в развитие региона, по мнению принимающего на-

⁷ Габдрахманова Г.Ф. Мы-они: отношение к мигрантам в Республике Татарстан // Социологические исследования. – 2008. – №2. – С.70.

⁸ Исаева Л., Биалова Н. Мигранты кризиса не боятся // Наш дом – Татарстан. – 2010. – № 3. – С.15–18.

селения, характеризуют следующие факторы: расширение торгово-экономических возможностей, дополнительная рабочая сила, расширение культурного многообразия, развитие малого и среднего бизнеса. При этом подавляющее большинство ответов респондентов носило характер отрицания вклада мигрантов, который, по их мнению, минимален либо незначителен, поскольку мигранты вывозят деньги из региона, занимают рабочие места местных жителей, обогащаются за счет республики. На наш взгляд, причинами данных отрицательных мнений являются различия в социально-экономическом статусе мигрантов и представителей принимающего сообщества. Трудности социально-экономического плана, испытываемые принимающей стороной, при созерцании экономического и материального благополучия отдельных переселенцев или повышенное внимание и помощь им со стороны государственных структур вызывает неприязненное, а иногда и завистливое отношение к иноэтничным мигрантам.

Значительная часть опрошенных ощущает существование скрытого конфликта в отношениях принимающего населения и мигрантов, причем большинство респондентов затрудняются назвать причины своего негативного отношения к ним, ограничиваясь замечаниями о *«криминальных связях»* или о *«наглом поведении»* переселенцев. При этом около трети респондентов (32%) считают, что мигранты сами создают социальную напряженность в регионе. Вероятно, здесь имеется в виду вполне адекватные притязания мигрантов на жилье, работу, социальные гарантии, что не всегда есть в достаточном количестве, в том числе и для представителей принимающего сообщества. А увеличение конкуренции за ограниченное число социальных ресурсов приводит к возникновению и нагнетанию социальной напряженности. Также необходимо отметить, что сам по себе процесс вхождения мигрантов в новое сообщество является напряженным для обеих сторон. Скорее всего, основанием для существования напряженности также служит заметное различие в образе жизни представителей групп этнических мигрантов и принимающего населения. Едва ли не самая большая проблема взаимодействия с этническими мигрантами заключается в том, что они присутствуют в жизни принимающего сообщества, как правило, только экономически. И даже та незначительная, но отчетливо фиксируемая культурная составляющая ограничивается в абсолютном большинстве случаев лишь сферой общественного питания, по сути, оставаясь в той же экономической плоскости. То есть, основной культурный комплекс

мира мигрантов, состоящий из их разнообразных культурных и житейских практик, остается как бы «за кадром», в то время как видимая часть поведения интерпретируется местным населением, исходя из знаний собственной культуры и в ее рамках. Такое положение вещей характерно не только для принимающего населения, но и для самих этнических групп, представители которых часто имеют весьма слабое представление о том, почему местные жители тем или иным образом реагируют на их поведение. Это образует значительный конфликтный потенциал, который время от времени проявляется на бытовом уровне.

Среди ответов респондентов часто встречается позиция, адресованная мигрантам: *«пусть они уважают то, как живём мы»*. Но в то же время эти респонденты отмечают необходимость и полезность движения навстречу мигрантам, которые хотят интегрироваться в принимающее общество. По результатам наших эмпирических исследований, в качестве факторов формирования того или иного отношения к мигранту определяющее значение имеют следующие:

- поведение представителей иноэтничных мигрантов в принимающем сообществе;
- национальная принадлежность мигрантов;
- изменение социально-демографической обстановки в регионе;
- мнение самих иноэтничных мигрантов о новом месте проживания и принимающем сообществе.

Вышеизложенные факторы расположены по значимости для формирования отношения к представителям мигрантов со стороны представителей принимающего населения Республики Татарстан. В той или иной ситуации их влияние будет разноплановым или совокупным, но, в любом случае, определяющим.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что выдвинутые авторами гипотезы в целом получили свое эмпирическое подтверждение. Менее толерантные установки, продемонстрированные респондентами средней возрастной категории, на наш взгляд, являются прямым следствием опасений за свои рабочие места в ситуации возрастания конкуренции на рынке труда. Стоит в данном случае отметить важную роль психологических факторов, поскольку подобные опасения отражают скорее уровень фрустрированности данной социально-демографической группы, нежели сложившиеся реалии. И здесь возможно говорить о совпадении с таким важным фактором как роль традиционных СМИ, степень влияния которых более выражена в средней и старшей возрастных

группах. Это согласуется со второй гипотезой о сложно-опосредованном характере связи социальных атрибуций с проявлением толерантности – интолерантности. Дополнительной иллюстрацией могут служить установки, продемонстрированные в возрастной группе молодежь – отличавшиеся несформированностью, что может быть вполне объяснено иными более диверсифицированными информационными каналами, востребованными в данной возрастной группе.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: во-первых, представители этнического большинства Республики Татарстан четко дифференцируют представителей этнических меньшинств. Если индигенные меньшинства воспринимаются ими как «свои», то меньшинства, которые фенотипически и этнокультурно отличаются от местного населения, воспринимаются неоднозначно и даже негативно. Этот момент четко прослеживается и по «шкале Богардуса», и неоднократно отмечался самими представителями этнических мигрантов.

Во-вторых, исходя из анализа ответов респондентов, можно констатировать, что у представителей этнического большинства сложились противоречивые позиции по отношению к этническим мигрантам в Республике Татарстан. Особенно ярко это проявляется у молодежи из числа представителей принимающего населения, что свидетельствует о том, что оценка межэтнических отношений не заняла еще прочного места в картине мира молодых людей, они лишь формируют свое отношение к процессам межэтнического взаимодействия. С одной стороны, декларируется высокий уровень межэтнической толерантности, но при более детальном рассмотрении смоделированных жизненных ситуаций, проявляется интолерантное отношение к мигрантам. Установки представителей принимающего населения имеют корреляции с социальными атрибутами респондентов. На данную корреляцию влияют социально-экономические факторы и внутренний психологический фон, связанный с возрастными характеристиками респондентов.

В-третьих, по результатам эмпирического исследования были выявлены факторы, оказывающие влияние на формирование установок представителей этнического большинства по отношению к мигрантам: поведение представителей мигрантов в принимающем сообществе, их национальная принадлежность, изменение социально-демографической обстановки в регионе, мнение представителей самих мигрантов о новом месте проживания и принимающем сообществе.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Т.А. Титова, В.Е. Козлов

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТАТАРСТАНА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ¹

Русское сельское население Татарстана является традиционным объектом исследовательского интереса представителей «казанской этнографической» школы. Это обусловлено не только самой традицией сформировавшейся со второй половины 1940-х годов благодаря научной деятельности Е.П.Бусыгина, Н.В.Зорина и их учеников, но и учетом складывающихся особенностей современного исследовательского поля. Основным его наполнением становится «дематериализация» этнической культуры, переформатирование ее в социальный конструкт с символическим капиталом. При этом в более консервативной сельской среде интенсивность данных процессов ниже, чем в городе, и имеет свою специфику, связанную в том числе, с региональными особенностями различных территориальных групп русского сельского населения. Сравнительный анализ территориальных групп русского сельского населения республики позволит, по мнению авторов, выявить как общую динамику этнокультурных и этносоциальных процессов в их среде, так и оценить причины и характер имеющихся различий.

Основной целью проведенного исследования являлся комплексный анализ этнокультурного, социального и психологического состояния русского населения Татарстана как важной части общерес-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант №16003.

публиканского сообщества. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие научно-исследовательские задачи:

- определение символического и содержательного наполнения понятия «этнокультурные потребности»;
- анализ структуры этнокультурных потребностей и степени их актуализированности применительно к русскому сельскому населению Татарстана;
- характеристика общего психологического фона и уровня фрустрированности русского сельского населения РТ.

Объектом исследования выступали русские, проживающие в сельских населенных пунктах в территориальных границах Республики Татарстан. Предметом исследования являлась совокупность культурных, социальных и психологических характеристик, актуализированных в этносоциальной группе сельского русского населения Татарстана.

В качестве базового подхода для исследования проблемы авторы использовали полипарадигмальный подход, дополненный отдельными положениями теории о культурных границах (Ф.Барта), социального конструирования реальности (П.Бергера и Т.Лукмана), историко-культурным подходом к изучению этнодисперсных групп, разработанным А.Е. Тер-Саркисянц. В последние годы в отечественной социологии достаточно распространенным является построение исследовательской программы на сочетании количественных и качественных методов. В настоящем исследовании были использованы такие как массовое полужформализованное интервьюирование, углубленное структурированное интервьюирование, а также качественно-количественный метод контент-анализа материалов СМИ.

Материалом для настоящей работы послужили результаты исследования, проведенного в трех районах Республики Татарстан с компактным проживанием русских: Лаишевском, Тетюшском и Рыбно-слободском. Данные районы были отобраны в качестве панели для первого этапа комплексного исследования современного сельского русского населения Республики Татарстан, реализуемого кафедрой археологии и этнологии Института истории КФУ. Отбор указанных районов был основан на принятом районировании этапов заселения русскими края с учетом тех данных, которые были введены в научный оборот в последние годы. Так, согласно Е.П. Бусыгину поселение Рыбная слобода в отличие от городов Лаишева и Тетюши возникает лишь в начале

18 в.², и потому может быть отнесено ко второму этапу освоения русским населением территории современного Татарстана. Но согласно более новым данным уже с конца 16 в. на месте Рыбной слободы существовала крепость (сторожевая вышка), около которой возникло поселение пришлых свободных людей, жители которого занимались рыболовством и различными ремёслами³. Таким образом, мы полагаем, что все три указанных района являются территориями первичного заселения края русскими, хронологически локализуясь в границах второй половины 16 – начала 17 вв. Еще одним авторским допущением, является генерализация выборочной совокупности в каждом из трех районов в единый массив без выделения собственно жителей районных центров, то есть гг.Тетюши, Лаишев и пгт. Рыбная слобода и жителей сельских поселений. Мы исходили из того, что особенности селитьбы, доминирующего типа усадьбы и хозяйственной деятельности жителей названных районных центров имеют амбивалентный характер с преобладанием типа сельского жителя, а не городского.

Приступая к анализу полученных результатов, кратко остановимся на основных характеристиках выборочной совокупности, обследованной в указанных районах. Общая численность опрошенных респондентов составила: 353 человека в Лаишевском районе, 203 в Тетюшском и 126 в Рыбнослободском. Из них соотношение мужчин и женщин: 39,4% и 60,6% соответственно в Лаишевском, 40,9% и 59,1% в Тетюшском, 38,9% и 61,1% в Рыбнослободском районе. Таким образом, указанная выборочная совокупность, с точки зрения авторов, является достаточно репрезентативной для решения поставленных исследовательских задач.

Для понимания и детализации возможных причин и последствий, выявленных в ходе массового опроса тенденций, было проведено 15 глубинных интервью с лидерами общественно-политических и культурных объединений русских Татарстана.

Наконец, для характеристики общего информационного фона, сложившегося в республиканском медиа пространстве и отражающего внутренние и внешние факторы жизнедеятельности этнической группы русских в республиканском сообществе, был проведен контент-

² Бусыгин Е.П. К вопросу формирования русского населения Татарской АССР // Уч. записки Казанского ун-та. – 1955. – Т.115, кн.2. – С.127–147.

³ www.sloboda-centr.ru –сайт Рыбнослободского района РТ.

анализ ряда печатных и электронных СМИ, представляющих различный идеологический спектр.

Совокупность использованных в ходе исследования методов позволила, по мнению авторов, получить достаточно данных для осуществления всестороннего анализа по заявленной выше проблематике.

В качестве рабочих гипотез исследования были сформулированы следующие: 1) этнокультурные потребности русского сельского населения республики имеют прямую зависимость с актуальными социально-демографическими характеристиками данной этносоциальной группы; 2) социокультурный ландшафт, определяющий общее состояние современного русского сельского населения, влияет на психологический микроклимат данной группы, определяя уровень ее фрустрированности.

Приступая к анализу проблемы этнокультурных потребностей русского населения Татарстана, необходимо предварительно определить содержательное наполнение самого понятия этнокультурные потребности, а также смысловые границы его использования применительно к настоящему исследованию. Относительно первого, авторы исходили из существующих определений двух производных понятий – этническая культура и потребность, трактуя их следующим образом. Этническая культура – совокупность культурных элементов и структур, обладающих ярко выраженными отличительными этническими чертами и этнодифференцирующими функциями⁴. Потребность – внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо, которое проявляется в зависимости от ситуационных факторов⁵. Касаясь смысловых границ понятия в конкретном исследовании авторы, руководствовались подходом, сформулированным известным норвежским исследователем Ф.Бартом и заключающемся в том, что «учитываемые признаки не представляют собой сумму «объективных различий», но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми»⁶. В нашем случае, это означает включение в феноменологию понятия «русская культура» и тех явлений, которые фор-

⁴ Садохин А.П. Этнология: учебный словарь. – М.: Гардарики, 2002. – С.70.

⁵ www.wikipedia.org

⁶ Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф.Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – С.15–16.

мально имеют иную сущностную основу, например, религиозная идентичность. Применительно к Татарстану, где этнические границы в значительной степени накладываются на конфессиональные, это предполагает, что религиозная идентификация с высокой долей вероятности является для большинства представителей референтной группы неотъемлемой частью общекультурной, что подтверждалось и более ранними исследованиями. Исходя из вышесказанного, авторы построили анализ этнокультурных потребностей русского населения Татарстана на выделении следующих тематических блоков:

- изучение спектра бытующих в их среде представлений о содержании понятия «этническая культура русских»;
- структуризация совокупности выделенных элементов этнической культуры с точки зрения их актуализированности для носителей;
- анализ особенностей репрезентации этнокультурных потребностей русского населения в республиканском информационном пространстве.

В этой связи интересно изучить особенности структуры идентичностей русского населения, что может также позволить оценить актуализированные социокультурные потребности. В данном случае нами анализировались ответы респондентов на следующие вопросы, представленные в таблицах 1 и 2.

Анализ, приведенных в таблице 1 данных показывает, что этническая идентичность, декларируемая респондентами, достаточно актуализирована в их среде. Так, для 68,9% – она выступает в качестве важной составляющей их жизни. Если же сопоставить результаты данного вопроса с результатами, приведенными в таблице 2, проранжировав вторые, то мы увидим, что этническая идентичность, в большинстве случаев, основывается на потребности в культурной, а также языковой идентичностях. Вызывают интерес и показатели, отражающие такие виды идентичностей как гражданская и религиозная. Очевидно, что именно первая в виде региональной и общероссийской (14,1% и 14,7% соответственно) значительно более актуализирована среди русского населения чем религиозная (3,7%). При том, что 70,7% респондентов отнесли себя к верующим в той или иной степени, из них 69,3% к православным. Мы полагаем, что противоречия в приведенных данных нет, определяющим же оказывается почти полное совпадение уровня декларируемой актуализированной этнической идентичности и религиозности в форме православия (68,9% и 69,3%

соответственно). По нашему мнению, это является следствием укоренного в сознании большинства представителей русского населения идентифицирующего стереотипа «русский – значит православный», в котором религиозный компонент, как мы отмечали выше, инкорпорирован до степени слияния с этнокультурным. Продемонстрированная низкая потребность в собственно религиозной идентичности связана с интерпретацией её респондентами, в первую очередь, как уровня воцерковленности, который у большинства изучаемых русских незначителен, например, отметили, что соблюдают все обряды лишь 7,6% респондентов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важно для Вас ощущать себя русским?», (%)

Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Мне это совсем не важно	Я не считаю это принципиально важной частью своей жизни	Что-то другое
26,4	42,5	14,4	9,0	7,4	0,3

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «В чём Вы ощущаете наибольшую потребность?», (%)

В исторических связях со своей малой родиной	В культурном единстве с людьми своей национальности	В свободном использовании родного языка	В религиозном единстве с людьми одной веры	В единстве с жителями своей республики	В единстве с гражданами России	В чем-то другом	Не имею потребности	Затрудняюсь ответить
10,7	19,5	14,2	3,7	14,1	14,7	0,9	16,3	5,9

Для более точного понимания сложившейся ситуации мы сравнили ответы респондентов по рассматриваемым выше вопросам с точки зрения их социальных и демографических характеристик, что могло помочь определить степень и характер влияния на общий этнокультурный фон тех или иных социальных факторов. Проведенный сравнительно сопоставительный анализ в выделенных группах, распределенных по

категориям – пол, возраст и уровень образования, показал, что отмеченные выше тенденции имеют общегрупповой характер. Выявленные корреляции между социальными характеристиками респондентов и занятыми ими позициями по отдельным пунктам вопросов, в целом, не носили системный характер и, по мнению авторов, не влияли на общую картину. В частности, женщины продемонстрировали более высокий уровень декларируемой религиозности (к этой категории нами отнесены совокупно респонденты, выбравшие варианты ответов «Я верующий и соблюдаю все обряды», а также «Я верующий, но соблюдаю не все обряды») – 79,4% (62,4% у мужчин). В свою очередь, мужчины, чаще выбирали вариант – «Не интересуюсь этими вопросами» – 12,9% против 5,4% у женщин. Кроме того, женщины продемонстрировали несколько большую, чем мужчины, потребность в свободном использовании родного языка – 16,2% и 11,8% соответственно. По всем остальным пунктам рассматриваемых вопросов распределения в обеих группах носили сопоставимый характер и не выходили за рамки статистической погрешности. Указанные выше различия могут быть объяснены гендерными особенностями социальной активности представителей обеих групп в конкретных сферах жизнедеятельности. В частности, большая в сравнении с мужчинами степень декларируемой религиозности среди русских женщин отмечалась и по результатам других исследований. А более высокую актуализированность языковой сферы в группе женщин мы связываем с их традиционно большей включенностью в образовательную деятельность детей. Наше предположение подтверждается и результатами ответов респондентов на вопрос: «Устраивает ли вас качество преподавания русского языка в школе?». 30,5% респондентов – женщин выразили свое неудовлетворение этим качеством, в то время как среди мужчин таковых оказалось 22,7%.

Возрастной критерий также не оказал принципиального влияния на ответы респондентов по рассматриваемым вопросам. Лишь в двух случаях были отмечены достаточно явные различия в занимаемых позициях между людьми пенсионного и трудоспособного возраста. В вопросе об уровне религиозности 12,8% пенсионеров выбрали вариант «Я верующий и соблюдаю все обряды», в то время как в группе трудоспособных – лишь 4,2%. В вопросе же об уровне этнической идентичности, напротив, 15,2% респондентов трудоспособного возраста отметили, что для них – «скорее не важно» ощущать себя русским, тогда как среди респондентов пенсионного возраста таковых оказа-

лось лишь 7,6%. При этом во всех остальных пунктах рассматриваемых вопросов возрастные различия не нашли значимого отражения и респонденты демонстрировали высокую согласованность, занимаемых позиций. Указанные различия в обоих случаях выглядят вполне объяснимыми с точки зрения различий жизненных ориентиров в данных возрастных когортах.

Наконец, уровень образования респондентов лишь в одном случае имел выраженную зависимость с занимаемой позицией – в варианте ответа «*Очень важно ощущать себя русским*», в котором степень актуализированности этнической идентичности для респондентов имела характер обратной связи с уровнем их образования. Количественно это выглядело следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответа «Очень важно ощущать себя русским?» в зависимости от образования (%)

Образование	Начальное, неоконченное среднее	Среднее	Средне специальное, среднее техническое	Незаконченное высшее, высшее
Очень важно	38,9	31,7	27,8	23,1

Несмотря на приведенные примеры отдельных различий у представителей рассматриваемых групп, подчеркнем, что абсолютное большинство полученных ответов отражали схожесть занимаемых ими позиций. Таким образом, можно говорить о высоком уровне внутриэтнической консолидации по этнокультурной проблематике.

При наличии такого внутриэтнического фона важно оценить насколько свободно могут удовлетворить свои потребности в приобщении к русской культуре респонденты. Результаты ответов на подобный вопрос приведены в таблице 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько свободно вы можете удовлетворить свои потребности в приобщении к русской культуре?» (%)

Абсолютно свободно	Скорее свободно	Имеются определенные затруднения	Практически не могу	Затрудняюсь ответить
49,9	35,0	3,1	1,3	10,7

Из приведенных данных видно, что абсолютное большинство респондентов не испытывают затруднений в приобщении к русской культуре, проживая в Республике Татарстан. Тем не менее, для более всесторонней оценки ситуации мы привлекли материалы глубинных интервью, проведенных в рамках исследования с руководителями и активистами организаций и объединений, занимающихся поддержкой и развитием русской культуры в крае. Из состоявшихся бесед выяснилось, что организованное движение в поддержку русской культуры в республике отсутствует, представляя скорее набор различных более или менее успешных инициатив. Причем более успешными оказываются те проекты, которые имеют культурно-просветительский или фольклорный характер. Самым ярким примером служит история праздника русской народной культуры «Каравон», который начинался в конце 1980-х годов как возрождение локальной праздничной традиции конкретного села, но при поддержке руководства республики приобрел к настоящему времени статус общероссийского фестиваля русской народной культуры – *«А старшее поколение я мало знал. Меня приглашали на какие-то смотры. Мы собрали их на посиделки, и там я узнал о Каравоне ... Народу становилось все больше и больше, кормить народу приходилось все больше и больше... В 2003 году Каравон стал статусным мероприятием, шоу, когда Шаймиев (первый президент РТ. – прим. автора) первый раз на праздник приехал. Это и хорошо, и плохо. С одной стороны, это привлечение, с другой – многие коллективы стали отворачиваться. Каравон теперь считается общероссийским фестивалем. А все остальные...они не совсем конкурентноспособны»* (из интервью с директором районного дома культуры села Никольское Лаишевского района Республики Татарстан С.А. Трусовым). Из приведенного выше отрывка видно, что республика старается демонстрировать свое внимание к возрождению местной русской народной традиции, но, как отмечали информанты, это зачастую принимает форму огосударствленной стилизации с выхолащиванием собственно народной компоненты. В этой связи интересно уточнить содержательное наполнение так называемых традиционных компонентов этнической культуры, к которым мы отнесли обрядовую и праздничную культуру. Респондентам предлагалось самостоятельно ответить на открытые вопросы о праздниках, а также песнях и танцах, которые они считают традиционно русскими. Так, 56,8% респондентов отметили, что у них в доме имеются предметы традиционного бы-

та и культуры, при этом большинство из них (62,2%) в качестве таковых назвали предметы религиозного культа – иконы, крест, образа и т.д. На вопрос: «Знаете ли Вы свои народные танцы?» – отметили, что знают 45,9%, а 50,6% – что не знают. В качестве народных танцев назывались кадрили, вальс, каравон, яблочко, цыганочка, барыня, подгорная, танго, чечётка, берёзка и др. Национальный костюм носили постоянно или по отдельным случаям 25,1% респондентов, при этом 73,4% не носили вообще. Из элементов национального костюма были названы крест, сарафан, штаны, кокошник, лапти, бусы, платок, брюки, сапоги, вышивка, платье, фартук, юбка, фуражка, валенки и др. Среди праздников, которые они регулярно отмечают, 60,5% отметили традиционные русские праздники, к которым отнесли Пасху, Крещение, Рождество, Троицу, Ивана Купала, Масленицу, Сёмик и др. Относительно соблюдения обрядов жизненного цикла, связанных с рождением, свадьбой и похоронами, абсолютное большинство опрошенных ответило утвердительно – соответственно 86,2%, 74,1% и 85,9%. При этом выразили готовность соблюдать их полностью 52,5%, а еще 31,7% частично. В отношении стремления использовать образцы народной культуры эти показатели были значительно ниже: желание знать свои народные танцы выразили 36,1%, народные песни – 52,7%, желание же носить элементы традиционного костюма подтвердили 19,3% респондентов. Очевидно, что представления о народной культуре у основной массы современного русского населения достаточно аморфны. В качестве ее составных частей назывались и религиозные (православные) элементы, и образцы интернациональной культуры, которые получили распространение много десятилетий назад (повидимому, на этом основании воспринимаются уже как часть традиционной народной культуры), например, вальс, танго, чечетка, фуражка и др.). При этом, общая потребность в использовании элементов традиционной русской культуры в различных сферах жизнедеятельности имеет различную актуализацию: наиболее высокую – в отношении обрядов жизненного цикла, среднюю и невысокую применительно к досуговой стороне повседневной жизни.

Помимо собственно этнокультурных потребностей важную роль в культурной жизни русского населения республики могут играть внешние факторы, например, информационное поле, формируемое по отдельным проблемам. В данном исследовании анализ информационной среды вокруг «русской тематики» в Татарстане проводился с ис-

пользованием метода контент-анализа материалов некоторых печатных и электронных СМИ. В фокусе исследовательского интереса оказались издания и публикации, отражавшие различный спектр мнений, которые можно условно разделить на официальные и независимые. К первым авторы отнесли такие издания как газета «Республика Татарстан», электронные издания – «Татар-информ», «Татцентр» и полуофициальная «ПроКазань», к независимым изданиям – газеты «Вечерняя Казань» и «Звезда Поволжья», а также электронные издания – «Регнум», «Бизнес-онлайн». Спектр независимых изданий был достаточно широк и отражал такие идеологические позиции как либерализм (Вечерняя Казань, Бизнес-онлайн), державничество (Регнум), титульный этнонационализм (Звезда Поволжья) и, наконец, развлекательно-информационный (ПроКазань). Обобщенные результаты анализа публикаций указанных изданий за период 12 месяцев – с апреля 2011г. по март 2012, представлен в таблице 5.

Таблица 5

Сводная таблица публикаций по «русской тематике»

	Положительные	Нейтральные	Отрицательные	Проблемные	Всего
Публикации, касающиеся русской культуры	20	34	2	6	62
	32,2%	54,8%	3,2%	9,8%	13,5%
Публикации о русском языке	2	53	5	28	88
	2,3%	60,2%	5,7%	31,8%	19,2%
Общественные объединения русских и их деятельность	4	19	4	3	30
	13,3%	63,4%	13,3%	10%	6,5%
Публикации о деятельности Казанской епархии	40	130	3	11	184
	21,7%	70,6%	1,7%	6%	40,1%
Другое	5	36	14	40	95
	5,3%	37,9%	14,7%	42,1%	20,7%
Итого	71	272	28	88	459
	15,5%	59,3%	6,1%	19,1%	100%

Приведенные выше данные показывают, что наибольшую долю от общего количества публикаций составляли материалы, посвященные

деятельности Казанской епархии – 40,1%, при этом носившие нейтральный – информирующий характер – 70,6%. Далее по степени представленности в информационном пространстве следовали темы, объединенные авторами в категорию «другое» – 20,7% и о русском языке – 19,2% соответственно. В отличие от публикаций о религиозной жизни в республике – доля проблематизирующих публикаций в данных рубриках была заметно выше и составляла 42,1% и 31,8%, что отражает, по нашему мнению, наличие разнонаправленных идеологем, представленных в республиканском информационном пространстве по указанным проблемам. Не случайно и то, что абсолютное большинство публикаций этой категории (72), составившие 75,8% от общего количества публикаций данной категории, были размещены в газете «Звезда Поволжья» (46,3% от общего количества) и интернет-издании «Регнум» (29,5%), которые являются своеобразными идеологическими оппонентами. И если с языковой проблематикой все достаточно очевидно, то содержательный анализ публикаций из категории «другое» показал, что проблематизация касалась в первую очередь таких тем, как межэтнические отношения русских и татар, национальная политика федеральных властей, связанная с русской культурой в республике, и ее возможные последствия для титульной этнической общности. Стоит заметить, что количество публикаций данной категории в остальных рассматриваемых изданиях было не столь значительно и имело в целом равномерное распределение. При этом сами материалы носили нейтральную направленность, освещая различные темы исторического и общественно-политического характера. Менее представленными в информационной палитре оказались публикации о русской культуре и, наконец, самую незначительную долю заняла тема о деятельности общественных объединений русских. Для более точного понимания структуры информационного поля, необходимо отдельно рассмотреть позиции, представленные всеми охваченными изданиями. Такой анализ показал, что в трех изданиях, которые мы условно отнесли к официальным (Республика Татарстан, Татар-информ, Татцентр), тональность в репрезентации русской тематики носила, в целом, нейтральный характер. Преобладали публикации о деятельности Казанской епархии, имевшие положительную или нейтральную интенцию. В этой категории изданий второе место в общем объеме публикаций по «русской тематике» занимали публикации о русской культуре, далее следовала языковая тема. Абсолютное большинство статей (в со-

вокупности до 100% публикаций) у всех трех указанных изданий и в этом случае имели нейтральную или положительную окрашенность. Значительно уступали первым трем темам по степени представленности публикации о деятельности общественных объединений русских и отнесенные к категории «другое». Если отталкиваться от допущения о том, что указанные издания выражают позицию республиканских властей по описанной проблематике, то очевидно, что основной стратегией репрезентации русской тематики в официальном информационном пространстве является выхолащивание потенциально конфликтогенной проблематики и информирующий акцент в подаче материала.

В категории независимых изданий информационная среда выглядела значительно менее однородной. Например, в издании, отнесенном авторами к либерально-демократическим (газета «Вечерняя Казань») при схожих с официальными ресурсами тематических приоритетах – публикациях о деятельности Казанской епархии и языковой ситуации – последняя была значительно более проблематизирована: доля публикаций с такой тональностью составила 66,7% от общего числа в данной рубрике. Стоит отметить, что второе издание, из категории либеральных – интернет-ресурс «Бизнес-онлайн», продемонстрировал, в отличие от газеты «Вечерняя Казань» невысокий уровень интереса к «русской тематике». Из всех выделенных проблем, на страницах данного источника присутствовали лишь материалы о деятельности Казанской Епархии и русском языке, причем в обоих случаях доминировал нейтральный информационный подход. Напротив, высокую проблематизирующую направленность имели публикации, представленные на интернет – портале «Регнум», отнесенном авторами к державно – патриотическим, причем лидером по общему количеству материалов стала обобщенная рубрика «другое», где доля подобных публикаций составила 71,4%. Содержание большинства публикаций этой рубрики было посвящено темам этнонационализма и сепаратизма в Татарстане и негативным последствиям данных явлений как для русского населения республики, так и для России в целом. Такая же проблематизирующая направленность преобладала и среди публикаций о русском языке и русской культуре, достигая 48,1% и 58,3% в общем количестве публикаций этих рубрик соответственно. И даже в рубрике о деятельности Казанской епархии на данном ресурсе имела место проблематизация тематики, составив 12,5% в общем количестве публикаций по данной теме. Примечательно, что на страницах издания, отражающего противоположные

идеологические позиции и отстаивающего ценности этнонационального движения (газета «Звезда Поволжья») по степени представленности также преобладали публикации из рубрики «другое», достигнув 61,2% от общего количества. Превалировала и проблематизирующая тональность, составив 48,3% от количества публикаций в данной рубрике. Но если содержательно публикации имели много схожего с материалами интернет-портала «Регнум», то в отношении к описываемым явлениям они кардинально отличались, резко отрицательно оценивая попытки федерального центра унифицировать процессы в политическом и образовательном пространстве, оценивая их в категориях новой имперской политики и великодержавного шовинизма. Наконец, полуофициальное издание развлекательной направленности «ПроКазань», продемонстрировало в целом невысокий интерес к «русской тематике», что отразилось в общем небольшом количестве публикаций. При этом языковая проблематика получила на страницах издания наибольшую представленность из всех выделенных рубрик, имея высокую степень проблематизированности – 40% от количества публикаций. Подводя итог особенностям информационного поля по «русской тематике», сложившегося в республиканском медиа пространстве, можно отметить его высоко регулируемый характер. А с учетом того, что единственный из рассматриваемых, критически настроенный к республиканской политике по обобщенной «русской тематике» ресурс «Регнум» является общероссийским, пусть и уделяющим значительное внимание событиям в Татарстане, вкпе с присутствием в республиканском информационном пространстве этнонационалистической «Звезды Поволжья», можно констатировать смещение общего вектора республиканской информационной политики в сторону снижения актуализированности этнокультурной проблематики в среде русского населения. Не случайны поэтому и полученные результаты, отражающие уровень узнаваемости и информированности людей о деятельности русских общественных организаций, которые продемонстрировали респонденты в ходе исследования – лишь 5,9% из числа опрошенных знают об их деятельности, при этом 29,2% отметили, что не знают, но хотели бы узнать о них больше.

Таким образом, подводя итог рассмотрению проблемы этнокультурных потребностей современного русского населения Республики Татарстан можно отметить следующие их особенности: во-первых, само понятие «русская культура» для основной части представителей этнической группы русских носит символический характер, напол-

ненный ежедневными житейскими практиками, основанными на системообразующей роли русского языка. Во-вторых, низкий уровень неудовлетворенности реализацией своих этнокультурных потребностей среди русских, сочетается с высокой степенью их внутриэтнической согласованности и актуализации. И, наконец, важную роль в конфигурации этнокультурной проблематики играет целенаправленная политика, в особенности, информационная, проводимая последние два десятилетия в республике в отношении русского населения.

В рамках третьего тематического блока, посвященного анализу психологического самочувствия русских, авторы рассмотрели такие проблемы как уровень фрустрированности представителей этнической группы и социально-психологическая дистанция с титульной этнической группой. При изучении первой из указанных проблем рассматривались ответы респондентов на следующий вопрос: «*Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?*». Результаты представлены в следующей таблице.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
« Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?», (%)**

Да	Скорее, да	Меня нельзя считать, ни счастливым, ни несчастным	Скорее нет	Нет	Другое	Затрудняюсь ответить
37,2	37,9	17,8	3,4	1,3	0,1	2,3

Представленные данные показывают значительное преобладание среди опрошенных тех, кто ощущает себя в той или иной мере счастливым. Чтобы детализировать социально-психологический фон, рассмотрим ответы на данный вопрос в основных социальных группах, дифференцированных по полу, возрасту, образованию (табл. 7).

Очевидно, что явных отклонений в какой-либо из выделенных групп не выявлено, что свидетельствует о достаточно стабильном социально-психологическом фоне в этнической группе в целом. Для более объективной оценки психологического самочувствия русских в ходе исследования были изучены автостереотип, а также этнический стереотип титульной этнической группы. При формировании этнического образа своей и соседствующей этнической группы использовался метод «свободного портрета», предполагающий авторскую форму-

лировку даваемых характеристик. Вся совокупность зафиксированных характеристик была затем распределена в соответствии с классификатором открытых вопросов по следующим категориям: деятельностные качества (например, взаимопомощь, сплоченность, предприимчивость и т.д.), личностные качества, физические качества, социальные качества (например, религиозность, несправедливость, семейственность и т.д.), а также по преобладающей тональности – положительной, нейтральной, отрицательной.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос « Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?» в зависимости от пола, возраста, образования, (%)

	Да	Скорее, да	Меня нельзя считать ни счастливым ни несчастным	Скорее нет	Нет	Другое	Затрудняюсь ответить
Пол							
жен.	37,0	39,3	15,6	3,7	1,5	–	2,9
муж.	37,2	35,9	20,4	3,1	1,7	0,1	1,6
Возраст							
18–30	42,0	37,9	14,6	2,8	1,1	–	1,6
31–45	35,9	40,0	16,8	5,8	3,3	–	6,2
46–55 (60)	40,2	32,5	20,1	3,6	1,0	0,5	2,1
56 (61) и старше	29,7	38,7	21,8	3,7	2,1	–	4,0
Образование							
начальное, неоконченное среднее	40,7	22,2	24,1	5,6	–	–	7,4
среднее	35,4	33,3	21,3	5,2	2,8		2,0
среднее специальное, техническое	34,2	37,0	22,0	2,9	1,5	0,2	2,2
высшее, незаконченное высшее	39,4	40,7	14,1	3,0	0,8	–	2,0

Анализ показал, что наибольшее количество указанных респондентами характеристик своей этнической группы касалось личностных качеств ее представителей – 83,6% от общего количества данных ответов, в то время как деятельностных качеств – 8,9%, социальных качеств – 7,4%, а касающихся физического облика – всего 0,2%. По всем категориям преобладали положительные интенции – 73,5% от общего количества зафиксированных характеристик, 14,8% составили нейтральные и 11,7% отрицательные. Исходя из указанных особенностей, можно сделать вывод о высокой степени согласованности автостереотипа русских и отсутствии в группе внутреннего социально-психологического конфликта, что вполне согласуется с декларируемым членами группы уровнем позитивного самовосприятия действительности. В то же время стереотип титульной этнической группы, сформированный на основе зафиксированных респондентами характеристик, не столь однозначен и включает значительную часть характеристик, имеющих отрицательную тональность, составивших 31% от их общего количества. При этом в категории личностных качеств неоднозначные характеристики достигали 39,2%. На наш взгляд-это может являться не только отражением существенной социально-психологической дистанции между группами, но и следствием актуализации в среде русских негативной этнической консолидации в отношении титульной этнической группы. Описанные выше позиции респондентов, демонстрировавшие в целом позитивное восприятие межэтнической ситуации в республике и неоднозначный этнический стереотип титульной этнической группы, не являются чем-то взаимоисключающим. Подобные расхождения достаточно подробно описаны в зарубежных и отечественных работах, в частности отмечается, что «Механизмы идентификации сложны – это динамический процесс, полный противоречий, чутко реагирующий на разнообразные мотивы, интересы, ситуации в обществе. Часто приходится наблюдать расхождения между установками на объект и ситуацию»⁷. В рамках настоящего исследования это можно интерпретировать следующим образом: положительная оценка межэтнической ситуации в республиканском сообществе отражает рациональную установку на поддержание стабильных межэтнических отношений, являющихся залогом общего благополучия жителей Татарстана, включая са-

⁷ Цит. по: Дробужева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социс. – 2011. – №.3. – С.53.

мих респондентов. В то же время не артикулируемое открыто латентное неудовлетворение некоторыми аспектами культурной и социальной политики в отношении нетитульных этнических групп (и русских в частности) принимает в их среде форму негативной проекции на всю титульную этническую группу как обобщенного выразителя такой политики. Аналогичные установки в общероссийском масштабе испытывают уже сами русские. Таким образом, можно констатировать в общем социально-психологическом состоянии представителей русского населения Татарстана усиление этноцентричного эмоционального компонента, выявляемого через опосредованные стимулы и не артикулируемого в открытой форме.

Подводя общие итоги результатов исследования, следует отметить, что этнокультурные потребности русского сельского населения Республики Татарстан достаточно стабильны и не имеют явной тенденции к дальнейшему расширению в различных социальных группах. Основные актуализированные этнокультурные потребности свободно реализуются, а отмеченная неудовлетворенность сконцентрирована вокруг проблемы обучения русскому языку в образовательной системе республики и отражает скорее восприятие населением потенциально-негативной перспективы от имеющей место, по их мнению, несбалансированной языковой политики. Во-вторых, уровень фрустрированности в этнической группе русских также достаточно низок. Исследованные представители русского населения республики продемонстрировали стабильный внутриспсихологический фон как на индивидуальном, так и на групповом уровне, что ставит под сомнение возможные групповые социально-деструктивные действия ее представителей.

Э.А. Иванова

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изменение роли этнического фактора в структуре ценностных ориентаций различных социальных групп трансформирующегося российского общества тесно связано с современными урбанизационными процессами. Урбанизация – противоречивый, многоуровневый процесс, заключающийся в радикальном преобразовании территориальной организации общества, основой которой становятся города как создатели новых форм расселения, распространители новых общественных отношений, культурных ценностей и специфического образа жизни¹.

В настоящее время в Татарстане, как и в России в целом, преобладает городское население, что свидетельствует о доминирующем влиянии городской среды на процессы, происходящие в обществе, в том числе и на этнические. Актуализация этнических ценностей особенно в период суверенизации и сепаратизации бывших советских республик в 1990-е гг., усилила с одной стороны, этноконсолидирующую, с другой – этнодифференцирующую, этноконфликтогенную роль городов, ставших в указанный период к тому же эпицентром межэтнической напряженности. В большей степени это относится к городам – административным центрам бывших союзных и автономных советских республик. Каковы характер, интенсивность, динамика влияния этнического фактора на ценностные ориентации, установки на внутри- и межэтническое взаимодействие жителей провинциальных полиэтничных городов, составляющих большую часть городского населения России – эти вопросы пока не нашли достаточного отражения в научных исследованиях.

Как отмечает Р.Р. Галлямов, этничность городского населения формирует алгоритм межэтнического взаимодействия не только на основе количественного соотношения этносов, но и пространственных форм этнического смешения, а также процессуальных характеристик

¹ Файзуллин Ф.С., Галлямов Р.Р. Урбанизация общества: закономерности развития и проблемы управления. Философско-социологический очерк. – М.-Уфа, 1992. – С. 24–30.

взаимовлияния этносов, в том числе динамики и способов формирования двуязычия и многоязычия, специфики протекания аккультурации и т.д.²

Полиэтнический город, как и полиэтничное общество, автор данной работы рассматривает как сообщество, в котором сосуществуют и взаимодействуют представители разных национальностей вне зависимости от их количественного соотношения.

Исследование ценностных ориентаций населения полиэтничного провинциального города требует интерпретации понятия «провинция». Сложность оперирования данным понятием заключается в его многозначности. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова провинция рассматривается как «местность вдалеке от крупных центров, вообще – территория страны в отличие от столицы, центра («глухая провинция»)»³. В другом словаре провинция определяется как устарелое понятие местности, удаленной от столицы – периферия⁴.

В обыденной речи, в художественной литературе и публицистике закрепилось оценочное понимание термина «провинция» и производных от него понятий «провинциальность», «провинциал», «провинциализм». Вариации оценок не исключают полярности. Так, провинциальность может рассматриваться как характеристика отсталости, ограниченности интересов, узости кругозора, наивности, одновременно – как и олицетворение чуткости, духовности, нетронутой чистоты, невинности.

«Реабилитируя» понятие «провинция», некоторые авторы предлагают рассматривать провинцию в системе следующих проекций: 1) географическое пространство, 2) социокультурное пространство, 3) духовное пространство, 4) культурный потенциал страны⁵. «Провинциальное» означает не столько территориальную удаленность, географическую закреплённость, сколько психологическое состояние,

² См.: Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996. – С. 26.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1981. – С. 538.

⁴ См.: Словарь русского языка. В 4-х томах. – М., 1959. – Т.3. – С. 637.

⁵ См.: Чванов И.В. Российская провинция как социокультурный феномен: Дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 1995. – С. 15–22.

умонастроение, способ мышления⁶. Подобные обобщения полезны для понимания специфики населения провинциального полиэтничного города. К амбивалентным качествам провинции относятся: чувство собственной исключительности, одновременно – комплекс собственной неполноценности по отношению к столице; подражательность и в то же время – неприятие столичных или иных «неместных» идеалов, ценностей и образа жизни; эгоцентризм и центростремительные тенденции⁷.

Обобщая характеристики провинции, отведенные ей различными отечественными исследователями, следует акцентировать внимание на функции провинции как носителя традиционности. Провинциальный город – это хранитель традиций, в том числе этнических. Выявленная в процессе исследования одна из особенностей провинциальной общности состоит в том, что возрастная группа 30–39 лет более близка к старшему, чем к молодому поколению, по своим социальным ориентациям.

Степень воспроизводимости этнического феномена, его восприимчивости к социальным изменениям, находящим отражение в ценностных ориентациях индивидов, а также в способности этничности адаптироваться к условиям межкультурных взаимодействий, анализируется автором данной работы на основе рассмотрения провинциального полиэтничного города как социокультурного пространства, базируясь на концепции социального пространства П. Бурдьё.

Социальное пространство, отмечал Бурдьё, «сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики»⁸. Концепция социального пространства Бурдьё использована автором работы для обоснования социальной детерминированности самого этнического фактора, а также исторической обусловленности содержания этнических ценностей и, наконец, обусловленности роли этничности в структуре ценностных ориентаций уровнем развитости этнического самосознания индиви-

⁶ См.: Литовская М.А. Понятия «региональный» и «провинциальный» в бытовании идей «единой провинции» // Век XX и мир. – 1994. – № 3–4. – С. 126.

⁷ См.: Чванов И.В. Российская провинция как социокультурный феномен: Дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 1995. – С. 51–52.

⁸ Бурдьё П. Начала. – М., 1994. – С. 188–189.

дов. Как отмечал Бурдые, нет полного совпадения диспозиций, т.е. абсолютной одинаковости габитусов в пространстве и времени, поскольку каждый индивид обладает собственным статусом в классе, группе, общности⁹ и, как мы предполагаем, в том числе в этническом сообществе. В полиэтничном социокультурном пространстве, каким является провинциальный город, такие различия особенно выразительны, поскольку данное пространство занимают различные этнические габитусы, несходные этнические идентичности, отличающиеся, по характеристике С.В. Лурье, «этнической картиной мира».

Провинциальный полиэтничный город как социокультурное пространство представляет собой неоднородное образование, в котором взаимодействуют несколько этнических полей, оказывающих определенное силовое влияние на индивидов, входящих в них, в форме ожидания соответствия нормам, ценностям, поведению, принятому в данном этнополе¹⁰. При этом существует дифференциация влиятельного потенциала этнополей, обуславливающаяся макросоциальными факторами, в их числе – этнополитикой государства, в которой неравно представлены интересы титульных и нетитульных этносов.

Согласно «этническому габитусу», различие в содержании, степени выраженности компонентов этнического самосознания индивидов (этнических стереотипов, взглядов, установок, чувств, интересов) проявляется в пределах одной этнической общности – как результат социализации в несходных культурных средах.

Усвоение индивидами этнических ценностей, «отнесение / неотнесение последних к ценностям» также происходят в процессе социализации, частью которой является и этносоциализация. В научной литературе этническая социализация определяется как передача от поколения к поколению, усвоение каждым новым поколением этноса этнородового социального опыта. При этом различаются коллективный (групповой) и индивидуальный уровни этносоциализации, которую можно рассматривать как процесс индивидуального приобщения представителей конкретного этноса к этническому опыту, этнической культуре, этническому социуму¹¹. Т.Г. Исламшиной вводится понятие

⁹ См.: Бурдые П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 26.

¹⁰ См.: Ильин В.И. Социальное неравенство. – М., 2000. – С. 158–187.

¹¹ См.: Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань, 2000. – С. 80.

«этнизация личности», определяемое ею как часть социализации личности, в процессе которой предполагается формирование здорового этнического самосознания, чувства привязанности к своему народу, уважения его истории, культуры, сочетающиеся с признанием и уважением достояний других народов, а также владение и использование родного языка, культивирование положительных навыков и традиций межэтнического общения¹². Таким образом, этнизацию личности можно рассматривать как специфический компонент общей социализации личности.

В исследовании влияния этнического фактора на ценностные ориентации провинциального полиэтничного города следует учитывать особенности социализации в провинциальной среде. К ним исследовательница Р.М. Рахимова, изучавшая проблемы социализации молодежи в провинции, относит:

- более тесную социальную связь между объектами и субъектами социализации в провинции, усиливающую роль агентов социализации (данное влияние более выражено в сельской местности, менее – в малых городах, слабее – в крупных провинциальных городах);
- относительную конформность большей части провинциальной молодежи господствующим культурным ценностям, нормам;
- меньшие возможности реализации восходящей социальной мобильности (недостаточное разнообразие местного рынка труда, отсутствие выбора учебных заведений, особенно высших, предлагающих качественное образование);
- меньший, по сравнению со столицей, доступ к качественным культурным услугам¹³.

Агенты социализации провинциального населения играют важную роль, но нельзя не учитывать и влияние потенциала агентов этнической социализации.

Исследователями выделяются традиционный, институциональный, стилизованный, межличностный, рефлексивный механизмы социализации. Из них в контексте нашего исследования особенно важны

¹² См.: Исламшина Т.Г. Кризис полиэтничного общества и возрождение этнических ценностей: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Уфа, 1993. – С. 35.

¹³ См.: Рахимова Р.М. Особенности социализации и ресоциализации провинциальной городской молодежи в постсоветском российском обществе: На материале Республики Татарстан. – Казань, 2001. – С. 68–69.

как традиционный механизм, который представляет собой усвоение человеком норм, образцов поведения, взглядов, присущих для его семьи и ближайшего окружения, характеризуемый некритическим, практически неререфлексируемым запечатлением этнических ценностей и стереотипов, так и институциональный, функционирующий на основе взаимодействия человека с различными социальными институтами (институт образования, средства массовой информации и др.).

Исследования, проведенные в конце 1990-х годов среди сельского и городского населения, в том числе и в Республике Татарстан, выявили доминирующее влияние традиционного механизма социализации. В частности, по данным татарстанских социологов, около 60% молодых респондентов считают семью наиболее значимой средой формирования этнического самосознания. Роль семьи в этом процессе особенно высока на ранних этапах социализации¹⁴.

Этнизация городского населения существенно отличается от подобного процесса, протекающего в сельских условиях. В последнем случае этнизация осуществляется самим социальным (соседи, родственники), социоприродным (природные условия, тип расселения, формы жилища) и социокультурным (традиционные формы хозяйствования, стиль одежды, бытовой интерьер) окружением, на что указывает Р.Р. Галлямов¹⁵.

В данной статье представлен анализ социокультурного пространства провинциального полиэтничного города на материале татарстанского города Альметьевска. Этот город сравнительно молод, его возраст насчитывает 60 лет. Альметьевск относится к биэтническому типу: русские и татары составляют основную часть населения. По данным исследования начала 1980-х гг. большинство населения этого города – горожане первого поколения¹⁶. Результаты исследования социальной структуры отечественных городов того времени показывали,

¹⁴ См.: Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань, 2000. – С. 81.

¹⁵ См.: Галлямов Р.Р. Многонациональный город как объект социологического исследования и социального регулирования: Дис. ... д-ра социол. наук. – М., 1997. – С. 141.

¹⁶ См.: Этносоциальные проблемы города / Под ред. О.И. Шкаратана. – М., 1986. – С. 69–70.

что в городах с момента рождения проживает примерно одна треть горожан¹⁷.

Исходя из гипотезы «социализационного лага» Р. Ингlexарта («базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию»)¹⁸, можно предположить достаточно высокую степень значимости для жителей провинциального города этнических ценностей. Основанием для подобного утверждения является то, что большинство горожан старших возрастов прошли первичную социализацию, живя в селе, а село, как известно, является более благоприятной для этнизации социокультурной средой. Значимость этнических ценностей снижается уже у горожан второго поколения. В городской среде неизбежно отчуждение людей от традиционной этнокультуры, нарушается этноэкологическое равновесие¹⁹. Для горожан второго (и далее) поколения, более значимыми становятся институциональные механизмы социализации. Прежде всего – это система образования. Процесс приобщения к этническим ценностям, культуре, формирование этнического самосознания в институтах образования предполагает опору на этноязык – одно из главных средств этнизации личности. Уровень владения языком своего этноса, реальная этноязыковая практика и в целом – этнолингвистическое поведение – важнейшие индикаторы измерений структуры ценностных ориентаций исследуемого массива.

В 1970–1990-е гг. в городском населении республики снизился удельный вес лиц, считавших родным язык своей национальности (в 1979 году 97,8% татар, а в 1989 – уже лишь 93,1% татар признавали во время переписей указанных периодов родным татарский язык). При этом произошло увеличение доли городских татар, владеющих русским языком – в 1979 году они составляли 82,8%, в 1989 году – 85,3%. Доля русских горожан, владеющих татарским языком, за этот период практически не изменилась и составляла соответственно 0,8% и 1%)²⁰.

¹⁷ См.: Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996. – С. 55.

¹⁸ Ингlexарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полит. исслед. – 1997. – № 4. – С. 14.

¹⁹ См.: Исламшина Т.Г. Этнические ценности полиэтничного общества: Социологический очерк. – Казань, 1996. – С. 134.

²⁰ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т.2. Национальный состав населения Татарской АССР. – С. 16–17.

По данным всесоюзной переписи 1989 года, в городе Альметьевске численность и русских, и татар, считавших родным язык своей национальности, была одинакова (по 99,8%), при этом свободно владели русским языком 83,5% татар, а татарским – 3,2% русских²¹. Это мы объясняем «близостью» Альметьевска того периода скорее к селу, чем к городу – в селе, как известно, и в указанные периоды, и сейчас выше процент нерусских, владеющих родным языком, а также русских, знающих язык местного нерусского населения.

По мере становления Альметьевска «действительно городом», а его населения – горожанами второго поколения, этноязыковая ситуация стала резко меняться. По данным проведенного в 2000 году по заказу Управления по делам детей и молодёжи (сейчас – Управление по делам молодёжи и спорта) в городе Альметьевске и Альметьевском районе социологического исследования методом анкетного опроса, в котором принимала участие и автор данной работы, лишь 16% опрошенных татар из числа молодёжи наиболее свободно владеют татарским языком, 34% – знают в равной мере и русский, и татарский языки, а 48% – более свободно владеют русским языком. Доля русской городской молодёжи, свободно владеющей обоими языками, – около 3%. Результаты исследования показали, что, несмотря на статус татарского языка, как второго государственного, он занимал второстепенные позиции. Так, около 35% опрошенных татар-горожан говорили дома на русском или в основном на русском языке, около трети – на татарском или в основном на татарском, 37% – в равной мере на татарском и на русском языках²².

За последнее десятилетие в Татарстане сформировалась достаточно развитая система образовательных услуг на родном языке для татар, что подтверждается и данными по городу Альметьевску (таблица 1).

²¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т.2. Национальный состав населения Татарской АССР. – С. 53.

²² В основе опросного листа для анкетирования был использован адаптированный вопросник исследования «Этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» (рук. Р.Н.Мусина, 1999–2000 гг.)

Таблица 1

**Динамика показателей развития образования по
городу Альметьевску и Альметьевскому району²³**

На 1 сентября соответствующего учебного года

	Общее количество средних школ	Общее число учащихся	Число школ с татарским языком обучения	Число учащихся национальных школ	Отношение числа учащихся национальных школ к общему числу учащихся в %	Число смешанных школ
1997/1998	58	29548	27	5070	17,16	4
1998/1999	58	29598	27	5165	17,45	4
1999/2000	58	23203	27	6372	27,46	4
2000/2001	57	27256	26	6498	23,84	5
2001/2002	58	26515	23	4913	18,53	6
2002/2003	58	25794	23	4821	18,69	6

Уменьшение количества учащихся в татарских школах, сокращение общей численности таких школ практически не компенсируются ростом числа смешанных школ, причиной чего является дефицит квалифицированных кадров учителей татарского языка. В 1999–2000 гг. в Республике Татарстан не хватало 251 учителя татарского языка, из них 95 – в городах. Школы были вынуждены брать на педагогическую работу по такому критерию, как знание татарского языка, безотносительно к профилю имеющегося образования (каждый третий учитель татарского языка не имел специального педагогического образова-

²³ Данные текущей статистики управления образования при администрации города Альметьевска и Альметьевского района

ния)²⁴. Снижение численности родителей, желающих отдавать своих детей в городские татарские школы и гимназии, вызвано отсутствием *полного цикла* этнизированного образования и, в конечном счете, – отсутствием перспектив получения высшего образования на родном языке, что не может не снижать самооценности языка, его востребованности новым поколением. Данная ситуация, как отмечает Л.В. Сагитова, наиболее характерна для выходцев из села, мигрирующих в города, первичная социализация которых проходила на родном языке и не совпадает в дальнейшем с языком обучения и социализации на высших ступенях образования²⁵. Роль этноязыка при этом сводится только к хранению и трансляции этнокультуры, лишь к коммуникационной функции.

Образование Бурдые относил к символическому или культурному капиталу, ресурсу, определяющему шансы социальной мобильности индивида. Престижность / непрестижность этнизированного образования определяется его конкурентоспособностью. Пока даже в достаточно благоприятных условиях для развития татарского языка в Татарстане татарский язык не является средством восходящей социальной мобильности, если исходить из ограниченности общественных сфер его функционирования. Этим объясняется невостребованность школ и гимназий с обучением на татарском языке с первого до выпускного классов школ и гимназий не только в Альметьевске, но и в других городах республики. В единственном государственном вузе города Альметьевска – нефтяном институте – около 60% студентов являются татарами. С 2001 года татарский язык как учебная дисциплина был введен для всех специальностей, но никакие другие учебные дисциплины в данном вузе на татарском языке не преподаются – нет надлежащего спроса студентов. По данным социологического исследования Р.М. Рахимовой, более половины молодых респондентов, жителей провинциальных городов Республики Татарстан, считают, что знание татарского языка необходимо представителям ряда профессий (врачи, юристы, продавцы магазинов, госслужащие), но лишь каждый третий опрошенный считает необходимым знание двух государственных

²⁴ См.: Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань, 2000. – С. 14.

²⁵ См.: Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. – Казань, 1998. – С. 152.

ных языков, а реальную готовность изучать татарский язык выразили лишь 14% опрошенных²⁶.

Образование, работа, карьера в иерархии ценностей провинциального населения занимают высокие позиции, уступая лишь таким традиционным ценностям, как семья, дети. Но имеет ли значение этнический признак как фактор возможности самореализации в профессиональной, властной или бизнес сферах? Обратимся к данным социологического исследования, проведенного нами в городе Альметьевске в 2003 году. Респондентам предлагалось определить, имеют ли представители разных национальностей одинаковые шансы при поступлении в вуз, в организации своего дела, при продвижении по службе, занятии руководящей должности (в том числе во властных структурах республики). Сравнительный анализ мнения представителей разных этнических групп позволяет утверждать, что на психологическом уровне имеют хождение стереотипные представления о существовании «неравенства шансов» в карьере у представителей титульной и нетитульной национальностей. Что это не имеет реальной почвы, свидетельствует то, что некоторая часть опрошенных русских убеждена, что татары в республике находятся в более привилегированном положении, чем русские, а часть опрошенных татар, напротив, объясняет свой «неуспех» в карьере недостаточно совершенным владением русского языка. При этом, чем более высокие места в иерархии восходящей мобильности занимает та или иная деятельность и соответственно – статус, тем выше показатели неудовлетворенности своими возможностями заниматься этим видом деятельности у опрошенных представителей нетитульной национальности. Наблюдается существенное различие в оценках и самооценках шансов представителей различных национальностей: татары больше придерживаются эгалитаристских представлений, тогда как русские и представители других национальностей более склонны выделять привилегированный статус татар в большинстве сфер.

Компаративный анализ представлений опрошенных в молодых и старших возрастных группах позволил выявить уровень согласованности взглядов «отцов» и «детей» в рамках конкретных этнических

²⁶ См.: Рахимова Р.М. Особенности социализации и ресоциализации провинциальной городской молодёжи в постсоветском российском обществе: На материале Республики Татарстан. – Казань, 2001. – С. 123–124.

общностей. Обращает на себя внимание определенная зависимость ответов респондентов разных поколений от степени актуальности предлагающихся сфер деятельности. Так, молодёжь нетитульной национальности несколько чаще, чем опрошенные в старших возрастных группах, отмечает «неравенство шансов» в пользу татар при поступлении в вуз и организации бизнеса. Респонденты старших возрастов русской национальности более склонны, по сравнению с молодёжью, видеть привилегии татар в карьерном продвижении и назначении на руководящие должности. Единство мнений молодых и более старших горожан во всех этнических группах прослеживается в оценках шансов людей разных национальностей занять руководящую должность в республиканских структурах власти. При этом молодые респонденты более критичны, считают, что у татар шансов больше, чем у представителей других национальностей (таблица 2).

Таблица 2

Этническая и возрастная специфика представлений городского населения о жизненных шансах людей разных национальностей при поступлении в ВУЗ

Как Вы считаете, имеют ли люди разных национальностей одинаковые шансы при поступлении в ВУЗ?		Татары		Русские		Другие	
		Старшие возрастные группы	Молодёжь	Старшие возрастные группы	Молодёжь	Старшие возрастные группы	Молодёжь
Шансы одинаковы	%	80,4	85,7	89,8	83,2	87,5	78,9
	частота	287	126	273	104	42	15
У русских шансов больше	%	4,2	4,8	1,6	4,8	4,2	5,3
	частота	15	7	5	6	2	1
У татар шансов больше	%	2,8	7,5	6,3	9,6	6,3	15,8
	частота	10	11	19	12	3	3

Другое мнение	%	12,6	2,0	2,3	2,4	2,0	0,0
	частота	45	3	7	3	1	0
Итого: 1000		357	147	304	125	48	19
Итого в %:		100	100	100	100	100	100

Однако, в целом, как видим, превалирующая часть и русских, и татар (более 80%) по всем возрастным группам оценивают возможности поступления в вуз как равные, не связывая их с этническим фактором.

Равенство жизненных шансов людей разных национальностей в ведении своего бизнеса респонденты оценивают следующим образом (таблица 3).

Таблица 3

Этническая и возрастная специфика представлений городского населения о жизненных шансах людей разных национальностей при организации своего дела

Как Вы считаете, имеют ли люди разных национальностей одинаковые шансы при организации своего дела?		Татары		Русские		Другие	
		Старшие возрастные группы	Молодёжь	Старшие возрастные группы	Молодёжь	Старшие возрастные группы	Молодёжь
Шансы одинаковы	%	77,9	88,4	85,9	78,4	72,9	68,4
	частота	278	130	261	98	35	13
У русских шансов больше	%	2,8	4,8	1,3	3,2	6,3	5,3
	частота	10	7	4	4	3	1
У татар шансов больше	%	3,1	2,7	8,2	14,4	10,4	15,8
	частота	11	4	25	18	5	3

Другое мнение	%	16,2	4,1	4,6	4,0	10,4	10,5
	частота	58	6	14	5	5	2
Итого: 1000		357	147	304	125	48	19
Итого в %:		100	100	100	100	100	100

Приведенные данные социологического опроса можно интерпретировать следующим образом: 1) вполне позитивными можно считать стереотипы людей разных национальностей друг о друге по видам на бизнес; 2) позитивность оценок не имеет существенной возрастной корреляции; 3) незначительна численность опрошенных русских безотносительно возраста, считающих, что у татар шансов на открытие своего дела больше, чем у русских. Эти данные позволяют предположить, что перспектива открытия своего дела скорее связана с другими факторами, не имеющими отношения к этническому.

Рассмотрим мнение опрошенных, людей разных национальностей, о реализации стратегии трудовой карьеры (см. рис. 1):

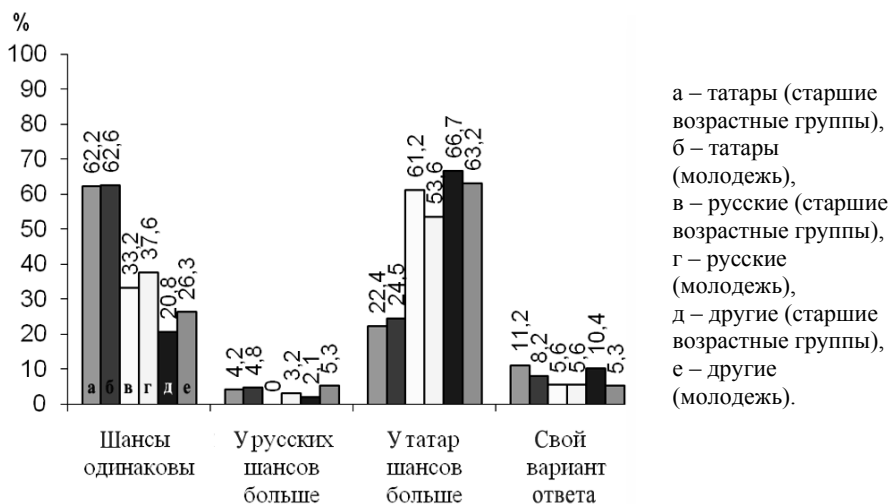

Рис. 1. Этническая и возрастная специфика представлений городского населения о жизненных шансах людей разных национальностей при назначении в качестве руководителя

Как видно из приведенных данных, одинаковыми находят шансы и русских, и татар при выдвижении на руководящие должности в коллективе преимущественно представители татарской национальности. При этом наблюдается высокая степень преемственности взглядов поколений. Позицию неравенства шансов в указанном отношении отмечают русские и представители других, кроме татар, национальностей. Здесь также обнаруживается определенная согласованность мнений респондентов в молодых и старших возрастных группах.

Привилегированным считают положение татар при выдвижении на высшие руководящие должности в представительных органах власти значительная часть опрошенных русских и представителей других национальностей (см. рис. 2).

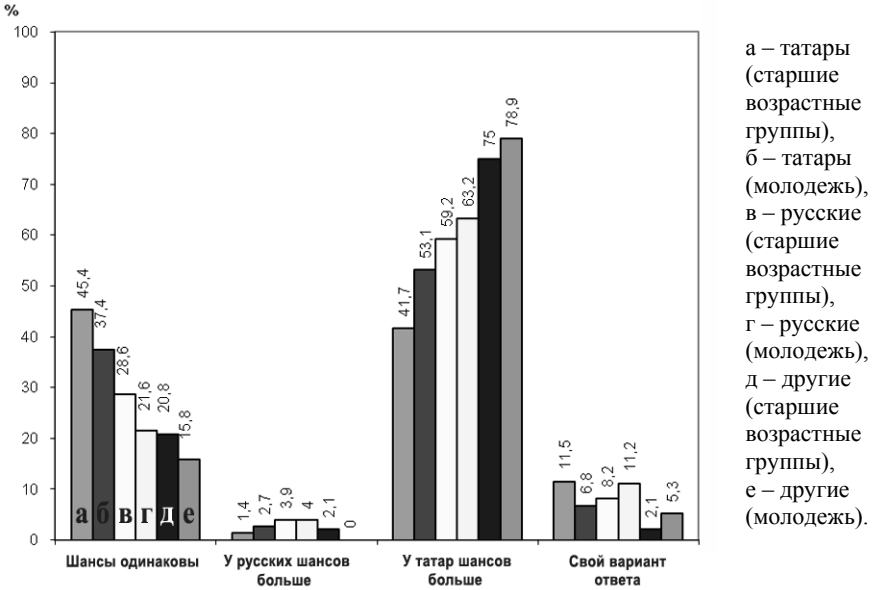

Рис. 2. Этническая и возрастная специфика представлений городского населения о жизненных шансах людей разных национальностей на занятие высоких постов в органах власти республики

Как видим, просматривается не только этнический, но и возрастной фактор: молодёжь по всем исследуемым этническим группам больше, чем опрошенные в старших возрастах, склонна оценивать шансы людей разных национальностей занять высокий пост в пред-

ставительных органах власти как неодинаковые, в пользу татар. Такое мнение горожан требует пристального внимания и принятия соответствующих властных решений по поддержке определенного этнического баланса во властных структурах, поскольку на обыденном уровне факты выдвижения на руководящие должности по этническому признаку воспринимаются эмоционально-негативно нетитульными национальностями.

В целом, при наличии некоторых различий в количественных показателях, можно констатировать высокую степень согласованности во взглядах горожан разных возрастов на равенство / неравенство «возможностей» по этническому признаку, что свидетельствует о преемственности поколений, влиятельном потенциале старших возрастных групп в формировании представлений и ценностных установок молодёжи.

Данные по городу Альметьевску согласуются с результатами республиканских исследований 1990-х гг. Главным разграничителем титульных и нетитульных национальностей в политической сфере является участие в разделении власти. Так, по результатам этих исследований, 64% русских в Татарстане считают этническую принадлежность важной предпосылкой занятия высокого поста в органах власти республики, тогда как лишь каждый четвертый из опрошенных татар придерживается такого мнения²⁷. Закрепление в массовом сознании нетитульных национальностей представлений о неравенстве жизненных шансов ведет к ухудшению характера межэтнического взаимодействия.

Городской образ жизни предполагает более тесное межэтническое взаимодействие по сравнению с сельским образом жизни. Большое значение в накоплении межэтнической напряженности или, напротив, усилении межэтнической толерантности приобретает именно этническая специфика общественной жизни: реальное политическое участие, тенденции социальной и экономической стратификации²⁸.

²⁷ См.: Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. 2-е изд. – М., 2000. – С. 58–59.

²⁸ См.: Козлов В.Е. Межэтническая толерантность и этническое самосознание в условиях крупного полиэтничного города (на примере г. Казань): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – С. 17.

Важнейшую бюджетообразующую сферу города Альметьевска составляют нефтегазодобывающие отрасли, представленные четырьмя основными нефтегазодобывающими управлениями. В руководстве нефтепромышленных предприятий и организаций преобладают татары (в 10 из 15)²⁹. Подобная кадровая практика потенциально может способствовать латентной конфликтогенности между русскими и татарами, проживающими в городе. Поскольку нефтедобывающая отрасль является престижной с точки зрения трудоустройства, профессионального и служебного роста в силу стабильности производства и высоких заработков в этой сфере, то сложившуюся этническую специфику социальной стратификации города нельзя считать оптимальной.

Отсутствие в городе Альметьевске явных конфликтов на этнической почве можно объяснить, основываясь на «теории контактов», согласно которой длительные межэтнические связи оказывают скорее положительное влияние на установки и стереотипы межэтнического общения. Данный подход можно распространить на макро- и микроуровни. Индивиды, имеющие опыт таких контактов в большей степени ориентированы на них и в будущем, причем в разных сферах: повседневной жизни, деловом общении и интимной сфере жизни – в семейно-брачных отношениях³⁰.

Сфера семейно-брачных отношений при изучении роли этнического фактора в полиэтничном обществе представляет особый интерес, поскольку семья является полифункциональным институтом социализации, в значительной мере формирующим этническое самосознание индивидов, оказывающим влияние на этноценностные ориентации.

Особую атмосферу межэтнического взаимодействия, социализации личности представляют собой межэтнические браки. Существует несколько подходов к оценке роли межэтнических браков в становлении этнической идентичности. Согласно одному из них, межэтнический брак необходимо рассматривать как институт, способствующий утверждению терпимости к иноэтнической культуре, поддержанию компромиссов в выборе ценностных ориентиров на основе усвоения

²⁹ Подсчитано автором по источнику: Кто есть кто в Республике Татарстан. Справочник. Вып. 3. – Казань, 2000. – С. 139–169.

³⁰ См.: Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. 2-е изд. – М., 2000. – С. 232–233.

достояний иной культуры и традиций³¹. Другой подход рассматривает межэтнический брак как важнейший фактор этнической ассимиляции³². Указанные подходы не являются противоречащими друг другу.

Произведенный автором анализ этнического состава официально зарегистрированных браков и разводов в городе Альметьевске за 1991–2001 гг. показал достаточно высокий уровень межэтнической брачности (таблица 4).

По приведенным данным, выделяются два периода спада межэтнической брачности. Один из них приходится на середину 1990-х гг. – период социальной неопределенности и временной напряженности в межэтнических отношениях. Второй спад межэтнических браков совпал с ухудшением экономической и политической стабильности не только в Татарстане, но и в целом в России после дефолта 17 августа 1998 года. Это дает основание утверждать, что в периоды дестабилизации общества неожиданно актуализируется «консолидирующая» роль этнического фактора в обществе, повышается значимость традиционных ценностей.

Таблица 4

**Динамика брачного состояния населения
города Альметьевска с 1991 по 2001 гг.**

Годы	Всего браков	Из них межнацио- нальные	% межнацио- нальных	Разводы*	
				Всего	из них межна- циональных
1991	1208	344	28,5		
1992	1085	273	25,2		
1993	1110	250	22,5		
1994	1064	200	18,8		
1995	1397	275	19,7		
1996	1169	317	27,1		
1997	1343	337	25,1		
1998	1092	194	17,8		

³¹ Делаева Л.А. Социокультурные факторы межэтнической брачности (на примере республики Адыгея). Социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2001. – С. 4.

³² Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань, 2000. – С. 36.

1999	1230	274	22,3		
2000	1266	330	26,1	695	134
2001	1400	362	25,9	847	180

* До 2000 г. в ЗАГСе города Альметьевска учет межэтнических разводов не велся.

Таким образом, провинциальный полиэтничный город представляет собой своеобразное социокультурное пространство взаимодействия нескольких этнических полей, дифференциация влиятельного потенциала которых обусловлена макросоциальным фактором – этносоциальной политикой государства. При этом сама этническая структура провинциального города оказывает воздействие на иерархизацию ценностных ориентаций населения.

Я.З. Гарипов

ЯЗЫК КАК ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

*«А песни наши снова
Споет ли кто потом?».*
Роберт Миннуллин,
народный поэт Татарстана,
наш современник

Современные теории и практики этнической и гражданской идентичностей свидетельствуют о первостепенной роли высокой культуры среди факторов их становления и развития. Фундаментальным социальным институтом, ее определяющим, выступает система образования. Функционирующий в системе образования язык – важнейший фактор социализации, формирования и развития как этнической, так и гражданской нации. Язык – не только средство коммуникации и передачи мысли, в нем отражается вся самобытность и уникальность культуры. Любая культура национальна, при этом язык выступает мощным фактором культурной отличительности. Язык – неотъемлемое свойство населения, важнейшая качественная его характеристика, условие существования и всестороннего развития.

Российская федерация относится к крупнейшим полиэтническим государствам мира. На ее территории проживают более 190 этнических общностей. Их языковое и культурное многообразие защищаются государством. В системе государственного образования используется 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, а остальные – в качестве предмета изучения¹.

Доминирующую позицию в Российской Федерации занимает русский язык, имеющий статус государственного. Он занимает исключительное положение в государственном управлении в системе образования, в СМИ и является средством межнационального общения. По

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf>.

данным переписи 2010 года 99,4% россиян, включая русских, владеют русским языком².

Прошло более 20 лет с начала правовых трансформаций статуса региональных (республиканских) языков Российской Федерации. Республики получили возможность проведения в значительной мере автономной языковой политики. Большинство республик, входящих в РФ, ввели в действие Законы о языках, придав государственный статус русскому языку и языку своих титульных народов. Наиболее продвинутой республикой в преобразовании своей государственности и реформировании функционального статуса языков является Татарстан. Население республики объединяет представителей более 100 национальностей; основную часть составляют татары и русские (соответственно 53,2% и 39,7% по данным переписи 2010 г.).

По данным Министерства образования и науки Татарстана в 2009 г. в республике функционировали 1061 татароязычная и 888 русскоязычных школы. Обучались на своем родном языке 100% детей русских и 48,4% татарских детей. Работали 32 гимназии с русским этнокультурным компонентом, реализуется целевая программа «Русский язык в Татарстане». Гармоничное языковое развитие полиэтнического населения обеспечивают 120 чувашских школ (7392 ученика), 21 марийская (850), 5 мордовских (103), 41 удмуртская (1086), 1 башкирская (12), 1 еврейская школы (221). В 44 воскресных школах при национально-культурных автономиях изучаются 28 языков народов, населяющих республику.

Принципиальное значение имеет введение татарского языка в число обязательных школьных предметов. Татарский и русский языки республики Татарстан, изучаются в средней школе в равных объемах. Почти 100% всех учащихся республики изучают в школах татарский язык. Такое достижение является важнейшим шагом на пути реализации юридического равноправия языков и становления татарского языка как государственного в республике.

С июня 1993 года в РТ функционирует «Общество русской культуры» (ОРК), занимающееся проблемами русского народа, задачей сохранения и развития русского языка и культуры. Активисты «ОРК» предъявляют претензии в адрес Министерства образования и науки РТ в связи с введением обязательного изучения в школах РТ татарского

² http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php.

языка. Они требуют равных возможностей для изучения русского языка и литературы в тех же часах и объемах, что и в «чисто русских» областях. Есть заявления и о нулевых итогах преподавания татарского языка в русскоязычных школах за годы языковых реформ, об ущемлении русского языка. Однако факты говорят о совершенно противоположной тенденции. По данным проведенных исследований (2006–2008 гг.) 18% русских школьников-старшеклассников города Казани и 23% в других регионах республики свободно владеют татарским разговорным языком на бытовом уровне. Около 67% русских старшеклассников республики говорят на нем с затруднениями или понимают, но не говорят, то есть имеет место пассивное владение татарским языком. В то же время среди их родителей доля пассивно владеющих татарским языком составляет около 17%. Исследователи делают вывод: «С введением обязательного преподавания татарского языка в русскоязычных школах ... произошли ощутимые подвижки в знании учащимися русскими языка титульного этноса республики»³.

О состоянии преподавания русского языка и литературы можно судить по итогам ЕГЭ (Единого Государственного Экзамена) за среднюю школу. Средний балл ЕГЭ по русскому языку в Татарстане в 2012 году 64,3, тогда как в среднем по России – 61,5. «Двоечники» по этому предмету в республике составляют 0,9% от числа сдававших экзамен, а по стране в целом 3,1%. Республиканские показатели ЕГЭ по русскому языку выше, чем в таких областях как Тверская, Костромская, Архангельская, Ульяновская и другие с преобладающим русским составом населения. Средний балл ЕГЭ по русскому языку в республике в 2010 г. – 58,0; в 2011 г. – 62,4; в 2012 г. – 64,3.

Одним из факторов этнической идентификации личности, признаков этнической общности выступает этническое самосознание, закрепленное в этнониме данной общности. Мы разделяем мнение тех исследователей, кто трактует этническое самосознание в широком плане – включающем в себя не только представления о культуре, языке, тер-

³ Языки в системе образования Республики Татарстан. По материалам этносоциологического исследования / Мусина Р.Н., Габдрахманова Г.Ф., Исакова З.А., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – С. 31, 34, 36, 50.

ритории, истории, государственности, но и, что не менее важно, осознание интересов своего народа⁴.

Очевидно, важнейшим структурным элементом этнического самосознания, его цементирующим началом, фактически определяющим его уровень, степень его развитости выступает языковое самосознание личности. Оно означает осознанное, заинтересованное отношение себя к этноязыковой общности, ориентацию на включенность в языковую среду своего народа, готовность к действиям и реальные конкретные действия во имя сохранения и развития родного языка, этноязыкового воспроизводства своего народа.

Повышение языкового самосознания народа, престижа родного языка – один из основных факторов в развитии родных языков титульного населения республик России. Функциональное восстановление языка в полном объеме, обеспечение его широкого распространения среди всей этнической общности может быть достигнуто, прежде всего, усилиями самого народа – превращением потенциальных носителей языка в активных его пользователей.

Определяющий путь, ведущий к сохранению и функциональному развитию национального (этнического) языка – это изменение отношения к своему этнически родному языку: человек сам должен делать выбор в каждой конкретной жизненной ситуации – свой родной язык или другой. Общепризнано, что язык – это основа духовной культуры народа, решающий фактор этнической и гражданской идентификации личности. Это осознается как научной и творческой интеллигенцией, так и политиками высокого уровня. В своем последнем послании Федеральному собранию В.В. Путин заявил: «А если нация не способна себя оберегать и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе»⁵.

Существуют представления об определенных уровнях языкового самосознания, как отдельной личности, так и в целом этнической общности. Очевидно, с большей вероятностью можно предположить, что языковое самосознание коренных народов стран Балтии заметно

⁴ Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С.166–167.

⁵ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета. – 13 декабря 2012 г. – № 287 (5960). – С. 2.

выше, чем у татар. А языковое самосознание татар, в свою очередь, несколько выше, чем коми, удмуртов, мордвы, чувашей и др. Так, по данным переписи населения 2010 г. в итоге языковых трансформаций назвали родным русский язык 40% коми, 38% удмуртов, 35% мордвы, 29% чувашей, 25% марийцев и 20% татар.

В исследовании социокультурных проблем молодежи нефтяных районов республики, проведенном в 2000 г. (N=1034), нами была предпринята попытка оценить значимость родного языка в молодежной среде по ранговой шкале⁶ (таблица 1 – варианты ответов расположены в порядке значимости роли языка).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Чем для Вас выступает родной язык?», (%)**

	Варианты ответов	Национальность	
		Татары	Русские
1	Родной язык – это средство общения	31,1	59,4
2	Родной язык – это часть культуры моей нации	37,7	16,9
3	Родной язык – это основа развития национальной духовной культуры	13,5	6,9
4	Родной язык – это гарантия существования моей национальной общности	15,7	16,4

Индекс значимости родного языка (средняя взвешенная) для татар оказался 21%, для русских – 17,9%; различие практически несущественное. Довольно низкое значение индекса для русской молодежи Татарстана можно вполне объяснить функциональной развитостью русского языка во всех сферах жизнедеятельности и отсутствием сколь-нибудь заметных проблем с его применением в будущем. В то же время невысокое значение индекса для татарской молодежи свидетельствует об отсутствии у нее адекватного понимания, осознания важности и значимости языка, серьезности ситуации с этнически родным языком и проблемами его функционального развития.

⁶ Гарипов Я.З. Функциональное развитие татарского языка как государственного // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан. – Казань: Татарское книжное издательство, 2007. – С. 28.

По материалам переписи 2002 г. 93,3% татар в республике Татарстан указали, что владеют татарским языком. Однако по данным исследования 2001 г. 55% татар в городе и 22% на селе признают, что разговаривают с людьми своей национальности на русском или в основном на русском языке. Таким образом, приходится констатировать низкое языковое самосознание татар. Без активного языкового поведения самих носителей языка невозможно сколь-нибудь реальное расширение его функций.

Функциональная распространенность этнически родного языка в семейном воспитании, его развитость в домашнем общении в условиях доминирования другого языка выступают важным показателем языкового самосознания этнической общности. Представляется, что именно семья, в первую очередь, формирует активных реальных носителей языка. Для расширения «семейных», домашних функций языка нет надобности в специальных разрешающих указах. На сегодня крайне важно понимание ценности незначительного, на первый взгляд, но личного вклада в реальное функционирование языка. Подход к родному языку с чисто потребительских позиций, его возможностей только как средства общения и социального продвижения говорит о довольно низком языковом самосознании. Пока же мы должны констатировать, что родной язык для значительной части не только титульных народов республик в целом, но и национальной элиты, интеллигенции продолжает оставаться в роли этнического символа.

Можно говорить о весьма заметном влиянии типа домашней языковой среды на этноязыковые ориентации молодежи в профессиональном образовании⁷ (таблица 2). Выходцы из семей с татарским языком общения в большинстве своем предпочитают получать профессиональное образование на двух языках (65%) и каждый шестой намерен учиться в вузе, техникуме на родном языке, тогда как татарская молодежь из русскоязычных семей в абсолютном большинстве ориентирована только на русскоязычное профессиональное образование (86%).

⁷ Гарипов Я.З. Билингвизм в системе образования и этноязыковые ориентации молодежи (на примере Татарстана) // Франц Шереги. «Социология образования: прикладные исследования». – М.: Academia, 2001. – С. 347.

Таблица 2

Языковые ориентации татарской молодежи в сфере профессионального образования в зависимости от языка домашнего общения, (%)

Желательный язык обучения в ВУЗе, техникуме	На каком языке вы говорите дома?				
	Только на татарском	В основном на татарском	В равной степени на татарском и русском	В основном на русском	Только на русском
Русский	18,4	51,3	60,0	69,1	86,1
Русский и татарский	65,1	43,5	32,6	27,7	11,6
Татарский	16,5	2,6	1,1	1,1	–
Другое	–	2,6	6,3	2,1	2,3

По своим потенциальным возможностям татарский язык, по мнению специалистов, не уступает ведущим языкам мира. Однако в течение почти всего XX века в силу различных (в основном политических) причин этот язык отеснялся на второстепенные позиции, его функциональная сфера сужалась. Практически лишенная звена высшего профессионального образования система национальной школы в глазах большей части родителей-татар, и тем более молодежи, выглядит неперспективной и малопривлекательной. Поэтому они продолжают ориентироваться на русскую школу. По данным исследования 2001 г.⁸, преобладающая часть татар в республике (69%) выражала желание воспитывать своих детей и внуков в традициях национальной культуры. И в то же время 54% отдавало предпочтение обучению детей в русскоязычных школах с изучением татарского языка как предмета⁹.

За последние годы сделано многое по возрождению национальной школы, стала фактом возможность выбора языка обучения и воспитания. В республике формируется поликультурное, поликонфессиональное

⁸ Исследование «Культуры народов Татарстана» (рук. Г.И.Макарова), в котором автор принимал участие. Опрошено 1000 человек взрослого населения республики.

⁹ Гарипов Я.З. Функциональное развитие татарского языка как государственного // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан. – Казань: Татарское книжное издательство, 2007. – С. 20.

нальное сообщество. Вопросы языковой политики регулярно освещаются в электронных и печатных СМИ. Однако очевидны стереотипность и инерционность общественного сознания.

Сложилось мнение, что обучение в национальной школе на родном языке создает определенные трудности в дальнейшем при получении высшего профессионального образования и уменьшает шансы в конкурентной борьбе на рынке труда. Однако исследования свидетельствуют, что эти опасения в значительной мере преувеличены.

Республика Татарстан располагает разветвленной сетью высших и средних специальных учебных заведений. В 2003/2004 учебном году образовательной деятельностью занимались 23 государственных вуза и 29 филиалов, а также 9 негосударственных вузов. На 10 тысяч населения приходится 399 студентов. Во всех вузах абсолютным преобладающим языком обучения является русский язык. С 1999 года в вузах республики обучается 51% татар и 42% русских, что практически соответствует национальному составу населения по переписи 2010 г. – 53,2% татар и 39,7 русских.

Будущее языкового развития населения республик Российской Федерации в значительной степени детерминируется языковой ориентацией молодежи. В ходе исследования 1999–2000 гг.¹⁰, отвечая на вопрос: «Владеющими какими языками Вы бы хотели видеть своих детей?» молодые татары и русские в республике Татарстан на первое место поставили родные языки, на втором у татар – русский язык, у русских – татарский язык. И только на третьем месте – иностранный (английский). Такие установки говорят о языковой толерантности и прагматизме, столь необходимых для стабильных межэтнических отношений¹¹.

Языковые предпочтения в республиках РФ в значительной мере определяются языковой политикой, проводимой государством, функциональным восстановлением родного языка в полном объеме. Есть определенная необходимость в том, чтобы рассматривать два уровня этой политики – институциональный и личностный (индивидуальный). На институциональном уровне языковая политика республик

¹⁰ Этносоциологическое исследование «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» (рук. Р.Н.Мусина). Опрошено 1000 человек в возрасте 15–30 лет.

¹¹ Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность. – Казань: РИЦ «Школа», 2000. – С. 45.

ориентирована на паритетное сосуществование русского и национального языка в различных социальных сферах. Однако на индивидуальном (личностном) уровне необходимо стимулировать приоритет родного языка в социализации. Только личность, сформировавшаяся в основном в собственной языково-культурной среде, получившая профессиональное становление на родном языке способна поднять свое языковое самосознание до уровня, обеспечивающего языку реальное функционирование во всех сферах социальной жизни (образование, властные структуры, научная деятельность) и тем самым стать основой сохранения и развития родного языка.

Объявление в республиках Российской Федерации двух, а в некоторых трех и более языков государственными наряду с сохранением и развитием языков этнических меньшинств, выдвигает и новые языковые проблемы. В двадцать одной национальной республике проживает 7,7% от общего числа русских в России. В шести республиках русское население составляет 62–82%, в девяти республиках – их менее трети населения¹². Во всех республиках русский язык сохраняет доминирующие позиции, является языком властных структур, общественной коммуникации и межнационального общения. Русский язык входит в число крупнейших мировых языков. В то же время в республиках государственными языками должно владеть все население. Понятны чувства русской части населения республик, когда им в равных объемах в школе приходится изучать русский язык и языки титульных народов республик. Тем более в условиях, когда преобладающая часть коренного народа сама ориентирована на русскоязычную школу, как более перспективную в смысле социального продвижения и возможностей профессиональной работы за пределами республики. Часть русских родителей выражает сомнение в востребованности языков титульных народов для своих детей и выступает за необязательный (факультативный) характер обучения титульным языкам. Следует также отметить, что ситуация с приобщением русских к языкам коренных народов в различных республиках складывается по-разному. Очевидно, здесь необходима определенная ясность и регламентация сфер функционирования языков.

Все же следует отметить и наличие позитивной мотивации, тенденции толерантности и взаимопонимания среди этнических общин

¹² http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php.

по языковым проблемам в сложных социально-политических и экономических реформ. Характерны ответы на вопрос исследования в Татарстане (2001 г.) (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какими государственными языками Республики Татарстан должны владеть?», (%)

	Обоими гос. языками (татарским и русским)		Достаточно владения татарским языком		Достаточно владения русским языком	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Президент республики	91,9	83,1	1,0	1,1	2,1	8,2
Должностные лица, гос. служащие	87,1	71,0	2,7	1,6	2,9	15,6
Татары, живущие в республике	82,5	61,7	8,1	11,9	2,1	8,4
Русские, живущие в республике	67,5	39,3	1,3	1,8	17,9	42,2

Отметим практическую близость позиций татарского и русского населения о необходимости знания обоих государственных языков президентом, государственными служащими республики. По данным исследования функционального развития языков в школьном образовании (2006–2008 гг.) 63–76% русских старшеклассников согласны с обязательностью владения обоими государственными языками Татарстана для работающих в органах власти и в сфере услуг¹³.

Сложным и проблемным в этноязыковом отношении регионом Российской Федерации представляется республика Башкортостан. В ее составе (по материалам переписи 1989 г. население республики – 3 млн. 844 тыс. человек) выделялись три наиболее крупные национальные (этнические) общности: русские – 39,9%, татары – 28,4%, башкиры – 21,9%. Еще в начале 1990-х годов были предложены различные проек-

¹³ Языки в системе образования Республики Татарстан. По материалам этносоциологического исследования. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – С. 46–47.

ты закона о языках в республике. В качестве государственного наиболее радикальные общественные организации предлагали объявить только башкирский язык – язык титульного народа, но занимающего по численности только третье место в республике. Другие выступали за придание статуса государственного двум языкам – русскому и башкирскому. Татарская общественность выступала за придание государственного статуса и татарскому языку, т.к. татары по численности были вторыми в республике после русских. В итоге многолетних дискуссий только в 1999 году был принят закон «О языках народов Республики Башкортостан», по которому статус государственного получили русский и башкирский языки. По мнению татар республики это явно нарушает их языковые права, что вносит напряжение в межэтнические отношения в самой республике, а также влияет на климат отношений между республиками Башкортостан и Татарстан.

Используя близкое сходство башкирского и татарского языков в ходе последней переписи 2002 г. многих татар в республике Башкортостан переписывали башкирами, тем самым, завышая их численность. По оценкам некоторых исследователей такая искусственная прибавка численности титульного народа составляет порядка 250 тысяч человек, т.е. примерно на такую величину уменьшилась численность татар в республике. Теперь по данным переписи 2010 г. русских в республике 36,1%, башкир – 29,5% и татар – 25,4%. Таким образом, сняты как бы фактические основания для придания государственного статуса и татарскому языку, и принятый закон получает вполне «логичное» обоснование и укладывается в общую схему придания государственного статуса языкам народов республик.

Вполне понятно, что такая «технология» решения этноязыковой и демографической проблемы только обострила ситуацию. В январе 2006 г. собрание представителей татарской общественности обратилось с открытым письмом к Президенту Татарстана и Президенту Российской Федерации, в которых выражает «серьезную озабоченность и тревогу за будущее родного языка», и обращает внимание органов государственной власти Башкортостана, Российской Федерации и Татарстана на «главную проблему – правовую незащищенность татарского языка в Башкортостане и в связи с этим постепенное и планомерное вытеснение его из всех сфер общественной жизни». В обращении отмечается, что вслед за переписью (2002 г.) началось «массовое принудительное введение башкирского языка во всех школах и пере-

вод татарских школ на башкирский язык обучения». Приводятся и другие факты ущемления татароязычного населения: практическое отсутствие теле- и радиопередач на этом языке, сокращение издательской деятельности и т.д.

Сложная языковая ситуация складывается и для представителей этносов, расселенных дисперсно среди других этнических общностей вне пределов своих республик. Из всех российских татар в Республике Татарстан проживает только 38% (2010 г.). Всего 5–6% российских татар в целом имеют возможность получать школьное образование на своем татарском языке. По данным переписи 2002 г. лишь 73% татарской диаспоры в России в той или иной мере владеют родным языком.

Можно надеяться, что в демократической федерации в перспективе будут обеспечены условия для сохранения и развития родных языков во всех регионах. Такой подход к решению языковой проблемы демонстрирует Татарстан. По данным переписи 2002 г. 86,5% чувашей в республике владеют родным языком, тогда как в своей национальной республике таковых 85,8%. Среди татарстанских удмуртов владеют родным языком 87,4%, а в своей республике – только 71,8%. Соответствующие показатели для марийцев – 74,5% и 78,5%, для мордвы – 79% и 84,6%. Интересно отметить, что первая полная средняя школа с обучением на удмуртском языке была открыта не в Удмуртской Республике, а в Татарстане.

Определенные трудности языкового развития населения связаны и с отсутствием федеральных целевых программ по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации. Указом Президента РФ от 21.06.2007 г. образован Фонд «Русский мир», целью которого является популяризация русского языка, руководитель – известный политолог В. Никонов. Это свидетельствует о том, что есть Программа поддержки развития русского языка, однако отсутствует внятная политика Центра в отношении языков коренных народов России.

Для эффективной интеграции народов РФ в российскую нацию важно согласование языковых политик федерального Центра и субъектов федерации. Возможно и своеобразное «разграничение полномочий и предметов ведения» между государственным языком федерации и региональными (республиканскими) языками в различных социальных сферах (языковой федерализм). Российская лингвополитология только приступает к решению сложных задач в этой области. А пока даже в наиболее продвинутом в языковом развитии Татарстане «вся

языковая политика... в последние годы выстраивается «на глазок» и мы в этой важнейшей сфере терпим поражение за поражением»¹⁴. Практически отсутствует исследовательский Центр, способный на современном научно-методологическом уровне анализировать сложные социолингвистические процессы, происходящие в татарском обществе и Республике Татарстан.

Для этносов, особенно небольших, культурно-языковая политика выступает важной частью демографической. Безусловно, языковые процессы напрямую не влияют на такие демографические параметры, как рождаемость и смертность. Существует точка зрения, согласно которой «национальная принадлежность – не врожденное человеческое свойство»¹⁵. Тем не менее, фактор языковой социализации ребенка в семье играет важнейшую роль в его будущих языковых предпочтениях. В семье русских родителей, с русским языком социализации вряд ли будет воспитан татарин, якут или кто-либо другой. Не влияя непосредственно на процессы рождаемости, языково-культурная социализация, безусловно, сказывается на отнесении ребенка к той или иной этнической общности, тем самым, оказывая прямое воздействие на численность данного этноса.

Русский мыслитель И.А. Ильин писал о необходимости акцентировать внимание на том, что ребенок должен: 1) начать говорить и пытаться излагать свои мысли на родном языке; 2) слышать русскую песню еще в колыбели; 3) получить через молитву источник духовной силы – русской силы и т.д.¹⁶ Популярному в России писателю Раулю Мир-Хайдарову принадлежат слова, что он «родился, живет и умрет – татарин». По словам первого президента Татарстана М.Ш. Шаймиева, «нация и вера у нас в генах». Подобные высказывания не могут быть восприняты исключительно как литературная метафора. Огромные усилия титульных народов республик России были направлены на ревитализацию, возрождение функций родных языков. Если в начале 90-х гг. 10,6% татарских детей в Республике Татарстан воспитывались в дошкольных учреждениях на родном языке, то сейчас таковых около 65%.

¹⁴ Исхаков Д. Неизбежность реформ // Звезда Поволжья. – 2011. – № 31, 10–16 ноября.

¹⁵ Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. / Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – С. 34.

¹⁶ Ильин И.А. О национальном воспитании / публикация Ю.Т. Лисицы // Московский журнал. – 1992. – № 2. – С. 5–7.

Язык – выразитель мировосприятия или менталитета народа, его системы ценностей, интересов, черт характера и поведения. Любой язык – абсолютное основание национальной культуры. В 6-ти республиках Приволжского ФО в целом 13,3% титульных национальностей не владеют своим этнически родным языком (2002). Потеря (смена) этнически родного языка не может рассматриваться как конечная цель языкового развития нерусских россиян.

Практика формирования единого советского народа с единым языком стала одним из факторов развала Советского Союза. Единственно жизненной может быть модель российской идентичности, обеспечивающая сохранение и развитие родного языка и этнонациональной культуры при всеобщем владении русским языком и сопричастности к русской культуре. Это соответствовало бы формуле «россиянин-якут», «россиянин-татарин», «россиянин-чувашин» и т.д. Бесперспективным представляется формирование российской идентичности согласно концепции «россиянин якутского происхождения», «россиянин татарского происхождения», «россиянин чувашского происхождения» и т.д.

По словам первого Президента Татарстана М. Шаймиева «россияне – это наша данность»¹⁷. Эта форма давно найдена: еще классик башкирской литературы Мустай Карим (1919–2005) писал: «Не русский я, но россиянин!».

Уникальным инструментом сохранения и развития языков, предотвращения языковых конфликтов могла бы служить «Европейская Хартия региональных языков и/или языков меньшинств». На ноябрь 2012 года из 47 государств, входящих в Совет Европы, ее подписали и ратифицировали 25. Российская Федерация ее подписала в мае 2001 г., надеясь ее ратифицировать через 5–6 лет. Однако наличие большего количества, чем в Европе в целом языков, сложность языковых ситуаций не позволили достичь этой цели. «Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для нас всех родные, которые объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире»¹⁸.

¹⁷ Россияне – это наша данность // Республика Татарстан. – 2011. – 24 декабря.

¹⁸ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета. – 13 декабря 2012 г. – № 287 (5960).

В состав Российской Федерации входит 21 республика, которые по Конституции РФ признаются государствами, в них функционируют свои государственные языки, в некоторых случаях по два и более. Определенная, а в некоторых случаях значительная, доля титульных национальностей республик проживают за их пределами, оставаясь гражданами России, права которых в языково-культурном развитии также должны быть удовлетворены.

Все это позволяет говорить о возможности и необходимости разработки и принятия собственной Российской Хартии региональных (республиканских) языков и языков меньшинств в рамках «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». Представляется, что Хартия оказалась бы достойной «государства-цивилизации» и внесла бы свой неоценимый вклад в интеграцию единого российского народа и динамическое развитие полиэтнической российской идентичности.

Е.А. Ходжаева

РЕЛИГИОЗНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРСПЕКТИВЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность социологических исследований религиозности россиян обусловлена существующим в стране «социальным» заказом. Не только академическое сообщество, но также сами религиозные организации (наиболее крупные из них) и различные государственные структуры заинтересованы в получении сведений о том, сколько же в стране верующих, и какова степень их вовлеченности в сферу воздействия религиозных институций. Объективным источником этого «социального» заказа является, на наш взгляд, прежде всего, отсутствие религиозной статистики приверженцев тех или иных религий и религиозных направлений и течений. В условиях, когда о развитии тех или иных конфессий мы можем судить лишь по числу зарегистрированных организаций, понятны имеющиеся в политических и околонучных кругах спекуляции относительно числа верующих. В частности, широко распространен «этнизированный» подход к определению религиозной идентичности: когда всех русских, украинцев, армян, грузин и пр., номинируют православными, а всех татар, башкир, казахов, чеченцев и др. – приписывают к мусульманам¹. Этой же стратегии придерживаются представители наиболее крупных религий, завышая тем самым число верующих и риторически обосновывая значимость своего символического присутствия в общественной жизни современной России. Одновременно еще одним источником социального заказа является, на наш взгляд, исследовательский интерес со стороны академического сообщества. Желая отказаться от нормативного принятия всех этнических групп приверженцами той или иной религии, социологи изыскивают любые возможности оценить масштабы и характер религиозности соотечественников. В качестве основных подходов в современной эмпирической социологии можно выделить три направления сбора информации о религиозной жизни россиян:

¹ См. критический анализ этого подхода в статье: Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – №6. – С. 35–45.

- проведение массовых обследований населения²,
- статистический подсчет посещений церковных служб³,
- проведение качественных исследований в приходских сообществах⁴.

В тексте статьи будет представлена методологическая саморефлексия относительно результатов исследовательского проекта «Динамика религиозности в контексте изменения этнического самосознания молодежи Республики Татарстан в 2000-х» (РГНФ, код проекта 08-03-00272а), обобщившего:

- с одной стороны, результаты массовых социологических опросов молодежи в республике, проведенных в 2001, 2004 и 2009 гг.⁵,

² Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании в постсоветской России / Под ред. проф. К. Каарийнена, и проф. Д.Е. Фурмана. – СПб., М.: «Летний сад», 2000; Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие / Под ред. К. Каарийнена, Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007; Мусина Р.Н. Процесс реисламизации и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Современная татарская нация: концептуальные исследования. – Казань, 2007. – С. 177–186.

³ Коробко Р.О. Оценка численности прихожан православных церквей г. Тюмени // Материалы VII международной конференции Московского религиозоведческого общества «Будущее религии в Европе» 14–16 мая 2009 года.

⁴ Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 457–494.

⁵ Исследование 2001 года осуществлено в рамках проекта «Процесс исламизации в Татарстане: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (2000–2002 гг., рук. Г.М. Мансурова, при поддержке Фонда Сороса, RSS/OSSF № 2071/1534/2000). В 2004 году опрос молодежи в Татарстане был проведен в рамках исследовательского проекта «Влияние возрождения ислама на установки молодежи в межэтническом взаимодействии» (2003–2004 гг., рук. Е.А. Бондаренко, при поддержке Фонда «Мегапроект» ПФО). И наконец, исследование 2009 года было проведено в рамках проекта «Динамика религиозности в контексте изменения этнического самосознания молодежи Республики Татарстан в 2000-х гг.», поддержанного РГНФ (код проекта 08-03-00272а). Во всех опросах в основе лежала стратифицированная выборка, которая составлялась с учетом квот по полу, возрасту, месту жительства и роду занятий. Респонденты отбирались по кластерному принципу по месту учебы, работы, или, как в случае с безработными, на бирже труда и по месту жительства. Все опросы проводились в режиме самозаполнения: вопро-

– с другой, данные, полученные методом глубинного интервью и фокус-групп с молодыми людьми и девушками, практикующими мусульманский образ жизни в городах Татарстана (полученных с 2000 по 2008 гг.)⁶.

Основной вопрос данной статьи состоит в том, как и что мы можем понять о молодых мусульманах и их религиозности, опрашивая их «количественно» и/или «качественно».

Мы выделяем, совместно с Е.А. Шумиловой, пять компонентов религиозности: 1) идентификационную, 2) эмоциональную, 3) концептуальную, 4) структурирующую поведение и 5) структурирующую сознание⁷.

1. Идентификационная составляющая – это осознание человеком своей принадлежности к определенной конфессии. Конфессиональная идентификация является важным этапом в становлении конфессиональной религиозности.

2. Эмоциональная составляющая, к которой мы относим весь спектр эмоций, порождаемых верой: это может быть ощущение близости к Богу, признание человеком правильности религиозного учения, мистическое осознание красоты и взаимосвязанности всего сущего, озарение, блаженство и т.п. чувства. Эта составляющая не подда-

сы веры являются интимными, и необходимость обсуждения их с интервьюером, на наш взгляд, уменьшает степень искренности респондентов.

В Татарстане в 2001 году были опрошены 1026 человек в возрасте от 15 до 29 лет, из которых 54% – назвали себя татарами, 40% – русскими, а 6% либо выразили свою принадлежность к другим этническим группам, либо указали смешанную этничность или не указали ее вовсе. В анкетировании 2004 года приняли участие 905 человек того же возраста. Из них с татарским этносом себя ассоциировали 48%, с русским – 42%, иную или смешанную этническую идентичность указали 5% опрошенных молодых людей, и отказ в своей этнической идентификации выразили 5% участников опроса. Опрос 2009 года охватил 1006 человек того же возрастного сегмента, из которых 51% назвали себя татарами и 39% – русскими.

⁶ 51 глубинное интервью 2000–2001 и 2008 гг., две фокус-группы с молодыми мусульманами 2004 г.

⁷ Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи в Республике Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Этносоциологические исследования в Республике Татарстан. – Казань, 2008. – С. 190–218.

ется измерению в массовых опросах, однако хорошо прослеживается в глубинных интервью с верующими, создает их особое настроение.

3. Концептуальная составляющая, включающая в себя свободное владение основными религиозными концептами, употребление их в ситуациях речевого взаимодействия и объяснение с их помощью явлений повседневной жизни. На более глубоком уровне концептуальная составляющая проявляется в знании, понимании и принятии непреложности доктринальных основ религии.

4. Структурирующая поведение составляющая. Здесь можно заметить, что ритуальная религиозная практика структурирует повседневную жизнь верующего на глубинном уровне. Ежедневные обряды, например, такие как чтение молитвы, создают основу упорядочивающего повседневность расписания дня. Обрядовая составляющая определяет также наполнение религиозной атрибутикой повседневного пространства верующего: выбор определенного вида одежды, ношение амулетов, оберегов, организация согласно религиозным нормам жилищного пространства и т.д. Соблюдение праздников, постов, посещение храмов и мест паломничества расписывают жизнь верующего в течение всего года и в масштабах всей жизни. На социальном уровне структурирующая поведение составляющая выражается в соблюдении традиций, обрядов и праздников, в участии в жизни религиозной общины и способствует инкорпорированию человека в сообщество единомышленников.

5. Структурирующая сознание составляющая – это интериоризация (усвоение) верующим религиозных ценностей: приоритетов и целей, к которым стоит стремиться; моделей правильного поведения; представлений о чертах характера, которые следует в себе воспитывать. Религиозные ценности предъявляются верующему в виде прямых указаний и требований, или могут раскрываться метафорически через сказания и притчи. Структурирующая сознание компонента религиозности проявляется в стремлении следовать религиозным ценностям в повседневной жизни и в желании их распространять.

По опыту наших исследований, метод массового опроса, даже нацеленный на изучение религиозного опыта, способен осветить в той или иной степени лишь первую, третью и четвертую компоненты. При этом в каждом случае исследователю приходится решать конкретные методические вопросы. Рассмотрим их более подробно.

1. Идентификационная составляющая.

Казалось бы, что данная компонента религиозности не вызывает особых трудностей при проведении массовых опросов – именно признание себя верующим и причисление себя к исламу являются в большинстве подобных исследований достаточными для номинирования участников опросов в качестве приверженцев данной религии. Но здесь возникают первые трудности методического плана и в последующем анализе, которые могут привести к противоречивым выводам. Во-первых, о религиозной идентичности можно спросить по-разному. Можно задать закрытый вопрос (что чаще всего и делается в массовых опросах), а можно задать участникам опроса вопрос-тест, попросив их дать о себе пять ответов на вопрос «Кто я?» (тест М.Куна-Т.Мак-партленда), который в классическом виде предполагает 20 возможных ответов. В наших исследованиях мы спросили молодежь Татарстана об их религиозной идентичности обоими способами, признавая, что закрытая и конкретная форма вопроса предоставит нам сведения о религиозной идентификации любой степени интенсивности, тогда как тест «Кто я?» послужит индикатором наиболее высокой степени актуализации религиозности в сознании респондента. Отметим также, что данный вопрос-тест задавался в самом начале анкеты, когда ее тематика еще не была полностью раскрыта перед респондентом.

Итак, на открытый вопрос мы получили следующие ответы относительно мусульманской идентичности: в 2001 и в 2004 году по 15 человек (чуть более 1%) указали в числе прочих ответов, что они мусульмане. К 2009 году число тех, кто назвал себя в тестовом опросе мусульманами или дал схожие ответы («верю в Аллаха») составило уже 30 человек (почти 3%). Необходимо ответить, что в данном случае двукратное увеличение в абсолютных показателях не может быть представлено как индикатор значимого повышения степени актуализированности мусульманской идентичности в молодежной среде, поскольку с точки зрения статистического анализа данных оно находится в пределах ошибки выборки. Мы можем лишь сделать вывод о том, что данная идентичность наибольшей степени актуализирована в сознании лишь незначительной доли молодых татарстанцев.

Таблица 1

Субъективная оценка степени религиозности респондентами, причислившими себя к исламу (%)

Верующий ли Вы человек?	2001 Указавшие приверженность исламу 38% по выборке; из них 96% татары	2004 Указавшие приверженность исламу 41% по выборке; из них 93% татары	2009 Указавшие приверженность исламу 48% по выборке; из них 91% татары
Да, верующий, соблюдаю обряды и обычаи	6	15	11
Да, верующий, но не соблюдаю всех обрядов	71	67	70
Колеблющийся	8	12	8
Неверующий, но уважаю чувства тех, кто верует	9	5	8
Неверующий, считаю, что с религией надо бороться	–	–	–
Затрудняюсь ответить	5	2	3
Нет ответа	1	0	–
Всего	100	100	100

Распределения ответов на закрытые вопросы о религиозной идентичности оказываются более обнадеживающими для мусульманского сообщества и на первый взгляд подтверждают известный тезис мусульманских лидеров региона о том, что к исламу сегодня приходит все больше молодежи. В 2001 к исламу себя отнесли 37% участников опроса, в 2004 году – 41%, а в 2009 – уже почти половина (47%). Эти данные можно трактовать как тенденцию увеличения числа адептов ислама в молодежной среде Татарстана. Однако если мы посмотрим на самооценку мусульманами собственной степени религиозности, то обнаружим противоречия. Подавляющее большинство адептов ислама среди татарстанской молодежи (около 70%) называя себя верующими,

признают, что не соблюдают всех обрядов и обычаев. Доля назвавшихся верующими и соблюдающими обряды и обычаи невысока и составляет в 2000 годах 11–15% (здесь нужно напомнить, что речь идет лишь о собственной самооценке респондентом собственной религиозности). При этом, несмотря на то, что вопрос о религиозной идентификации задавался только тем, кто считает себя верующим или колеблющимся (последних среди назвавшихся мусульманами было незначительное число 8–12%)⁸, все же среди молодежи, причислившей себя к исламу, нашлись те (в 2001 и в 2009 годах 8–9%), кто считает себя неверующим. Это обстоятельство является свидетельством существующего в сознании определенной части молодежи противоречия с точки зрения догматики ислама, которая понимает под мусульманами, безусловно, только верующих людей.

Таким образом, если перед нами поставлен «социальный заказ» определить долю мусульман среди молодежи Татарстана – то мы сталкиваемся с первой дилеммой – включать или не включать в их число тех, кто одновременно причисляет себя к исламу и утверждает, что он неверующий. Если же учитывать при определении доли мусульман еще и обрядовый и когнитивный компоненты религиозности – то задача определить долю мусульман в молодежной среде значительно усложняется.

2. Структурирующая поведение верующего составляющая.

Вопрос о том, следует ли респондент религиозной практике, также можно задать в открытой и закрытой формах. В 2001 году мы предложили участникам опроса самостоятельно вписать в анкету ответы о том, какие религиозные обряды и ритуалы они соблюдают. Результаты оказались плачевными: более половины (56%) из тех, кто причислил себя к исламу, не дали ответа. В 2004 и 2009 годах в анкете был предложен перечень возможных ответов (см. Табл. 2). Оказалось, что даже в этом случае треть опрошенных, назвавшихся мусульманами, не указывает ни одного обряда. Еще одна треть – отметила практику обрядов, имеющих социальное значение, чаще всего свадебный обряд и имянаречение – похоронный обряд и обрезание отмечались, видимо в виду возраста или пола реже – каждым пятым представителем этой группы. Также от одной пятой до трети практикуют некото-

⁸ Точная формулировка вопроса: «Если Вы верующий или колеблетесь, то какой религии Вы придерживаетесь?».

рые мусульманские традиции – милостыня, посещение мечети. При этом доля тех, кто вовлечен к ежедневную религиозную практику, достаточно низкая – в 2009 году 5%, что в два раза ниже доли тех, кто считает себя верующим и исполняющим все обряды и обычаи (см. Табл. 1).

Таблица 2

Соблюдение мусульманских обрядов респондентами лично, причисливших себя к исламу (по результатам опросов 2004 и 2009 года⁹, %)

Какие мусульманские обряды соблюдаются Вами лично	2004	2009
Никах (свадебный обряд)	40	39
Жиназа уку (похоронный)	25	19
Исем кушу (имянаречение)	39	36
Суннат (обрезание)	20	23
Ураза	30	14
Намаз	11	5
Пятничная молитва	5	5
Тахарат	16	13
Хадж	2	2
Закят	4	8
Саадака	43	33
Посещение мечети	26	27
Другие	–	1
Нет ответа	30	35

Ответы респондентов на дополнительные вопросы об их личной религиозной практике, заданные лишь в 2009 году, также подтверждают вывод о том, что доля «практикующих» мусульман среди тех, кто причисляет себя к исламу, достаточно низкая. Так, половина этой группы призналась, что практически не молится. Доля тех, кто молится хотя бы раз в неделю среди молодежи, причислившей себя к исла-

⁹ Мы не приводим здесь данные по опросу 2001 года, поскольку тогда вопрос о личном ритуальном и обрядовом поведении был задан респондентам в открытой форме. Как известно, подобная форма вопроса часто приводит к высокому проценту неответивших. В случае исследования 2001 года таковых было две трети среди всех опрошенных (62%), а среди назвавшихся мусульманами этот показатель составил 56%.

му, составила менее одной пятой, включая совершенно незначительную долю тех (2%), кто старается совершать пятикратный намаз.

Диаграмма 1

Частота молитвенных практик респондентов, причисливших себя к исламу (опрос 2009 г.)

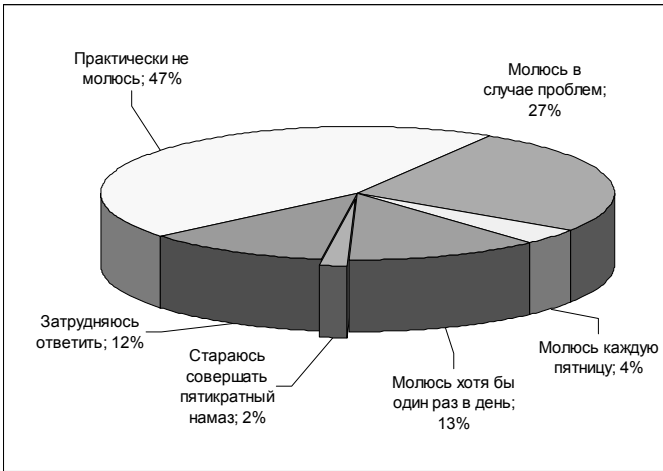
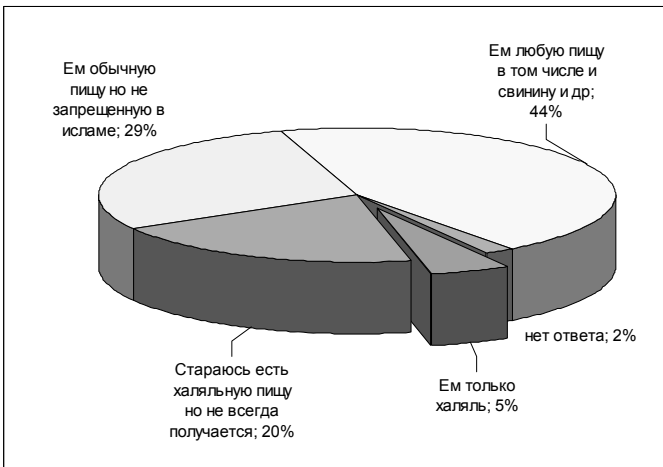

Диаграмма 2

Установка на соблюдение запретов в еде среди респондентов, придерживающихся ислама (опрос 2009 г.)

Пост в месяц Рамадан (Ураза) стараются регулярно практиковать 5% этой группы молодежи, менее одной пятой ответили, что им не удастся поститься ежегодно. Подавляющее же большинство (77%) участников опроса, назвавших себя мусульманами, согласно их ответам, не соблюдают пост. Схожая ситуация наблюдается и в связи с религиозными запретами в еде. Только 5% данной группы молодежи потребляют разрешенную (халяльную) пищу, еще каждый пятый – старается соблюдать это правило.

Незначительная доля «практикующих» мусульман прослеживается во «включенности» опрошенных в мусульманские сообщества, поскольку такая включенность подразумевает не только посещение мечети, но также общение и деятельное участие в жизни общины. Так, только 3% респондентов, причислившихся себя к исламу, регулярно обращаются к священнослужителям за советом, почти треть делает это редко, и две трети этой группы молодежи, ответили, что никогда не обращались к священнослужителям. Духовный наставник есть у 7% данной группы, еще четверть не имеет духовного наставника, но ответила, что нуждается в таком человеке. Остальные (и снова две трети) не испытывают подобной потребности. В 2009 году почти каждый пятый причисливший себя к исламу ответил, что помогает мусульманским организациям. Кстати, это больше, чем в начале 2000-х годов: в предыдущих опросах помощь религиозным организациям указали от 10% до 12% этой группы молодежи. В большинстве случаев – это финансовое участие – в общей сложности ее отметили двое из пяти, включая и тех, кто под помощью подразумевал милостыню бедным. 8% указали, что оказывают такую помощь делами, и 1% – ответил, что помогает продуктами. Адресатами помощи религиозных организаций с той или иной частотой являются 9% опрошенных и их семей (часто – 2%, редко – 7%).

Таким образом, если рассматривать данные опросов целостно, то можно отметить, что респонденты называли себя исполняющими обряды, имеющие скорее не «лично-ориентированное», а «социальное» измерение, т.е. характеризующие:

- либо изменение социального статуса – никах, имянаречение;
- либо значимость ритуала для семейной или, более широко, этнической группы (похоронный обряд, обрезание).

Самой популярной практикой, которая имеет лично-ориентированное значение, оказалась милостыня (саадака) – ее практикует

каждый третий, указавший свою принадлежность к исламу. Четверть таких опрошенных отметила, что посещает мечеть. Такая же доля респондентов нацелена на соблюдение мусульманских запретов в еде. С той или иной степенью регулярности практикуют пост менее одной пятой респондентов, и около 15% – стараются ежедневно молиться.

Анализ структурирующей поведение компоненты религиозности на материалах массового опроса 2009 года приводит нас к тому, что доля практикующих мусульман сегодня составляет не более 5% (индикатором в данном случае служит доля тех, кто ответил, что читает намаз), поскольку соблюдение других «столпов» ислама (пост в месяц Рамадан, хадж, закят) не всегда обязательны для исполнения.

3. Концептуальная составляющая религиозности.

Эта компонента в методике наших опросов была представлена перенем как догматических, так и недогматических позиций веры, среди которых респондентам предлагалось выбрать те, которые они считают истинными. Четверо из пяти (83%) респондентов (как в целом по выборке, так и среди этой группы) ответило, что верят в Бога. Однако из этого следует, что остальные из причисливших себя к исламу (17%), – не указали своей веры в Бога. В целом, к 2009 году убежденность в основных положениях ислама проявляла меньшая доля представителей этой группы молодежи. Так, в начале 2000х годов двое из трех опрошенных, назвавших себя мусульманами, отмечали, что верят в наказание за грехи. В 2009 году доля таких ответов сократилась на треть и составила 44%. Существование ада и рая в начале 2000 годов признавали почти трое из пяти респондентов, причисливших себя к исламу, в последнем опросе эта доля составила лишь треть группы. Бессмертие души в 2009 году признали почти в два раза меньше назвавших себя мусульманами, чем в начале и середине 2000-х годов. Лишь вера в Судный день осталась разделяемой практически той же частью этой группы молодежи – в 2001 году его признавала треть молодежи, в 2009 – четверть.

Одновременно группа тех, кто причисляет себя к исламу, теряет убежденность в других (с точки зрения исламской догматики «неистинных») позициях веры. Все меньше молодежи доверяет астрологии и гороскопам, гаданиям и приметам. Особенно резко снизилась вера в положение о переселении душ – в начале 2000-х его придерживалась треть назвавшихся мусульманами, а сегодня 14%.

Таблица 3

**Идеи и положения, в которые верит молодежь,
причислившая себя к исламу**

Верите ли Вы в...	2001	2004	2009
В Бога ¹⁰			83
Наказание за грехи	65	64	44
Существование Ада и Рая ¹¹	59	58	34 /37
Бессмертие души	46	39	20
Приметы	36	37	21
Астрология, гороскоп	35	36	19
Переселение душ	34	27	14
Судный день	35	31	27
Магия, гадание	20	24	16
В ангелов			22
Ни во что из выше перечисленного не верю ¹²		7	9
Нет ответа	0,8		0,8

В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением только этих вопросов, касающихся концептуальной составляющей религиозности, оставив вне поля нашего внимания вопросы об опыте чтения Корана и религиозной литературы, об установках на получение религиозного образования, об интересе к эзотерическим течениям и пр. Даже приведенные данные позволяют показать широкие возможности в интерпретации наших респондентов как мусульман или не мусульман в зависимости от различных аспектов их веры. Так, если мы будем считать убежденными мусульманами только тех, что верит в Бога – то должны уменьшить долю причисливших себя к исламу на 17%. Однако если мы будем понимать убежденность, как признание истинным не только существования Бога, но также и других догматических положений ислама, то доля убежденных молодых мусульман составит не больше 20–27% (признание бессмертия души и Судного дня).

¹⁰ Эта позиция, а также позиция «В ангелов» задавались только в опросе 2009 г.

¹¹ Эти позиции в опросе 2009 года задавались отдельно «Существование ада» и «Существование рая».

¹² Эта позиция задавалась в опросах 2004 и 2009 гг.

Качественные методы – в нашем случае глубинные интервью и фокус-группы с представителями группы практикующей мусульманской молодежи позволяют собрать данные обо всех элементах религиозности. Причем, в каждом случае они по-разному актуализированы в зависимости от личности собеседника, его стратегии самопрезентации, ситуации интервью и личности того, кто собирает материал. В итоге, исследование, выполненное в рамках «субъект-субъектной» парадигмы позволяет, как ожидается, описать многообразие индивидуальных интерпретационных схем и практик. Самая сложная задача при работе с такими данными – перейти на уровень обобщений разрозненных жизнеописаний и ценностных воззрений. При этом в качественном подходе существует предел генерализации материала. Практическим итогом, например, никогда не станет ответ на вопрос – сколько же процентов мусульман в молодежной среде. Однако мы имеем возможность показать и понять «жизненный мир» практикующей мусульманской молодежи.

Рассматривая *идентификационную* составляющую религиозности, стоит отметить, что самоопределение молодого мусульманина или мусульманки строится в нескольких координатных осях. Во-первых, это традиционное разделение всей уммы на различные направления, течения (масхабы). Все наши информанты прекрасно осведомлены о своей принадлежности к «людям Сунны» и ханафитскому мазхабу. Следование этому направлению обосновывается чаще всего традиционной приверженностью ему татар, и реже – собственным религиозным выбором. Кроме того, в интервью мы практически не встречаем негативного отношения к мусульманам, придерживающихся других направлений и течений, в частности шиизма. Стоит отметить, что в повседневной речи, рассуждая об исламе и о мусульманах в целом, информанты старались не актуализировать догматические расхождения, и мыслили себя и других людей в рамках всех мусульманской уммы – *«Я считаю, что это плохо очень – много различных течений. Такого быть, я считаю, не должно. Поэтому я себя не отделяю, я говорю «мусульманин», на этом всё»* (Казань, 2008, муж., 23 г.).

Обсуждая религиозные и догматические различия между различными направлениями ислама, многие наши собеседники обращались к теме ваххабизма. В условиях навязанной со стороны СМИ интерпретации сторонников этого течения как социальной почвы для ради-

кально-экстремистских идей и терроризма, верующая молодежь вынуждена оправдывать себя и свою веру, подчеркивая:

– либо сконструированный характер этого ярлыка, который навешивается на любого мусульманина или мусульманку: *«Слова ваххабизм вообще не должно быть. Людей следует разделять на хороших или плохих»* (Набережные Челны, 2001 г., жен, 19 л.);

– либо оправдывая верующих, причисляющих себя к этому направлению, при этом дистанцируясь от них: *«Ваххабизм – это течение ислама... Это не о учение, которое призывает, к... плохому, нечеловеческому. Такое же течение, которое призывает верить в Аллаха, и нет там особой такой плохой стороны, чтобы противоречила той жизни, в которой мы живем. То, что там призывает, это все то, что полезно человеку»* (Казань, 2000, жен., 22 г.);

– либо указывая на то, что слово «ваххабизм» стало удобным маркером всех несогласных и экстремистки настроенных групп, которые не имеют ничего общего с «настоящими мусульманами».

Вторым направлением самоидентификации мусульманской молодежи является актуализация следования религиозной практике. Она включает в себя также элементы повседневных типизаций мусульман на «соблюдающих»-«несоблюдающих», «практикующих»-«непрактикующих». Примечательно, что именно здесь происходит этнизация группы непрактикующих мусульман. Если в ответах на вопрос о том, связаны ли этничность и религиозность, практически все собеседники отвечали «догматически» верно и корректно, что ислам – это религия не только татар, и любой человек, вне зависимости от этничности или национальной принадлежности, имеет право на вхождение в умму, то при обсуждении непрактикующих мусульман в качестве последних всегда назывались этнические татары. Рассуждая о них, информанты часто используют категорию «этнические мусульмане» для того, чтобы развести в конкретном контексте Татарстана категории соблюдающих и несоблюдающих мусульман и дистанцироваться от последних. Здесь нужно отметить двойственное отношение к этническим мусульманам. С одной стороны, как показано выше, подчеркивается наличие дистанции по отношению к этим людям. Одновременно с этим «этнические мусульмане» рассматриваются практикующими в качестве потенциальной основы для развития ислама в регионе. Так людям, называющим себя мусульманами, пусть даже по этнической традиции, наши собеседники не отказывают в праве символического

вхождения в умму. Здесь говорится о том, что главное, чтобы человек себя считал мусульманином, а за неисполнение предписаний он будет отвечать сам. Кроме того, в интервью нередко высказываются сожаления по поводу того, что татары выбирают другие вероисповедания и религиозные практики, поскольку «этнические мусульмане» рассматриваются как ресурс увеличения числа совершающих.

Эмоциональная оставляющая религиозности оказывается самым трудным для вербализации компонентом, поскольку она затрагивает весь чувственный опыт верующего. Чаще всего переживаемый в молитве опыт веры описывается в интервью через «очищение», обретение состояния «*одоухотворенности*», «*укрепления в вере*». Информанты обсуждают, что в мечети или дома в случае коллективной молитвы, когда они совершают намаз семьей, их вера («иман») «*сильнее*», «*крепче*». Некоторые информанты отмечали, что не только молитва, но и чтение Корана приносит им несравненные эмоциональные ощущения, которые они описывают как чувство легкости, спокойствия и очищения. Важным моментом для получения уникального эмоционального опыта переживания веры является отказ рационально мыслить в молитве и позволить чувствам проявиться. Некоторым нашим информантам ислам помогает не через душевное спокойствие, а через вдохновение обрести смысл в жизни.

Отдельным опытом эмоционального переживания является ношение девушками и молодыми женщинами хиджаба. По данной теме в Казани проведено отдельное исследование Д.М. Гараевым¹³, с которым мы в целом согласны в том, что опыт ношения платка является поворотным моментом в судьбе мусульманки, после которого «*обратного пути уже нет, всё ты решила – ты должна идти до конца*» (Казань, 2008, жен., 24 г.). В 1990-х – начале 2000-х годов в Татарстане, а в других регионах России и по сей день мусульманка в платке испытывает «общественное внимание», которое может быть как положительным, так и негативным. Практически каждая девушка в хиджабе вырабатывает в себе умение эмоционально закрыться, если находится в незнакомом ей секулярном окружении (на улице, в транспорте и т.п.), чтобы

¹³ Гараев Д.М. Практикующие мусульманки в современной Казани: биографии, практики и идентичность: магистерская работа / Д.М. Гараев; науч. рук. А.А. Темкина. Европейский университет в Санкт-Петербурге (СПб.). Факультет политических наук и социологии. – СПб., 2008. – 57 с.

преодолеть излишнее внимание к себе со стороны. Именно в этом контексте молодые мусульманки нередко отмечали, что ношение платка или хиджаба приносит им чувство «защищенности», «отрешенности». Многие воспринимают его как «молчаливый призыв» к исламу. Но в интервью мы не раз встречаем рассказы о том, что некоторые девушки не выдерживают общественного давления или в целом отказываются от исламской идентичности, или перестают носить хиджаб, оставаясь практикующими мусульманками. Однако такие случаи, являются, по мнению наших собеседниц, скорее исключением.

Структурирующая сознание компонента религиозности проявляется в усвоении ценностно-нормативного содержания религиозной доктрины. Первое, что здесь необходимо отметить, это проявляющаяся во всех интервью установка на традиционализм и патриархальное мировоззрение. Самыми значимыми ценностями для всех собеседников являются семья и брак, подразумевающие уважение к старшим родственникам, традиционное разделение внутрисемейных ролей, при котором мужчине отводится роль основного кормильца семьи, а женщине – хранительницы домашнего очага, заботящейся о детях и муже. При этом многие из наших собеседниц-мусульманок работают. Этот факт они комментируют либо собственными стремлениями и разрешением от мужа, либо необходимостью дополнительного заработка в семье. Молодые мусульманки в интервью 2008 года, еще не имеющие детей, видят свой брак следующим образом: сначала планируется создание основы для будущей семьи («строительство дома», «покупка квартиры», «создание основного капитала»), а только затем рождение детей. После заботы о детях при достижении ими самостоятельного возраста, все респондентки планируют вернуться к работе. В качестве сферы занятости молодые мусульманки выбирают либо роль помощницы мужа в делах, либо «женские» профессии (воспитательница в детском саду, учительница и т.п.), в некоторых случаях научную академическую карьеру.

Юноши-мусульмане также констатировали принятие ими традиционных патриархальных ценностей. Практически все из них, кто старше 20 лет, указывали на то, что нацелены на создание собственного бизнеса. При этом особо декларировалась социальная и религиозная сторона вопроса – бизнес должен не только приносить доход, но и «помогать» людям фактом создания рабочих мест или благотворительностью и т.п.

Наиболее отчетливо ценностно-нормативные ориентиры молодых мусульман проявляются через сравнение собственного образа жизни и мыслей с поведением и мировоззрением большинства молодежи. Мусульманская молодежь не принимает многие аспекты современного стиля жизни сверстников: от ношения модной одежды, оголяющей тело, до практики неофициального сожительства; от курения и употребления алкоголя до установок на незаслуженную собственным трудом, богатую и полную наслаждений жизнь. Подобным негативным проявлениям в среде их сверстников мусульманская молодежь противопоставляет такие, по ее мнению религиозные, ценности как – уважение к старшим, активный труд на благо общества, желание больше помогать другим людям, нежели получать от них. Также стоит отметить прослеживающийся практически во всех интервью очень сдержанный тон верующих при критике негативных явлений или недостойного поведения окружающих или незнакомых им людей.

Структурирующая поведение составляющая проявляется в повседневной жизни молодого верующего. Молодые мусульмане в отличие от своих неверующих сверстников, относятся к религиозным предписаниям и требованиям не как к «ярму» или «тяжести», а как к радости, благословию Аллаха или своему служению. Это проявляется как для предписаний по самым обычным и повседневным аспектам жизни, так и относительно более широких вопросов.

Все наши информанты сказали, что стараются исполнять обязательные требования ислама. Они пятикратно совершают намаз (могут прочесть его в учебной аудитории или в другом пригодном помещении в ВУЗе или на работе), соблюдают пост в месяц Рамадан, в той ли иной мере участвуют в жизни религиозных общин или организаций. Соблюдение запретов в еде и в общении (например, отказ от посещения молодежных мероприятий и событий, где люди потребляют спиртное) является обязательным условием их жизни.

Здесь также нужно указать на различие между 1) теми молодыми мусульманами, которые пришли к вере самостоятельно (иногда даже вопреки мнению родителей), 2) и теми, кто был воспитан в религиозной атмосфере. У последних поведенческая компонента религиозности формируется постепенно и в согласии с нормами жизни их семейной референтной группы. В то же время, информанты, пришедшие к вере самостоятельно, указывают на неприятие со стороны неверующего окружения (родителей, родственников, друзей). Именно таким ве-

рующим в период неопитства приходится постепенно преодолевать привычный ранее секулярный образ жизни, изменять интересы и приоритеты, жертвуя иногда общением с прежними друзьями. Нередко отмечается, что информантам удается изменить своим поведением внешнее окружение (в ВУЗе, в рабочем коллективе, среди неверующих родственников и знакомых. При этом указывается, что воздействовать на других людей предпочтительно не с помощью открытой агитации и нравоучений, а собственным примером, когда окружающие люди, учитывая стиль жизни мусульманина или мусульманки, сами подстраиваются под него.

В целом неприятие современного светского стиля жизни (полного, по мнению верующих, пороков и критики в адрес мусульман), приводит к:

- созданию мусульманских, в некотором роде альтернативных современному культурному и молодежному мейнстриму публичных пространств: кафе, клубов, молодежных и детских лагерей;
- стилей занятости, например, на предприятиях, созданных мусульманами, предполагающих соблюдение всех канонов и исключая запреты.

Одновременно в редких интервью прослеживается установка на закрытый образ жизни, когда некоторые мусульмане говорят, что стараются общаться и выстраивать дружеские связи и знакомства в среде своих соверующих. Большинство же наших опрошенных утверждали, что хотя в их ближайшем окружении больше мусульман, они поддерживают дружеские, рабочие контакты, знакомства и с неверующими сверстниками, и с представителя других религий.

И, наконец, пятый *концептуальный* компонент религиозности, выражается в следовании заложенной догматикой установке на обретение знаний. Практически все мусульмане, с кем мы общались вне стен религиозных заведений, либо уже получили на каком-то из уровней религиозное образование, либо получают его. Установка на совмещение светского и религиозного образования широко распространена среди современных молодых мусульман, особенно среди девушек. Более того, даже уже окончив медресе, большинство продолжает пополнять свои знания через чтение литературы или посещение публичных лекций, встреч или путем личных консультаций со *«знающими людьми»*.

В заключение хотелось бы сделать несколько методологических обобщений. Во-первых, очевидна принципиальная «несочетаемость» двух методик, как в самой «механике» и «оптике», так и в языке описания данных. Обращение к результатам массового опроса заставляет исследователя мыслить «относительными величинами», «процентами» сквозь призму которых уже не проследить конкретных жизненных судеб респондентов, их жизненных смыслов. Метод массового социологического опроса при всей сложности его организации, примененный к такому неоднозначному явлению как религиозная жизнь человека, оказывается грубым и «несензитивным» к нюансам. Он относится к опрашиваемому лишь как к набору интересующих исследователя свойств, т.е. предполагает неравные субъект-объектные отношения. В лучшем случае он позволяет детально зафиксировать идентификационную и поведенческую компоненты религиозности, и реже – концептуальную (т.е. проверить знание некоторых доктринальных основ и пр.). Качественные же методы в силу своей сензитивности к жизненному опыту верующего позволяют показать его в многообразии, однако не способны вывести исследователя на уровень высокой степени генерализации настолько, чтобы дать ожидаемый ответ на «социальный заказ», с которого мы начали наши рассуждения.

Вторым и, наверное, самым значимым является наблюдение, что обе методологические парадигмы не свободны от «нормативного идеала». Под ним мы понимаем – установку как самого исследователя, так и исследуемых на воспроизводство нормативного образа верующего (в нашем случае мусульманки или мусульманина), формируемого и транслируемого религиозными институциями в соответствии с религиозными догматами и принятыми в сообществе верующих правилами и регулярностями поведения. Однако механизм включения этого нормативного образца в исследовательскую оптику в этих методах несколько различен. В случае массового опроса он, прежде всего, «вписан» в инструментарий анкетного опроса, когда исследователь заведомо знает, во что должен верить и как следует вести себя мусульманину или мусульманке. Одновременно здесь также имеется слабое следование нормативному идеалу и со стороны респондентов. Так, специфика религиозной ситуации в российском обществе такова, что сегодня нормативно иметь религиозную идентичность, нежели не иметь ее вовсе. Этим и объясняются 8–9% тех, кто причислил себя к исламу, но назвался неверующим, или 17% этой же группы, не ука-

завшей свою веру в Бога, или треть «мусульман», не назвавших ни одного мусульманского ритуала или обряда, которому они когда-либо следовали и т.д. В качественных же методах, основанных на общении с изучаемыми людьми, «нормативный идеал» транслируется, прежде всего, последними. На материалах интервью мы смогли получить, и это явствует из нашего изложения, в основном лишь идеальный образ молодого мусульманина и мусульманки, некий моральный ориентир для тех, с кем мы беседовали. Устные беседы и интервью позволяют молодежи арктикулировать собственные стремления следовать этому морально-нравственному образцу. Насколько успешным оказывается этот путь, мы судить не можем, поскольку ограничены опросным методом. Мы же в основном располагаем косвенными данными об отклонении от идеального образа мусульманина, однако, учитывая нежелание наших собеседников рассказывать неблагоприятную информацию о ком-то и их сдержанность в оценках, распространенность иных «ненормативных» моделей поведения мусульман остается неизвестной. В любом случае мы не склонны идеализировать практикующую мусульманскую молодежь. Не все из них вербализуют нормативно приемлемые для сообщества паттерны поведения. Некоторые собеседники, напротив, рассуждая вполне искренне, декларируют иные рациональности в актуализации религиозной идентичности. Кроме того, мусульманская молодежь в целом неоднородна. Она сегментирована по возрасту, уровню образования, месту жительства. Некоторыми их религиозность рассматривается как некий ресурс, позволяющий «обменять» его на иные ресурсы (практические, символические и пр.). Возможно, для некоторых молодых людей и девушек из сел или дальних и/или депрессивных районов обретение мусульманской идентичности видится неким «социальным лифтом», позволяющим получить доступ во взрослой жизни к устойчивому социальному окружению.

Преодоление влияния нормативного идеала чрезвычайно сложно и полностью невозможно ни в одном из методов. В качестве альтернативного пути мы предлагаем не только учет «несовпадения» ответов и рассказов и догматически обоснованного идеала, но также понимание и описание типов религиозного сознания и моделей обращения к вере. В любом случае, описание подобных методических трудностей будет первым шагом не только к исследовательской саморефлексии, но также к осознанию подобной проблемы другими заинтересованными

агентами «социального заказа» – лидерами религиозных сообществ, государственными чиновниками и т.п. Если исследователи будут открыто обсуждать не только результаты опросов, но также раскрывать «кухню» получения данных, то задача определения доли мусульман в России в целом или отдельном ее регионе (например, Татарстане), перестанет быть проблемой практической, а станет дискуссионным полем, в котором должны быть озвучены не один, а множество ответов, и вместо конкретной цифры должны быть предложены различные типологии верующих.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Алсу Радиковна – кандидат социологических наук, заместитель начальника отдела по оценке эффективности и развитию Президентской Программы подготовки управленческих кадров Федерального ресурсного центра по организации подготовки управленческих кадров для отраслей народного хозяйства РФ (andreewa.81@mail.ru)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (ИИ АН РТ), заместитель руководителя Центра этносоциологических исследований ИИ АН РТ (medi54375@mail.ru)

Гарипов Ягфар Закирович – кандидат философских наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (филиал в г. Набережные Челны) (tatgarip@yandex.ru)

Зинурова Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (rushazi@rambler.ru)

Иванова Эльвира Абдулбариевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии Альметьевского государственного нефтяного института (ivanova_ia@list.ru)

Козлов Вадим Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (vadim.kozlov@list.ru)

Кушаев Ринар Рустямович – аспирант кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (rinar-kushaev@yandex.ru)

Макарова Гузель Ильясовна – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (makarova_guzel@mail.ru)

Махмутов Зуфар Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (zufar@inbox.ru)

Мусина Розалинда Нуриевна – кандидат исторических, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, руководитель Центра этносоциологических исследований ИИ АН РТ (rmmusina@mail.ru)

Мухарямов Наиль Мидхатович – доктор политических наук, профессор, директор Института массовых коммуникаций и социальных наук Казанского (Приволжского) федерального университета (n.muharyamov@yandex.ru)

Мухарямова Ляйсан Музиповна – доктор политических наук, профессор, проректор по образовательной деятельности Казанского государственного медицинского университета, заведующая кафедрой истории, философии, социологии КГМУ (l.mukharyamova@yandex.ru)

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института массовых коммуникаций и социальных наук Казанского (Приволжского) федерального университета (linizamova@yandex.ru)

Сагитова Лилия Варисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (liliya_sagitova@mail.ru)

Столярова Гузель Рафаилевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (guzelstol@mail.ru)

Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (tatiana.titova@rambler)

Хакимов Рафаиль Сибгатович – доктор исторических наук, профессор, академик АН РТ, директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, директор научных программ Казанского центра федерализма и публичной политики (rafh@mail.ru)

Ходжаева Екатерина Анисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета (КАИ) (ekatherina.khodzhaeva@gmail.com)

«Луч солнца золотого....».
Казань, 2008 г.

*В думах о будущем
России в «зоне
стратегического
значения».*
Казань, 2008 г.

«Ты помнишь как все начиналось...». Итоговый семинар по результатам проекта «Национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов в Российской Федерации». Москва, ИЭиА РАН, 1995 г.

«Место встречи изменить нельзя...». Л.М. Дробижева и Д.Бари. США, Вашингтон, Джорджтаунский университет, 1998 г.

Изучаем мультикультурализм по-американски. В школе с поликультурным образованием. США, Калифорния, 1998 г.

По пути в Сан-Франциско. США, Калифорния, 1998 г.

На территории Джорджтаунского университета. США, Вашингтон, 2000 г.

*«Три девицы
под окном...».*
Москва, 2006 г.

*«Вагончик тронется,
перрон останется...».*
Поезд «Казань-Москва».
Казань, 2002 г.

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...».
Боровое Матюшино, 2003 г.

«Адмирал российской этносоциологии». Казань, 2008 г.

«Пламенные пассионарии...». Казань, 2012 г.

«Этносоциологический генофонд России». Участники научной конференции «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтничного общества». Казань, 2008 г.

«Они сошлись: вода и пламень...». Казань, 2008 г.

«Единство в многообразии...». Казань, 2008 г.

«С любовью из Казани». Отдел этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2012 г.